

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЕЛЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. И. А. БУНИНА»

ИСТОРИЯ: ФАКТЫ И СИМВОЛЫ

*Рецензируемый научно-теоретический
и прикладной журнал*

№ 1 (34) / Елец, 2023

DOI: 10.24888/2410-4205-2023-34-1

<https://hisfas.elpub.ru>

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина» (399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-59752 от 7 ноября 2014).

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ляпин Д. А. (доктор исторических наук, доцент, ЕГУ им. И. А. Бунина, **Елец**)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Глазьев В. Н. (доктор исторических наук, профессор, ВГУ, **Воронеж**)

Елистратов В. С. (доктор культурологии, МГУ им. М. В. Ломоносова, **Москва**)

Канищев В. В. (доктор исторических наук, профессор, ТГУ им. Г. Р. Державина, **Тамбов**)

Крючков И. В. (доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной истории, политологии и международных отношений СКФУ, **Ставрополь**)

Литвинов В. П. (доктор исторических наук, профессор, ЕГУ им. И. А. Бунина, **Елец**)

Оришев А. Б. (доктор исторических наук, профессор, РГАУ – МСА им. К. А. Тимирязева, **Москва**)

Петрухинцев Н. Н. (доктор исторических наук, профессор, РАНХиГС, **Москва**)

Сень Д. В. (доктор исторических наук, профессор, Южный Федеральный университет), **Ростов-на-Дону**)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Горбачев В. И. (кандидат исторических наук, докторант университета королевы Виктории, **Веллингтон, Новая Зеландия**)

Горчыца Я. К. (сотрудник Познаньского университета им. Адама Мицкевича, зав. отделом археологии Конинского окружного музея, **Познань, Польша**)

Жиров Н. А. (кандидат исторических наук, доцент, ЕГУ им. И. А. Бунина, **Елец**) – зам. главного редактора

Клевцова О. В. (кандидат исторических наук, доцент, ЕГУ им. И. А. Бунина, **Елец**)

Колотари А. (Доктор философии (Dr. habil.), доцент педагогического факультета Капошварского университета, **Капошвар, Венгрия**)

Ливцов В. А. (доктор исторических наук, профессор, Орловский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, **Орел**)

Лоевская М. М. (доктор культурологии, МГУ им. М. В. Ломоносова, **Москва**)

Обломский А. М. (доктор исторических наук, профессор Института археологии РАН, **Москва**)

Овчинникова Ю. С. (кандидат культурологии, МГУ им. М. В. Ломоносова, **Москва**)

Ряполов В. В. (кандидат исторических наук, доцент, ЕГУ им. И. А. Бунина, **Елец**)

Серазетдинов Б. У. (кандидат исторических наук, доцент, Центр военной истории Института российской истории РАН, **Москва**)

Тропин Н. А. (доктор исторических наук, профессор, ЕГУ им. И. А. Бунина, **Елец**)

Филонов В. И. (доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и международных отношений, Орловский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, **Орел**)

Чубур А. А. (кандидат исторических наук, доцент БГУ им. И. Г. Петровского, **Брянск**)

Шапиро Б. Л. (кандидат исторических наук, доктор культурологии, доцент РГГУ, **Москва**)

СОДЕРЖАНИЕ**ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

Алексеев В. Е. (Новороссийск)	ВИНОДЕЛЬЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ НЕФТЕГАВАНИ ШЕС-ХАРИС.....	7
Горлов В. Н. (Москва) Артёмов С. Н. (Москва)	СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ЗАКАЗА ГЕНЕРАЛЬНОГО ПЛАНА РЕКОНСТРУКЦИИ МОСКВЫ 1935 ГОДА..	20
Коробицына Л. В. (Москва)	СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ.....	32
Топильский А. Г. Житин Р. М. (Тамбов)	КРУГ ЧТЕНИЯ ДВОРЯНСТВА ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА.....	39

АРХЕОЛОГИЯ И ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Ботова В. И. (Дюссельдорф)	СИЦИЛИЙСКО-НОРМАНДСКИЙ СЛЕД В ПРОИСХОЖДЕНИИ МОСКОВСКИХ БОЯР ВОРОНЦОВЫХ И ХВОСТОВЫХ.....	48
-------------------------------	---	----

XVII ВЕК

Шалак М. Е. (Таганрог)	ЦАРСКИЕ ГРАМОТЫ НА ДОН КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ДОНСКИХ КАЗАКОВ И МАЛЫХ НОГАЕВ В КОНЦЕ XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВВ.....	72
---------------------------	--	----

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Гаврилова Е. И. (Воронеж)	ИЗ «МЕЩАНСКОГО МЫСЛИТЕЛЯ» В «НЕПОЗНАННЫЕ ГЕНИИ»: Я. В. АБРАМОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XXI ВЕКА.....	81
Ермакова О. К. (Екатеринбург)	РОССИЙСКО-ФРАНЦУЗСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В КОНЦЕ XIX В.: АГЕНТЫ И СЕТИ ДОВЕРИЯ ДЕЛОВЫХ ЭЛИТ	94
Лаптев В. А. (Москва)	СОЗДАНИЕ И БОЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УДАРНЫХ ЧАСТЕЙ И РЕВОЛЮЦИОННЫХ БАТАЛЬОНОВ РУССКОЙ АРМИИ ПО МАТЕРИАЛАМ ВОЕННОЙ ПЕЧАТИ 1917 г.....	102

Лямин С. К., Олейникова С. Д. (Тамбов)	«СМЕРТЬ» В МЕНТАЛИТЕТЕ КРЕСТЬЯН РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	109
Хамицаева А. А. (Владикавказ)	«ПЕРВЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ»: ОСЕТИНЫ В РУССКО- ТУРЕЦКИХ ВОЙНАХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА...	122

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Оришев А. Б. (Москва) Ряполов В. В. (Елец)	АБВЕР-3: МЕТОДЫ КОНТРАРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯ- ТЕЛЬНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ СССР (июнь 1941 – фев- раль 1942)	130
---	---	-----

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

Орлов А. С. (Орел)	ТВОРЧЕСТВО Л. Н. ТОЛСТОГО В ОЦЕНКАХ М. О. МЕНЬШИКОВА РАННЕГО ПЕРИОДА (ФРАГМЕНТЫ ДНЕВНИКОВ).....	140
-----------------------	---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Кулачков В. В. (Брянск)	ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ СОВЕТСКОГО ТРАДИЦИОНАЛИЗ- МА. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ГРАНИЦЫ СОВЕТСКОГО ТРАДИЦИОНАЛИЗМА (ИЗ ОПЫТА РУССКОГО НАРОДА В XX ВЕКЕ). ЭТНОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ / О. В. КИРИЧЕНКО, Т. А. ЛИСТОВА, С. С. КРЮКОВА, Т. А. ВОРОНИНА, Н. В. ШЛЯХТИНА; Отв. ред. и сост. О. В. КИРИЧЕНКО. СПб.: Алетейя, 2021. – 688 с.: ил.....	151
Ляпин Д. А., Жиров Н. А., Мельникова А. Р. (Елец)	БЕЛГОРОДСКАЯ ЧЕРТА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИ- РОВАНИЯ ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЮГА ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ.....	155
ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ		158
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ		160

CONTENT**HISTORY OF EVERYDAY LIFE**

Alekseev V. E. (Novorossiysk)	THE VINE-MAKING PAST OF THE SHES-HARIS OIL HARBOR.....	7
Gorlov V. N. (Moscow) Artyomov S. N. (Moscow)	FORMATION OF THE SOCIAL ORDER OF THE GENERAL PLAN FOR THE RECONSTRUCTION OF MOSCOW IN 1935.....	20
Korobitsyna L. V. (Moscow)	PRESERVATION OF HISTORICAL MEMORY IN MODERN RUSSIAN SOCIETY: TO THE QUESTION OF CURRENT LEGISLATION.....	32
Topilsky A. G. Zhitin R. M. (Tambov)	READING CIRCLE OF THE CENTRAL BLACK EARTH NOBILITY IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES.....	39

ARCHEOLOGY AND QUESTIONS OF THE HISTORY OF ANCIENT RUSSIA

Botova V. I. (Düsseldorf)	SICILIAN-NORMAN TRAIL IN THE ORIGIN OF THE MOSCOW BOYARS OF THE VORONTSOV AND KHVOSTOV DYNASTIES.....	48
------------------------------	---	----

XVII CENTURY

Shalak M. E. (Taganrog)	ROYAL LETTERS ON THE DON AS A SOURCE ON THE HISTORY OF RELATIONS OF THE DON KAZAKOV AND THE SMALL NOGAIS AT THE END OF THE 16TH – THE FIRST HALF OF THE 17TH CENTURIES.....	72
----------------------------	---	----

TOPICAL QUESTIONS OF THE HISTORY OF THE RUSSIAN EMPIRE

Gavrilova E. I. (Voronezh)	FROM "THE PETERISTIC THINKER" TO "UNKNOWN GENIUS": ABRAMOV IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE END OF THE 19TH - BEGINNING OF THE 21st CENTURY	81
Ermakova O. K. (Yekaterinburg)	RUSSIAN-FRENCH ECONOMIC COOPERATION AT THE END OF THE XIX CENTURY: AGENTS AND NETWORKS OF TRUST OF BUSINESS ELITES	94
Laptev V. A. (Moscow)	CREATION AND COMBAT ACTIVITIES OF STRIKING UNITS AND REVOLUTIONARY BATALIONS OF THE RUSSIAN ARMY ON THE MATERIALS OF THE MILITARY PRINT OF 1917.....	102

Lyamin S. K., Oleinikova S. D. (Tambov)	"DEATH" IN THE MENTALITY OF THE PEASANTS OF THE RUSSIAN EMPIRE.....	109
Khamitsaeva A. A. (Vladikavkaz)	"FIRST PRECEDENT": OSSETIANS IN THE RUSSIAN- TURKISH WARS OF THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY.....	122

THE SOVIET STATE AS A HISTORICAL AND CULTURAL PHENOMENON

Orishev A. B. (Moscow) Ryapolov V. V. (Yelets)	ABVER-3: METHODS OF COUNTER-INTELLIGENCE AC- TIVITIES ON THE TERRITORY OF THE USSR (June 1941 - February 1942)	130
---	--	-----

HISTORICAL ARCHIVE

Orlov A. S. (Orel)	CREATIVITY L. N. TOLSTOY IN THE EVALUATIONS OF M. O. MENSHIKOV OF THE EARLY PERIOD (FRAG- MENTS OF THE DIARY)	140
-----------------------	---	-----

SCIENTIFIC LIFE

Kulachkov V. V. (Bryansk)	EXPERIENCE OF STUDYING SOVIET TRADITIONALISM. BOOK REVIEW: BORDERS OF SOVIET TRADITIONALISM (FROM THE EXPERIENCE OF THE RUSSIAN PEOPLE IN THE XX CENTURY). ETHNOLOGICAL RESEARCH / O. V. KIRICHENKO, T. A. LISTOVA, S. S. KRYUKOVA, T. A. VORONINA, N. V. SHLYAKHTINA; Rep. ed. and comp. O. V. KIRICHENKO. St. Petersburg: Aleteyya, 2021. 688 p.....	151
Lyapin D. A., Zhirov N. A., Melnikova A. R. (Yelets)	THE BELGOROD LINE AS A TOOL FOR THE FORMATION OF LOCAL IDENTITY OF THE POPULATION OF THE MODERN SOUTH OF CENTRAL RUSSIA.....	155
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS		158
INFORMATION FOR AUTHORS.....		160

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Алексеев В. Е.
(Новороссийск)

УДК 94 (47)

ВИНОДЕЛЬЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ НЕФТЕГАВАНИ ШЕСХАРИС

В статье рассмотрены основные этапы развития винодельческого имения «Шесхарис»: от раннего периода освоения Черноморского побережья Кавказа - создания первых культурных участков до начала Великой Отечественной войны. Проведен анализ малочисленных источников по данной тематике. Использовались архивные документы Управления архива муниципального образования город Новороссийск и Национальной электронной библиотеки. Подробно описаны виды хозяйственной деятельности, а также некоторые способы ухода за виноградниками, которые имели место в период расцвета имения. Производство вин «Шесхарис» развивалось параллельно с аналогичной деятельностью удельного имения Абрау-Дюрсо и винодельни М. Ф. Пенчула «Мысхако». Продукция имения не один раз была отмечена на зарубежных и отечественных выставках конца XIX - начала XX вв., в т.ч. на сельскохозяйственной и культурно-промышленной выставке Черноморского побережья Кавказа «Русская Ривьера». После революции имение было национализировано и продолжило свою деятельность в качестве совхоза «Роза Люксембург». В годы Великой Отечественной войны инфраструктура совхоза значительно пострадала. В середине XX в. на месте бывших виноградников возникает нефтегавань «Шесхарис», действующая в настоящее время. Данная статья предоставляет возможность увидеть на примере истории отдельно взятого объекта контраст между его первоначальным и последующим назначением.

Ключевые слова: история, виноделие, Кубань, имение Шесхарис, производство, нефтегавань Шесхарис.

The article discusses the main stages of development of the Sheskharis wine estate: from the early period of development of the Black Sea coast of the Caucasus - the creation of the first cultural sites, to the beginning of the Great Patriotic War. The analysis of small sources on this subject has been carried out. Archival documents of the Office of the Archives of the Municipal Formation of the City of Novorossiysk and the National Electronic Library were used. The types of economic activities are described in detail, as well as some ways of caring for the vineyards that took place during the heyday of the estate. The production of Sheskharis wines developed in parallel with similar activities of the specific estate of Abrau-Durso and the winery of M.F. Penchula "Myshako". The production of the estate was repeatedly noted at foreign and domestic exhibitions of the late XIX, early XX centuries, incl. at the agricultural and cultural-industrial exhibition of the Black Sea coast of the Caucasus "Russian Riviera". After the revolution, the estate was nationalized and continued its activities as a state farm "Rosa Luxembourg". During the Great Patriotic War, the infrastructure of the state farm was significantly damaged. In the middle of the 20th century, on the site of the former vineyards, the Sheskharis oil harbor appeared, which is currently operating. This article provides an opportunity to see, on the example of the history of a single object, the contrast between its initial and subsequent purpose.

Keywords: history, winemaking, Kuban, Sheskharis estate, production, Sheskharis oil harbor.

DOI: 10.24888/2410-4205-2023-34-1-7-19

В восточной части города Новороссийск, по дороге в Геленджик, в конце XIX в. был обустроен очень интересный культурный участок. В справочнике-путеводителе 1904 г. сообщалось, что за дачей Энгельмана начинались владения Черноморского цементного завода – именуемые «Шесхарис». Несмотря на то, что более века назад это было достаточно удаленное от города предместье, здесь, как сообщают источники, уже тогда было образцовое и большое винодельческое хозяйство, молочная ферма, сад с фонтаном. Безусловно, возникают закономерные вопросы, кто и каким образом организовал это хозяйство. Частично на них были получены ответы. Теме имения «Шесхарис» были посвящены справки уважаемых новороссийских краеведов, статьи в газетах и, конечно же, она была достаточно детально раскрыта в «Исторических записках» Новороссийского исторического музея-заповедника, а также в книге Игоря Гусенина «Новороссийские дачи: история дачного поселка на Сухумском шоссе». К сожалению, все вышеперечисленное охватывало только ранний период функционирования имения и не проливалось свет на расцвет оно, а также на саму технологию ведения хозяйственной деятельности. Также, до сего момента не было практически никакого иллюстрационного материала по вышеозвученной теме. В данной статье автор попытается изложить и проанализировать новую информацию, касаемо истории и хозяйственной деятельности имения «Шесхарис», будут представлены иллюстрации и схемы, которые позволят иначе взглянуть на малопримечательную окраину Новороссийска.

Во второй половине XIX в. Новороссийск – небольшой городок на берегах Цемесской бухты. Два десятилетия после Крымской войны (1853-1856 гг.) здесь только закладывались незримые кирпичики фундамента его индустриальной будущности: строились цементные заводы, железная дорога, порт, нефтезавод. Параллельно развивалось сельское хозяйство – возникали культурные участки, на которых, порой, ставились самые смелые эксперименты, нацеленные на обуздание местной природы и климата.

В это самое время, в 1870-е гг., в Новороссийск с семьей приезжает гражданский инженер Валериан Андреевич Осинский (1858-1892). Основным родом его деятельности в означенный период являлось участие в строительстве цементного завода Общества Черноморского цементного производства (совр. «Пролетарий»), которое он совмещал с обязанностями штатного инженера Новороссийского отдела Черноморского округа. Также он являлся крупным землевладельцем. В 8 километрах от Новороссийска он основал одно из самых уютных мест на Черноморском побережье Кавказа, имение «Шесхарис», где он достаточно успешно занимался виноградарством. Общий вид имения Шесхарис 1913/2023 гг. представлен на рисунке 1.

Сейчас это район 13-го («Банникового») ущелья, где уже почти ничего не напоминает о былом. Газеты, современники Осинского, писали о его культурном участке: в ущелье находился «дом, напоминающий замок, с рощами хвойных деревьев, гостеприимными хозяевами-владельцами и охотой на кабана и фазана». Также есть данные, что, ко всему прочему, инженер смог разбить сад-парк с фонтаном, а проезжие дороги, близ имения, он уложил булыжником. Здесь стоит отметить безусловный технический талант владельца, который помог реализовать достаточно успешный механизм жизнедеятельности имения [4].

Первые виноградники были заложены в 1885 г., а дебютный урожай 1886 г. составил 100 ведер вина («Кавказ», 10 декабря 1886 г.). Для первоначальной посадки чубуки брались из Удельного имения «Абрау» и других местных хозяйств. Известно, что площадь виноградников Осинского на 1887 г. составляла 12 десятин (ок. 13 га). Их территория начиналась на западном пологом склоне в 25 сажнях (50 м.) от берега не выше 7 метров над уровнем моря. В начальный период существования имения основная площадь виноградников находилась ниже Сухумского шоссе, близ моря. Лишь небольшая их часть выше – на юго-западном и юго-восточных склонах. Растущие вдоль берега кусты страдали от влияния соленого ветра и часто не вызревали. В этой, не особо удачной части имения были посажены:

Рислинг, Каберне (Лафит), а у самого шоссе - Сомильон (Сотерн). Выше шоссе: Рислинг, Каберне и Бургундский (Португизер). Около 3 га было отведено для столовых сортов винограда, как ранних, так и поздних: Шасла дорэ, Шасла розовая, Агостенга, Мадлэн блан. К сожалению, как гласят источники, поздние сорта не вызревали. Столовый виноград находился ближе к дому Осинского.

Рис. 1 – Общий вид имения Шесхарис 1913/2023

Современники подмечали в имении «Шесхарис» правильную рядовую и квадратную посадку винограда. Были разбиты кварталы с широкими дорогами, удобные для проезда на лошадях. Осинский применял конную разработку виноградников. Территория была обнесена оштукатуренным каменным забором, а там, где это было проблематично сделать, использовалась колючая проволока. Сами кусты винограда имели чашевидную форму. Столовые сорта (красные и белые) сажались на расстояние около 1,7 м как между рядами, так и кустами; винные белые сорта около 1,5 м между рядами и 1 м между кустами; красные 1,7 между рядами, и 1,5 между кустами. Почва на территории бывшего имения большей частью была и остается каменистая, реже встречается суглинок. Осинский применял глубину плантажа около 0,9 м. Сажали чубуки на глубину 0,7 м в предварительно пробитую ломом («под лом») и расширенную деревянным колом ямку.

Подрезка производилась ежегодно, на несколько «глазков» длиннее, чем в Крыму. Летом занимались выломкой лишних побегов, пасынкованием, а также удалением лишних листьев в августе. Также, летом, три раза проводилось цапание и три раза, начиная с момента распускания глазков, виноградники посыпались серой. Работы производились месячными и поденными рабочими. По словам бывшего винодела имения В. В. Белова, обработка одной десятины виноградника (с весны до самого сбора) обходилась от 100 до 120 рублей.

Еще в бытность Осинского начали строить и частично оборудовали подвал с постоянной температурой $+10^0$, вмещавший 12 тыс. ведер вина. В зимние месяцы подвал затапливало, т.к. место для него было неудачно выбрано. Тем не менее, это не мешало работе. Перед подвалом находилось 2-х этажное здание, на первом этаже которого находилась винодельня, а на втором бродильня. В 1897 г. этот объект еще не был закончен.

Имение могло похвастаться богатым инвентарем: в достаточном количестве имелись прессы (системы Мабилля), чан для брожения красных вин закрытой системы, эграппуар (машина для отделения ягод от виноградных гребней), помпы для перекачивания вина, машины для закупоривания бутылок, паровой котел (при подвале) для выпаривания бочек и новой посуды.

Вина Осинского были известны не только в Черноморской губернии. Их также отправляли в Москву и Петербург, правда, в небольших количествах. Благодаря своим качествам они стали известны и за границей. В 1889 г. вина экспонировались на Парижской выставке, где рислинг из Шесхариса получил золотую медаль [2], а на Всероссийской Нижегородской выставке они получили похвальный отзыв. Продукцию Осинского современники ценили за безукоризненный вкус. Например, вышеупомянутый Рислинг «чисто золотистого цвета» обладал «приятным и нежным букетом». Цена за ведро вина имения «Шесхарис» варьировалась от 9 до 16 руб, хотя средний потолок цен за аналогичный объем вина местных производителей был равен 6-7 руб., что подтверждают данные рисунка 2 [1].

Годъ урожая	Цѣна за бутылку	Сорта винъ	На 100 кубическихъ сантиметровъ вина						
			% спирта по объему	Вѣсъ въ граммахъ					
				Углекислый вѣсъ	Сахаръ	Галлеринъ	Общая кислотность	Летучая кислотность	Сухой остатокъ (экстрактъ)
<i>Бьяля:</i>									
1887	1 р. 75 к.	Рислингъ . . .	12,0	0,9900	0,22	0,760	0,63	0,09	2,20
1892	1 р. 60 к.	Сотернъ . . . (семильонъ)	11,5	0,9900	0,23	0,816	0,56	0,08	2,19
<i>Брасия:</i>									
1887	1 р. 75 к.	Лафатъ . . . (лаберне)	12,0	0,9930	0,12	0,932	0,60	0,11	2,23
1892	1 р. 30 к.	Бургундскій . . . (португвизеръ)	11,0	0,9920	0,14	0,036	0,59	0,09	2,20

Рис. 2 – Прейскурант вин имения на 1897 г.

К сожалению, проведение отвело талантливому инженеру слишком мало времени. В сентябре 1892 г. Валериан Андреевич Осинский умер и был погребен на территории имения. Надгробный камень сохранился до наших дней и находится в районе ул. 13 ущелье. Есть информация, что на территории бывшего хозяйства было небольшое кладбище.

Возможно, на нем была похоронена девятимесячная дочь инженера Ольга, умершая в феврале 1883 г. У Осинского было еще два сына: Петр (1883 г.р.), Николай (1885 г.р.), судьба которых пока неизвестна [15].

Сразу после смерти основателя имения его супруга – Ольга Валерьяновна, в 1892 году сдает перспективное хозяйство в аренду на десять лет французскому специалисту. Источники сообщают, что это было самое трудное время для вин «Шесхариса», которое дли-

лось всего три года, но за это время арендатор даже не применял подрезки кустов. Также не перекапывалась почва, не уничтожались сорные травы, обломка и чеканка не применялись. Хищническая эксплуатация привела практически к полной гибели виноградника. Качество вин резко ухудшилось – они кисли в подвале, который был буквально заражен уксусными ферментами. Все вышеперечисленные нарушения перечили пунктам договора аренды и в марте 1896 г. оно вновь вернулось Осинской.

Супруга покойного инженера принялась энергично наводить порядок. Для этой цели был приглашен вышеупомянутый бывший виноградарь и винодел имения – В. В. Белов, к тому моменту работавший в имениях Прокопенко «Монрепо» (следующий участок по дороге в Геленджик) и «Любань» (г. Геленджик). Так как Белов стоял у истоков хозяйства «Шесхарис», то он со знанием дела энергично принялся за работу. Дело было организовано настолько правильно, что г-же Осинской не пришлось тратить огромные средства на борьбу с беспорядком, царившем на виноградниках. Уже через год усердного труда они дали урожай. Тем не менее, Белов констатировал, что имению нужно еще 3-4 года, чтобы полностью восстановиться. Если при Осинском 13 га виноградников давали урожай в 2000 ведер вина, то в период его возрождения можно было рассчитывать, в лучшем случае, только на половину указанного количества урожая. Возможно, Ольга Валериановна не смогла ждать столько времени и продает имение. С этой поры начинается новый этап в жизни «Шесхариса».

В 1899 г. имение приобретает Общество Черноморского цементного производства. Общество объединяет его территорию с соседним имением «Фосс» (участок Фоса), купленным ранее, получив в совокупности площадь, равную 440 га. Несмотря на обширную территорию, тем не менее, (по состоянию на 1914 г.) только около 13 га занимали виноградники [19, с. 181].

Для управления имением был приглашен человек со специальным образованием. Начался процесс улучшения виноградников. Увеличивался сбыт вина. Если в 1899 году его было продано на сумму 527 руб. 44 к., то в 1906 г. это число достигает 3070 руб., а в 1910 г. – 20945 руб. Существенным недостатком, несколько замедлявшим процесс развития хозяйства «Шесхарис», являлось отсутствие полноценного подвала, который был заложен еще прошлым владельцем, но так и не был достроен. В том же 1899 году эта проблема была практически решена, правда дооборудование подвала происходило еще десять лет, окончательно увенчавшись успехом в 1913 г. С этого момента появилась возможность осуществлять правильную выдержку вина в бутылках, что в огромной степени отразилось на их конкурентоспособности. Подвал был железобетонный с большим бутылочным отделением. В нынешнее время (по состоянию на 2022 г.) на территории бывшего имения сохранилось подобное сооружение, с большей степенью вероятности, являющееся вышеупомянутым подвалом.

Новые хозяева начали увеличивать площадь виноградников. После смерти Осинского некоторое время виноградники перекапывались вручную. В 1902 г. в имение вновь вернулась конная обработка. Использовалось зарубежное оборудование – виноградный плуг «Сушо-Пине» с передвижным наконечником, грядильню с которого и скарификатор той же фирмы приспособили для работ в летний период. Для более глубокого разрыхления почвы применялся почвоуглубитель «Сакка», а также почворазрыхлитель «Сушо-Пине». (Chartue a 2 socs.). Подход к делу был на высоком уровне. Учитывались многие мелочи. Например, чтобы защитить ноги лошадей от ранений острыми камнями, подковы снабжались специальными стальными пластинками.

В 1903 г. произошли первые опыты по оптимизации процесса орошения. Изначально поливались виноградники, расположенные вблизи существовавшей канавы. Воду пускали по бороздам, вспаханными между шпалерами лоз. Здесь нужно уточнить, что ранее написанные по данной теме статьи гласят, что еще В. А. Осинский использовал для орошения

«чрезвычайно остроумный и простой способ», а именно, он использовал водоем почвенных вод, от которого расходились жестяные желоба по всей площади имения [19, с. 181-182]. К сожалению, данная информация взята из источника, датированного 1916 г., когда в имении «Шесхарис» были уже новые хозяева. Ниже данный способ орошения будет описан достаточно подробно.

В бытность инженера Осинского существовала проблема орошения самых каменистых почв имения. Вода, пущенная по бороздам, проходя при самом сильном уклоне около 6 м, исчезала в рыхлой подпочве и, протекая ниже корней лозы, не давала им влаги. Было найдено решение – засыпать борозды глиной, но эта работа обходилась слишком дорого, не давая ощутимого результата.

Начиная с 1903 г., в имении «Шесхарис», стали использовать способ орошения посредством передвижных желобов, что дало возможность приступить к поливке виноградников в крупных размерах. Автором идеи искусственного орошения был управляющий имением Фердинанд Александрович фон Бер. Он также придумал вышеупомянутые стальные пластины для подков, что было отмечено на сельскохозяйственной и культурно-промышленной выставке Черноморского побережья Кавказа «Русская Ривьера» в 1913 г. [8, с. 24].

Из одного листа жести выходило два желоба длиной около 1,5 м, шириной 18 см, высотой 11 см. Данные желоба укладывались в ряд, один в другой, начиная от источника воды по направлению уклона до самого нижнего края виноградников. По ним пускалась вода, которая протекала без остановки между шпалерами лоз до самых нижних кустов. Затем крайний желоб переставлялся в нижний конец следующего ряда, и вода разливалась по тем же шпалерам, но несколько выше уже политых. Таким образом, переставлялся желоб за желобом, пока все пространство между шпалерами первого ряда не было достаточно полито, и следующий ряд желобов подготавливался для соседних шпалер. Аналогичным способом происходил полив ряд за рядом, пока не орошался весь виноградник. Наглядно данный процесс проиллюстрирован на рисунке 3.

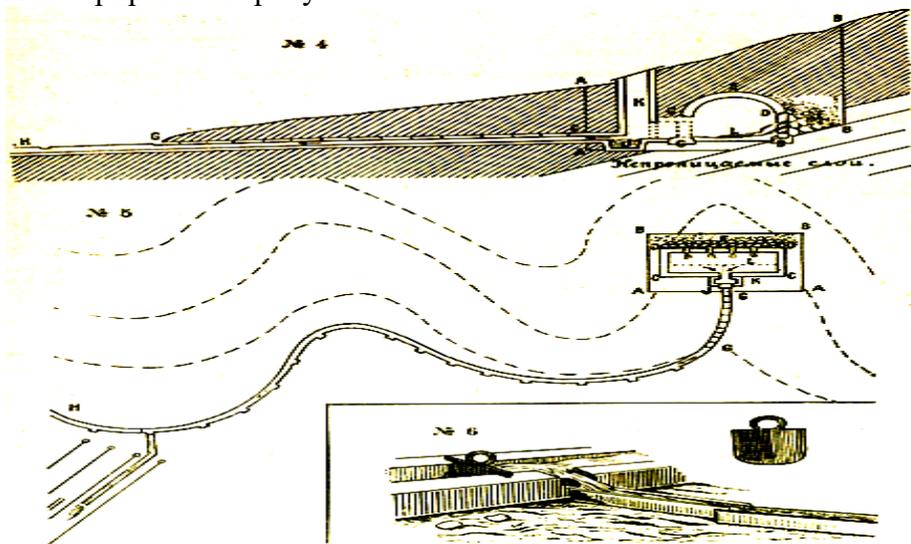

Рис. 3 – Схема водопровода для орошения виноградников

Осенью 1904 г. для того, чтобы увеличить объемы улавливания атмосферных осадков для полива, был устроен специальный водопровод (рис. 3).

Поперек ущелья была прокопана траншея вглубь до слоев, мало пропускающих воду (АА ВВ). Перпендикулярно этой траншее, по уклону вниз ущелья была сделана канава для стока воды (GG). Вдоль траншеи были возведены две параллельные стены (СС DD), соеди-

ненные бетонным сводом. В стене DD, обращенной к верхней части ущелья, были оставлены отверстия для просачивания воды из подпочвы, а между стенками находился бетонный пол L с уклоном к канаве для стока воды. Канавка также была бетонная, крытая плитами до того места, где она выходила на поверхность земли (GG), затем до виноградников уже в открытом виде. Длина магистральной канавы была чуть более 2 км. В ее края на территории виноградников были вмонтированы жестяные «носки», к которым стыковали вышеупомянутые желоба. Были также предусмотрены специальные задвижки, чтобы останавливать поток воды у нужного «носка» для полива выбранного ряда (рисунок 4).

Рис. 4 – Орошение виноградников

Вся эта водопроводная система, благодаря которой можно было орошать любой, даже отдаленный уголок имения, обошлась владельцам оногo в 3000 руб. Данная инфраструктура использовалась и для удобрения виноградников в осенний период времени, для чего по разрыхленному междурядью сначала рассыпали суперфосфат, а затем ряды поливались по вышеописанному способу, но уже не чистой водой, а растворенным в ней перегнившим навозом. Для этого на магистрали ниже того места, где от нее отделялась труба, снабжавшая жилые помещения питьевой водой, устроен бассейн, в котором навоз с помощью вил мешался с водой (рисунок 5).

Рис. 5 – Разведение навоза для орошения и удобрения виноградников

Бассейн находился в непосредственной близости от скотного двора имения, так что подвоз навоза не вызывал трудностей. Необходимость снабжать заводских служащих Общества Черноморского Цементного Производства молоком заставила хозяев «Шесхариса» создать условия для разведения скота. Важным фактором, обеспечивающим жизнеспособность данного начинания, являлось наличие кормовой базы. Для этого прежние карьеры были выровнены и превращены в искусственные луга, которые орошались тем же способом, что и виноградники.

Для посева лугов использовалась смесь трав, разработанная швейцарским доктором Ф. Г. Штеблером. Штеблер был специалистом по кормовым культурам, а также альпийскому земледелию и скотоводству [3]. Около 1 га косогора юго-западного уклона имения было засеяно следующим составом трав: люцерна, белый клевер, мятлица, ежа сборная, овсяница красная, французский рейграс, тимофеевка, овсяница луговая, лисохвост. Правда, в исходном списке трав Штеблера вместо люцерны значился красный клевер.

Орошенные луга давали с 4 укосов от 4,9 до 7,3 т сена с гектара. Пятый укос шел на зеленый корм. Неорошенные луга давали с одного укоса около 1,6 т., второй укос – на зеленый корм. Учитывая достаточное количество корма в имении, удалось значительно расширить объемы скотоводства.

В 1899 г. все стадо состояло из одного быка и трех коров местной серой породы. Осенью того же года из Донской и Кубанской областей еще один бык и 14 коров красной немецкой породы. Это было рискованное мероприятие, т.к. в соседнем имении Фоса партия коров аналогичной немецкой породы погибла. Тем не менее, риск был оправдан, хотя процесс акклиматизации действительно сопровождался большими сложностями – бык и две коровы погибли. Остальных же удалось сохранить, а их адаптировавшееся потомство руководство имения начало продавать соседним мелким хозяевам. К 1912 г стадо уже насчитывало более 30 коров, и их количество было решено довести до 50 [7, с. 1-16].

Резюмируя все вышеописанное, можно сказать, что имение «Шесхарис» было в некотором роде эталонным образцом ведения хозяйственной деятельности в те годы. В 1904 году это было большое винодельческое хозяйство, где также была молочная ферма, сад-парк с фонтаном и «журчащим ручьем» [12, с. 59]. Безусловно, это находило свое отражение и в виде разного рода наград и упоминаний в прессе. В 1913 г. имение участвовало в сельскохозяйственной и культурно-промышленной выставке Черноморского побережья Кавказа «Русская Ривьера», которая проходила 43 дня. Выставку посетило не менее 90 тыс. человек, не считая школьных экскурсий. «Шесхарис» получил тогда премию А. М. Каткова [5, с. 259-260]. Также газета «Черноморский курьер» в 1914 г. сообщала, что биржевому комитету для раздачи были присланы дипломы на присужденные в рамках «Русской Ривьеры» награды. Большую серебряную медаль получил управляющий Ф. А. фон-Бер за систему искусственного орошения. Еще одна серебряная медаль имению досталась за обработку полеводства, и, безусловно, был по достоинству оценен каберне «Шесхарис», который получил золотую медаль [18, л. 3].

Касаемо деятельности имения в годы Первой Мировой, а также Гражданской войн, пока не обнаружено исчерпывающей информации, но в некоторых источниках упоминается, что несмотря на трудности военного времени, дела велись достаточно успешно, с продажи вин имение имело выручку 25000 руб. ежегодно (рисунок 6) [19, с. 181-182].

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ ВИНАМЪ
имѣнія ШЕСХАРИСЪ
за 1914 годъ.

	За бут.		За 1/2 бут.		За ведро.	
	Руб.	Коп.	Коп.	Руб.	Коп.	
БѢЛЫЯ:						
Рислингъ № 3 (старый)	1	—	60	—	—	
Рислингъ № 5	—	55	30	5	—	
Семильонъ № 6 (старый)	1	—	60	—	—	
Семильонъ № 8	—	55	30	—	—	
Бѣлое столовое № 20	—	45	—	4	—	
Красныя:						
Каберне № 9 (старый)	1	—	—	—	—	
Каберне № 10	—	75	40	—	—	
Гамма № 12	—	55	30	5	—	
Красное столовое № 21	—	45	—	4	—	

При одновременномъ заказѣ не менѣе 100 бутылокъ упаковка за счетъ имѣнія, при болѣе значительныхъ заказахъ дѣлается скидка.
При выпискѣ вина въ 20 или 40 ведерныхъ бочкахъ посуда отпускается бесплатно.
Самое благоприятное время для отправки вина съ 15 февраля по 1 апреля и съ 1 сентября по 15 октября.
При заказахъ повторивше проситъ сообщить точный адресъ.
Г-мъ иногороднимъ покупателямъ благоволятъ предлагать 1/2 стоимости заказа, остальные 1/2 стоимости заказа могутъ быть переведены наличнымъ платежомъ.
Пересылка вина производится за счетъ и страхъ Г-мъ покупателей.

Рис. 6 – Прейскурант вин имения на 1914 г.

Интересно, что имя его основателя в то время еще помнили современники. Оно фигурирует в документе, датированном августом 1916 г. Как оказалось, его именем был назван пост охраны новороссийского порта – «Асинский пикет / имение Шесхарис» [13, л. 1]. В нынешнее время на этом месте находится бывший пост ГАИ на выезде из города в сторону Геленджика.

В марте 1920 г. в Новороссийске окончательно установилась советская власть. В этот период начинается процесс восстановления народного хозяйства. В выписке Обязательного Постановления Новороссийского Окружного Исполкома по Земотделу от 25 августа 1921 г №139 (приложение к 420-492 газеты Красное Черноморье от 30/VIII 1921 г.) поднимался вопрос об охране виноградников от порчи и хищения, как ценного государственного продукта. В документе изложены меры борьбы в т.ч. с нерадивыми владельцами домашней скотины, которая по своей неосторожности могла нанести ущерб виноградникам и в случае составления соответствующего акта фиксации «потравы» животное могло даже остаться в собственности потерпевшего. Строгая кара наступала также за хищение и порчу винограда со стороны воинских чинов, о чем излагалось в п. 6-7 вышеупомянутого постановления.

В 1921 г. в лучших винсовхозах Северного Кавказа урожай не превышал 40 ведер с десятины, это почти в 4 раза меньше, чем в имении «Шесхарис» в бытность его основателя [9, с. 112]. Год спустя с десятины собирали уже 260 ведер. Несмотря на послевоенную разруху, в газете «Советская Сибирь» (№184 (834) от 17 августа 1922 г.) писали, что в Новороссийске ожидается урожай в 37 тыс. пудов, а виноградники были в прекрасном состоянии, правда, не уточняется, какой конкретно это был совхоз, но можно сделать вывод, что работа по восстановлению народного хозяйства в городе не стояла на месте. Бывшее имение также продолжало заниматься своей непосредственной деятельностью. Еще один источник сообщает нам, что в 1925 г. в районе Шесхариса были виноградники. Местные пионеры, звено «Красных Дьяволят», играли здесь в зарницу. Виноградники охранял сторож [11, с. 14]. Возникает вопрос: в каком качестве существовало некогда процветающее имение?

В мае 1923 г. виноградники Шесхариса принадлежали совхозу «Роза Люксембург». Общая площадь земли, причисленная совхозу, составляла 500 десятин из которых: 11 деся-

тин (около 12 га, что на гектар меньше виноградников Осинского) под виноградниками, 8 дес. – полеводство, 1,5 – огородничество, 10 дес. – сенокос. Остальная и довольно обширная территория находилась под постройками, дорогами, водопроводом, а также лесом и кустарником, часть из которой считалась неудобной для ведения хозяйства. В штате на этот момент числилось 16 постоянных работников под руководством ВРИО завсовхоза тов. Васильева. Общее состояние дел оценивалось как удовлетворительное, правда, были некоторые нарекания по поводу хранения вина в подвалах, в которых на 30 июня 1923 г. находилось 1063 ведра и 18 бутылок. В списке сортов вина числились следующие: рислинг, красное столовое, каберне, сомилон, гамме, десертное красное, мускат, белое столовое и даже портвейн. Совхоз с 1 апреля 1923 г. находился в ведении Эксхозуправления Окрзу. Эксплуатационно-хозяйственное управление, возникшее также в апреле 1923 г., на тот момент заменило Торговую контору Окрау, которая являлась аппаратом по снабжению населения предметами сельскохозяйственного обихода в период, предшествовавший НЭПу. Новая власть желала знать, как обстояли дела в некогда успешном хозяйстве. Начались проверки.

Специальная комиссия, созданная по инициативе Черокрземуправления, проводившая ревизию в совхозе весной 1923 г., установила, что бухгалтерские записи ассортимента продукции, находящейся в подвалах, не соответствовали действительности. Вина хранились в неполной посуде, что плохо отражалось на качестве сохраняемого продукта. Емкость бочек обозначалась простым карандашом, что противоречило правилам, которые предписывали обозначать оную «выжженными трафаретами». Также были обнаружены съестные домашние продукты, хранение которых в винном подвале было недопустимо [14, л. 166-169].

В марте 1924 г. совхоз посещает комиссия, организованная согласно постановлению Президиума Черокрисполкома. На этот раз ревизии подверглись уже не подвалы, а состояние отчетной документации, в которой почему-то опять фигурирует название «Шесхарис», а не «Роза Люксембург». Штат совхоза насчитывал 14 человек вместе с заведующим. Также числились: винодел, кладовщик, старший садовый рабочий и два его подчиненных, 3 подвальных рабочих, конюх, 2 плотника, скотник и один мальчик – скорее всего, разнорабочий. Комиссия обнаружила неумелое и халатное отношение разных лиц к своим непосредственным обязанностям, а также факты хищения средств и даже случай изготовления поддельных документов [14, л. 180-183]. Безусловно, все вышеописанное не являлось проблемой одного отдельно взятого совхоза. 1920-е гг. – сложный период восстановления после разрухи Первой Мировой и Гражданской войн. К сожалению, пока нет исчерпывающей информации по деятельности бывшего имения «Шесхарис» в 1930-е гг.

В годы Великой Отечественной войны, во время летней кампании 1942 г. противник рвался на Кавказ (операция «Эдельвейс»). Немецко-фашистские войска, захватив большую часть Новороссийска, пытались наступать по Сухумскому шоссе в сторону Туапсе. В середине сентября 1942 г. враг был остановлен у стен цементного завода «Октябрь». Совхоз «Роза Люксембург» находился в непосредственной близости от линии фронта. В подвалах и иных постройках бывшего имения расположился штаб 318-й стрелковой дивизии [16, л. 1].

Также в этом районе в феврале 1943 г. располагался учебный батальон 796 арт. полка 318 сд, 1-я батарея которого находилась над шоссе в Геленджик, на отроге Маркотхского хребта. На схеме боевых порядков 318 сд на 2 августа 1943 г. в районе Шесхариса базировался запасной командный пункт дивизии, штаб 796 арт. полка и учебная рота при нем [17, л. 104]. Вполне вероятно, что противник не один раз пытался уничтожить расположение дивизии, поэтому, вполне вероятно, основная часть капитальных строений совхоза была разрушена и более не восстанавливалась. Сравнивая имеющиеся в наличии фотографическое изображение имения «Шесхарис» 1913 г. и современную фотографию 2022 г., можно сказать, что на данной территории практически ничего не сохранилось от инфраструктуры начала прошлого века (рисунок 7).

Рис. 7 – Сохранившееся здание с подвалом для хранения вин

Неполный обход окрестностей 13-го ущелья (Восточный район г. Новороссийска) выявил перестроенное здание винодельни и подвала, террасы под виноградники, остатки системы орошения, а также могильный камень основателя имения Шесхарис – В. А. Осинского (рисунок 8).

Рис. 8 - Могильный камень основателя имения. Наши дни.

В 1950-е гг. Шесхарис оставался живописным местечком на окраине Новороссийска. К сожалению, на данный момент нет информации о восстановлении виноградарства или иной хозяйственной деятельности, как в довоенный период.

1960-е гг. поставили точку в винодельческой истории этого места. Здесь, начиная с 1964 г., действовала крупнейшая на Черном море нефтегавань. Вместо хитроумной системы

орошения начала XX в., сквозь Маркотхский хребет, на глубине 400 м потекла нефть [6, с. 280]. Специализированный нефтепровод соединил берега Цемесской бухты и нефтяные месторождения Западной Сибири. 19 октября 1964 г. танкер «Лихославль» первым принял на борт 37 тыс. т. нефти у причала новой нефтегавани «Шесхарис» [10, с. 30-31].

Былая винодельческая слава Шесхариса осталась только в памяти. Похоже, что истина не в вине, а в нефти. В настоящее время мало кто из живущих в районе 13 ущелья там, где когда-то инженер Осинский основал свое имение, вспомнит о нем. Время кардинально изменило физиономию этого места. Вместо ухоженных виноградников здесь нефтяные баки, а там, где находился «дом, напоминающий замок», теперь достаточно плотная застройка, состоящая из частных домов и разного рода хозяйственных помещений.

Список источников и литературы

1. Вестник виноделия. 1897. № 11.
2. Вестник виноделия. 1902. № 12.
3. Возделывание кормовых растений: Практическое руководство (1928). Ф. Г. Штеблер; под ред. В. А. Харченко. Москва: Новая деревня. 160 с.
4. Газета «Кавказ», 14 июля 1882.
5. Ежегодник департамента земледелия: год восьмой (1915). Петроград: Типография В. Ф. Киршбаума. 1012 с.
6. Еременко, А. К., Подыма, К. И. (1988). *Именем России нареченный*. Москва: Сов. Россия. 321 с.
7. Имение Шесхарис Общества Черноморского Цементного производства (1913). Санкт-Петербург: Типография М. Флоровой. 21 с.
8. Каталог сельскохозяйственной и культурно-промышленной выставки Черноморского побережья Кавказа «Русская Ривьера» (1913). Санкт-Петербург: Типография И. Шурхта. 121 с.
9. На новой дороге: сборник статей по хозяйственному строительству наркомзема в условиях Новой экономической политики (1923). Москва: Совет труда и обороны. 643 с.
10. Новошип: 50 лет на гребне волны (2017). Краснодар: Традиция. 192 с.
11. Пионер: двухнедельный детский журнал (1925). № 7. Москва: Молодая Гвардия. 42 с.
12. Справочник и путеводитель по Черноморской губернии: Новороссийск, Геленджик, Туапсе, Сочи, Хоста, Гагры (1904). Ч. 1. Новороссийск. 131 с.
13. УА МОГН (Управление архива муниципального образования город Новороссийск). Ф. № 57. Оп. 1. Д. 1.
14. УА МОГН. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 395.
15. УА МОГН. Ф. 24. Оп. 1. Д. 3-4.
16. ЦАМО (Центральный архив Министерства обороны.). Ф. 371. Оп. 6367. Д. 183.
17. ЦАМО. Ф. 371. Оп. 6367. Д. 225.
18. Черноморский курьер. 1914. № 17. Новороссийск: Электро-типография Г. Левиной. 12 л.
19. Черноморское побережье Кавказа (2009) / сост. В. П. Доброхотов; под. ред. Н. И. Воробьева. Краснодар: Традиция. 246 с.

References

1. Vestnik vinodeliya [Bulletin of winemaking]. 1897, 11. (in Russian).
2. Vestnik vinodeliya [Bulletin of winemaking]. 1902, 12. (in Russian).

3. *Vozdelyvanie kormovykh rasteniy: Prakticheskoe rukovodstvo* (1928). [Cultivation of fodder plants: A practical guide]. F. G. Shtebler; pod red. V. A. Kharchenko. Moscow, Novaya derevnya. (in Russian).
4. *Gazeta Kavkaz* [Newspaper Kavkaz]. 14 iyulya 1882. (in Russian).
5. *Ezhegodnik departamenta zemledeliya: god vos'moy* [Yearbook of the department of agriculture: the eighth year]. (1915). Petrograd, Tipografiya V. F. Kirshbauma. (in Russian)
6. Eremenko, A. K., Podyma, K. I. (1988). *Imenem Rossii narechenny*. [Named after Russia]. Moscow, Sov. Rossiya Publ. (in Russian).
7. *Imenie Sheskharis Obshchestva Chernomorskogo Tsementnogo proizvodstva* (1913). [Sheskharis estate of the Black Sea Cement Production Society]. St. Petersburg, Tipografiya M. Florovoy. (in Russian).
8. *Katalog sel'skokhozyaystvennoy i kul'turno-promyshlennoy vystavki Chernomorskogo poberezh'ya Kavkaza «Russkaya Riv'era»* (1913). [Catalog of the agricultural and cultural-industrial exhibition of the Black Sea coast of the Caucasus "Russian Riviera"]. St. Petersburg, Tipografiya I. Shurukhta. (in Russian).
9. *Na novoy doroge: sbornik statey po khozyaystvennomu stroitel'stvu narkomzema v usloviyakh Novoy ekonomicheskoy politiki* (1923). [On the New Road: A Collection of Articles on the Economic Development of the People's Commissariat of Land under the New Economic Policy]. Moscow, Sovet truda i obrony Publ. (in Russian).
10. *Novoship: 50 let na grebne volny* (2017). [Novoship: 50 years on the crest of a wave]. Krasnodar, Traditsiya Publ. (in Russian).
11. *Pioner: dvukhnedel'nyy detskiy zhurnal* (1925). [Pioneer: a two-week children's magazine]. Vol. 7. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ. (in Russian).
12. *Spravochnik i putevoditel' po Chernomorskoy gubernii: Novorossiysk, Gelendzhik, Tuapse, Sochi, Khosta, Gagry* (1904). [Reference book and guide to the Black Sea province: Novorossiysk, Gelendzhik, Tuapse, Sochi, Khosta, Gagra]. Ch. 1. Novorossiysk. (in Russian).
13. UA MOGN (Upravlenie arkhiva munitsipal'nogo obrazovaniya gorod Novorossiysk), f. 57, op. 1, d. 1. (in Russian).
14. UA MOGN, f. R-9, op. 1, d. 395. (in Russian).
15. UA MOGN, f. 24, op. 1, d. 3-4. (in Russian).
16. TsAMO (Tsentral'nyy arkhiv Ministerstva obrony.), f. 371, op. 6367, d. 183. (in Russian).
17. TsAMO, f. 371, op. 6367, d. 225. (in Russian).
18. *Chernomorskiy kur'er*, vol. 17 (1914). [Black Sea Courier]. Novorossiysk, Elektrotipografiya G. Levinoy. (in Russian).
19. *Chernomorskoe poberezh'e Kavkaza* (2009). [Black Sea coast of the Caucasus]. Sost. V. P. Dobrokhотов; pod. red. N. I. Vorob'eva. Krasnodar, Traditsiya Publ. (in Russian).

Горлов В. Н.
Артёмов С. Н.
(Москва)

УДК 94(470)

СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ЗАКАЗА ГЕНЕРАЛЬНОГО ПЛАНА РЕКОНСТРУКЦИИ МОСКВЫ 1935 ГОДА

Задача данной статьи – показать, как складывался социальный заказ, и как на его основе формировалась концепция Генерального плана реконструкции города Москвы 1935 г. Следует обратить внимание, что специальных исследований, посвященных подготовке Генерального плана реконструкции Москвы 1935 г., слишком мало. В основном, затрагивались проблемы реализации этого плана, но не исследовался вопрос формирования его социального заказа. В статье отмечается, что каждое поколение обогащало, дополняло и вносило новые штрихи в развитие Москвы, акцентируется внимание на определенных политических, экономических, социокультурных особенностях Москвы, складывающихся в 1920-1930-е гг. В статье уделяется внимание не только постановлению «О генеральном плане реконструкции города Москвы» от 10 мая 1935 г., но и другим важнейшим партийным документам, в первую очередь, решениям июньского (1931 г.) пленума ЦК ВКП (б), сформулированным в резолюции пленума от 15 июня 1931 г. «О Московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР». В статье анализируются причины социалистической перестройки Москвы, планомерного и комплексного развития города, радикального улучшения бытовых и культурных условий жизни москвичей. Идеологические причины преобладали при подготовке плана реконструкции столицы, т.к. необходимо было показать преимущества советской общественной системы. Именно в 1930-е гг. был сформирован современный облик Москвы. Исследование выполнено на основе проблемно-исторического анализа с учётом социальных условий того времени.

Ключевые слова: пленум, жилищное строительство, Москва, реконструкция, архитектура, благоустройство, Генеральный план, городское хозяйство, планировка.

The purpose of this article is to show how the social order was formed and how the concept of the General Plan for the reconstruction of the city of Moscow in 1935 was formed on its basis. It should be noted that there are too few special studies devoted to the preparation of the General Plan for the Reconstruction of Moscow in 1935. The problems of the implementation of this plan were mainly touched upon, but the issue of the formation of its social order was not investigated. The article notes that each generation enriched, supplemented and brought new touches to the development of Moscow, focuses on certain political, economic, socio-cultural features of Moscow, emerging in the 1920s-1930s. The article pays attention not only to the resolution "On the general plan for the reconstruction of the city of Moscow" of May 10, 1935, but also to other important party documents, primarily the decisions of the June (1931) plenum of the Central Committee of the CPSU (b), formulated in the resolution of the plenum of June 15, 1931. "About the Moscow urban economy and the development of the urban economy of the USSR". The article analyzes the reasons for the socialist restructuring of Moscow, the planned and comprehensive development of the city, and the radical improvement of the living and cultural conditions of Muscovites. Ideological reasons prevailed in the preparation of the reconstruction plan of the capital, because it was necessary to show the advantages of the Soviet social system. It was in the 1930s that the modern look of Moscow was formed. The study was carried out on the basis of a problem-historical analysis taking into account the social conditions of that time.

Keywords: plenum, housing construction, Moscow, reconstruction, architecture, landscaping, master plan, urban economy, layout.

DOI: 10.24888/2410-4205-2023-34-1-20-31

Каждый город в зависимости от своей роли в обществе создает условия для экономического и социального воспроизводства человеческой деятельности и самих людей. Понятно, что у Москвы эта роль особого рода, ибо касается создания условий для воспроизводства деятельности, выходящей далеко за пределы не только города, но и страны. История планировки и застройки Москвы показывает, что сложившаяся в глубокой древности структура центра позже, по мере развития государства и самой столицы, постоянно нуждалась в обновлении и приведении её в соответствие с новыми функциональными и эстетическими требованиями. Формирование её облика в целом, а также столичного центра, главных площадей и ансамблей – не только серьезная архитектурно-художественная, но и идеологическая задача.

К 1926 г. быстрое развитие промышленности и рост населения Москвы требовали от городского хозяйства непрерывного увеличения производственных мощностей. Особенно тяжелым было положение жилищного хозяйства (с 1923 г. по 1926 г. жилая площадь увеличилась на 20,7 проц., а население Москвы выросло на 42 проц.) [9, с. 167]. Темпы жилищного строительства в Москве сильно отставали от потребностей быстро растущего населения города. Ежегодно в столице в среднем прибавлялось свыше 162 тысяч жителей [5, с. 40].

В резолюции «По жилищному строительству» объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), состоявшегося в июле 1926 г., было указано, что «жилищный вопрос в быту рабочих становится одним из наиболее острых вопросов, без положительного решения которого невозможно сколько-нибудь значительное улучшение положения рабочих» [7, с. 351]. В связи с этим, Пленум наметил программу улучшения жилищных условий трудящихся.

Вступление в строй ряда крупных промышленных предприятий и значительное увеличение населения в 1929-1930 гг. поставили городское хозяйство Москвы в чрезвычайно тяжелое положение. К этому времени городское хозяйство Москвы, база которого в основном была дореволюционной, исчерпало свои производственные возможности и не могло обеспечить потребности промышленности и населения города. Достаточно сказать, что к 1931 г. население Москвы выросло по сравнению с 1912 г. на 73 проц., промышленность – на 200 проц., а трамвайная сеть – всего на 61 проц., канализация – на 40 проц., осветительная сеть – на 34 проц. [5, с. 18]. Подобное положение грозило ухудшить условия жизни москвичей, затормозить выполнение плана промышленного строительства, развернувшегося в Москве по пятилетнему плану.

На Пленуме ЦК ВКП(б) 15 июня 1931 г. рассматривался вопрос «О московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства в СССР» [15, с. 320-333]. Важнейшей политической задачей становится реконструкция столицы для преобразования Москвы в образцовый социалистический город. В резолюции пленума говорилось о разработке Генерального плана реконструкции Москвы.

Ещё до Пленума по указанию Политбюро ЦК ВКП(б) была образована специальная правительственная комиссия, которая представила предложения о развитии городского хозяйства Москвы. Было намечено большое жилищное строительство, создание широкой сети общественных столовых, детских садов и яслей, продовольственных и промтоварных магазинов. Предусматривалось развитие топливного хозяйства, водоснабжения и канализации, дальнейшее озеленение городской территории. Реконструкции подвергались сотни улиц и площадей, общая протяженность которых составляла 600 км. Намечалось расширение автобусного движения, создание в Москве троллейбусного транспорта и, как самое радикальное

средство разрешения трудностей с пассажирскими перевозками – строительство метрополитена [5, с. 42-44].

Полностью одобрив разработанные Политбюро мероприятия, Пленум ЦК поставил перед МК ВКП(б) и Моссоветом задачу «скорейшего приведения плана развития городского хозяйства в соответствие с бурным ростом промышленности и населения и соответственной распланировки г. Москвы как социалистической столицы пролетарского государства» [8, с. 549]. Решения Пленума ЦК направили развитие городского хозяйства Москвы по новому пути, пути социалистической реконструкции важнейших отраслей городского хозяйства.

В резолюции московского партактива от 19 июня 1931 г. отмечалось: «Центральный Комитет поставил вопросы московского хозяйства не только под углом зрения устранения вопиющих текущих недостатков. Пленум поставил во всю ширь задачи коренной реконструкции и перестройки Москвы в соответствии с потребностями социалистической столицы пролетарского государства...» [6]. В свою очередь, президиум Исполкома Моссовета принял решение провести в Москве работу по разъяснению трудящимся решений ЦК ВКП(б) с тем, чтобы сделать идеи плана реконструкции города близкими и понятными массам.

Создание новой планировки города включало не только разработку новой схемы московских улиц, переулков и площадей с соответствующей их застройкой, но и вопросы общего благоустройства. Осуществление всего этого комплекса мероприятий должно было идти по разным направлениям: выравнивание улиц, создание новых площадей, выбор участков для постройки крупных зданий (Домов культуры, театров, многоэтажных жилых домов и т.п.). Поэтому нужно было критически оценить планировочные схемы, разработанные в предшествующие годы в качестве основы будущей перестройки Москвы.

Планировочным комитетом при Моссовете предлагался план Большой Москвы, где исходя из исторически сложившейся застройки города предлагалась кольцевая система планировки. Территория Большой Москвы делилась на несколько зон равного назначения, идущих в виде колец от центра к периферии и завершающихся оградительной лесной зоной.

Один из руководителей разработки Генплана 1935 г. Л. М. Каганович на Пленуме Моссовета 11 июля 1934 г. говорил: «...По мнению тов. Сталина, для нас неприемлема и позиция тех, кто отрицает самый принцип города, кто тянет нас к оставлению Москвы большой деревней, и позиция сторонников излишеств урбанизации» [16, с. 121].

10 июля 1935 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О Генеральном плане реконструкции города Москвы» [10]. Генеральный план намечал широкую программу комплексной реконструкции и дальнейшего развития всех отраслей хозяйства города.

Предварительный проект плана на протяжении четырех лет неоднократно рассматривался на совещаниях в ЦК ВКП(б), в МК и МГК партии, при участии руководителей правительства, представителей общественных организаций, архитекторов, инженеров, строителей. После каждого такого обсуждения проект плана подвергался доработке и лишь после этого был утвержден как Генеральный план реконструкции Москвы.

В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) отмечалось, что «задача партийных и советских организаций Москвы состоит не только в том, чтобы выполнить формально план реконструкции г. Москвы, но прежде всего в том, чтобы строить и создавать высококачественные сооружения для трудящихся, чтобы строительство столицы СССР и архитектурное оформление столицы полностью отражали величие и красоту социалистической эпохи» [10, с. 15].

Данное постановление ознаменовало начало процесса комплексных реконструкций и развития столицы при строгом идеологизированном подходе ко всем градостроительным документам переустройства Москвы. Сохраняя радиально-кольцевую планировку Москвы, авторы генплана хотели тем самым сохранить историческое наследие города. Заложенные в Генплане 1935 г. социалистические принципы построения городской среды предусматрива-

ли ликвидацию структурных делений территорий города на аристократические центры и рабочие окраины. Основным принципом застройки являлась компактность городского массива, ставилась задача ликвидации противоположности богатого центра и нищих окраин. В связи с этим, намечалось равномерное размещение по всему городу общественных и культурно-бытовых сооружений. Стирались границы кварталов, предназначенных для разных слоев населения. Принципы формирования жилых кварталов отражали взгляды на идеалы жилья. Были сделаны первые предложения по культурно-бытовому обслуживанию населения. Озеленение расценивалось как важнейший фактор гигиенического комфорта города и отдыха населения.

В подготовке этого документа принимали участие виднейшие специалисты различных профессий. Это была консолидация творческих сил, в результате которой были сформулированы основные принципы развития социалистического города. Постановление обсуждалось на общемосковском партийном активе, на пленумах райкомов и райсоветов, в первичных партийных организациях, на собраниях рабочих и служащих.

Сегодня, когда к проблемам застройки Москвы привлечено внимание самой широкой общественности, нередко раздаются голоса, предлагающие пересмотреть привычную для нас положительную оценку Генерального плана реконструкции Москвы 1935 г. Горячие головы даже склонны обвинять авторов плана в потере своеобразия города, в потере архитектурных памятников.

Нет более бесперспективного занятия, чем судить одно время по законам другого. В 1930-е гг. шло строительство столицы первого в мире социалистического государства, которой не мог соответствовать город, сложившийся к началу XX века. Коренная реконструкция столицы социалистического государства была неизбежной, её диктовала искренняя и вдохновенная воля советского общества, видевшего в столице эталон разумного и прекрасного города будущего. Архитекторов вдохновляло строительство нового, пролетарского, социалистического города.

Как любой крупномасштабный партийно-правительственный документ, постановление, с одной стороны, фиксировало определенный уровень разработки проблемы на данный момент, а с другой – нацеливало на её развитие. Несомненно, что специалисты, причастные к созданию этого чрезвычайно важного документа, не могли не знать о том, что в планировочном подразделении Московского отдела коммунального хозяйства (МОКХ), ведавшего в это время вопросами планировки и застройки Москвы, за год до проведения пленума ЦК ВКП (б) была разработана и опубликована анкета, в ответах на которую советская «рабочая, политическая и научно-техническая общественность» должна была выразить своё отношение к проблемам реконструкции Москвы, поскольку на вопрос о том, какой быть Москве, «должен ответ дать не архитектор, а вся общественность». И «только после такого общественного голосования можно предъявить архитектору социальное задание, социальный заказ», – так писал С. Горный (один из ведущих сотрудников МОКХ) [3, с. 17].

«Планировка Москвы, – писал журнал «Коммунальное хозяйство», – вступает в новую стадию, приближающую её к практическим решениям – МОКХ объявляет конкурс на планировку Москвы. Какие же принципы кладутся в основу задания, каков социальный заказ? Для проверки своих установок через широкую общественность МОКХ организовал опрос среди разных слоёв общественности – рабочих, политических деятелей, инженеров, врачей, экономистов» [3, с. 15].

Что же интересовало авторов анкеты? Их интересовали политическое, экономическое, культурное развитие столицы, будущее исторической территории Москвы, индустриальное развитие Москвы, организация жилищного строительства, рост населения столицы и его размещение.

Среди ответивших на анкету член президиума исполкома Коминтерна В. Коларов, заместитель председателя Госплана СССР С. Струмилин, директор Института К. Маркса и

Ф. Энгельса Д. Рязанов, нарком здравоохранения Н. Семашко, врач С. Гуревич, экономисты Г. Пузис (Госплан РСФСР), М. Барсуков и Л. Сабсович (Госплан СССР), профессор П. Ляшенко (НИИ сельскохозяйственной экономики), инженер-транспортник проф. В. Образцов, архитекторы В. Бабуров, В. Балихин, Н. Докучаев, В. Кринский, К. Мельников, А. Рухлядев, М. Туркус и др. [17, с. 249-256]. Понятно, что все эти люди так или иначе были связаны с проблемами реконструкции Москвы, но важно, что далеко не все они были архитекторами, а в большей своей части представляли техническую интеллигенцию. Тем не менее, несмотря на весьма неоднородный состав ответивших на анкету, а также на широкий спектр предложений, содержащихся в ответах, все анкетированные были единодушны в том, что Москву надлежит коренным образом переустраивать. При этом Москва трактовалась как «центр мировой пролетарской Революции», как «административно-хозяйственный и политический центр СССР», который должен «принять формы научно-директивного центра», как промышленный центр всесоюзного значения (в этом было убеждено большинство ответивших на анкету). Какие бы вопросы ни затрагивали анкетированные – транспорт или жилищное строительство, озеленение или размещение промышленных предприятий, они вновь и вновь возвращались к проблеме Москвы как международной столицы.

Это было далеко не случайно, так как основной вопрос о том, какой должна быть Москва через полтора десятилетия, практически для всех участников опроса приобретал смысл, становившийся главным: «чем должна быть Москва в условиях мировой революции». Именно с этой точки зрения отвечали на вопросы В. Коларов, П. Ляшенко, Г. Пузис, А. Рухлядев, Л. Сабсович, С. Струмилин.

Понятно, что этому высокому назначению не мог соответствовать старый город с узкими улицами, малопригодными для современного транспорта, с отсутствием крупных общественных зданий, символизирующих новый строй, новую эпоху, новые эстетические идеалы. В соответствии с генпланом в первую очередь перестраивался центр столицы, который приобрёл в те годы свой нынешний вид. Город рассматривался как система ансамблей площадей и улиц, отражающих величие и красоту социалистической действительности.

Таким образом, вопрос о перепланировке Москвы сразу же перерастал из вопроса чисто градостроительного в вопрос огромной идеологической важности, в вопрос политический. Соображениями такого рода пестрят страницы газет и журналов того времени. «Гигантские задачи по социалистическому строительству и новому строительству Москвы, четко поставленные и решенные июньским пленумом ЦК и практическими предложениями МК и Моссовета, требуют полного архитектурного отражения в строительстве эпохи переходного к социализму периода, требуют четко выраженной классовой пролетарской архитектуры [18, с. 8-9], «обострение классовой борьбы, ожесточенное противодействие чувствующих близкую гибель классово-враждебных сил ставят вопрос о вовлечении в классовую борьбу всех видов искусства, а следовательно и архитектуры... Давно пора поставить вопрос о создании в плановом порядке комплексного архитектурного оформления города, отражающего идеологию пролетариата и являющегося мощным орудием классовой борьбы» [2, с. 35].

Здесь следует отметить одну существенную особенность: выработка концепции генерального плана шла в годы господства конструктивизма (первый эскиз, легший в основу плана, относится к 1932 г.), тогда как представления о художественно-образных характеристиках города складывались несколько позже, когда советская архитектура повернулась лицом к освоению наследия прошлого. Жизненность генерального плана, его способность адаптироваться к новым условиям, которые ставила перед Москвой жизнь, лишней раз свидетельствуют о том, что крепкая функциональная подоснова, которой, несомненно, обладал генеральный план 1935 г., давала возможность городу развиваться и на следующих этапах. Иными словами, на базе хорошо продуманного генерального плана могут развиваться и существовать различные стилевые направления, он не исчерпывается только теми художе-

ственными предпочтениями, которые преобладают в дни его создания. Об этом свидетельствует весь опыт мировой архитектуры.

Тем не менее, несмотря на подход к планировке города, прежде всего, исходя из условий его нормального функционирования, в ответах содержится отношение к памятникам старины (кстати, прежде всего этот вопрос волновал архитекторов). Так, члены МАО¹ и АСНОВА², почти никогда не совпадавшие друг с другом во взглядах, единодушно утверждали: «Старая Москва как исторический центр должна быть сохранена», «старую Москву (в кольце «Б») оставить без особых перепланировок, создав в ней культурно-просветительный центр страны, где должны быть оставлены все историко-революционные и имеющие историко-архитектурную ценность здания». Говорилось и о сохранении «наиболее значительных архитектурных памятников, разбросанных в отдельных частях города», о том, что Москва должна сохранить «наглядные свидетельства своего культурного роста», что Москву в пределах Садового кольца «оставить без особых перепланировок, создав в ней культурно-просветительный центр страны, где должны быть оставлены все историко-революционные и имеющие историко-архитектурную ценность здания». Было убеждение в необходимости сохранить архитектурный ансамбль Красной площади, храм Василия Блаженного, ансамбль Кремля, стены Китай-города, Большой театр, фонтан на Свердловской площади, подмосковные усадьбы в Архангельском, церкви в Филях и Коломенском, а «на остальной территории города» - «памятники архитектуры, имеющие действительно большое художественное значение». К таким зданиям не относились, по мнению опрошенных, постройки конца XIX – начала XX в., в их числе – Верхние торговые ряды на Красной площади (ныне ГУМ), храм Христа Спасителя и т.д. [17, с. 249-256].

Понимание художественной ценности этих сооружений придет лишь спустя несколько десятилетий, а в тридцатые годы понятие «модерн» сопровождалось, как правило, определением «дурной вкус», понятие «эклектика» несло в себе оценочный смысл, причем сугубо отрицательный, поиски московских зодчих рубежа XIX-XX вв. в области национальной архитектуры напрямую связывались с идеологией «самодержавия, православия и народности».

Понятно поэтому, что на месте многих сооружений, построенных на рубеже XIX – XX вв. предполагалось возвести здания, отражающие новую эпоху: Дом СССР, музей Революции, Музей Красной Армии, институты, научные и культурно-просветительные учреждения и т.д. Двумя-тремя годами позже это стремление выльется в проектирование, а затем и начало строительства Дворца Советов на месте храма Христа Спасителя, Дома Наркомтяжпрома на месте ГУМа т.д.

Такое замещение одних символов другими было в логике развития культуры того времени, когда всему новому отдавалось решительное предпочтение перед старым, а борьба с религией приобретала нередко формы борьбы с материальными её носителями – культовыми сооружениями, что приводило в лучшем случае к их непродуманной эксплуатации, в худшем – к сносу. К популярным лозунгам того времени относятся: «Построим на месте очага мракобесия очаг пролетарской культуры», «На месте храма – оплота темноты и невежества – воздвигается Дворец Советов» [1, с. 1].

Не менее заинтересованно, чем техническая интеллигенция, отнеслись к проблемам перепланировки Москвы и самые широкие слои трудящихся города, его жители. Их письма в газеты и журналы, выступления на различного рода обсуждениях, которыми столь богато начало тридцатых годов, не дают усомниться в том, что подавляющее их большинство ви-

---

¹ Московское архитектурное общество – первое творческое объединение московских архитекторов и инженеров-строителей.

² Первая самостоятельная в советской архитектуре творческая организация «Ассоциация новых архитекторов».

дело в мечтах совершенно новый город, не похожий на тот, в котором они жили. Складываются новые стереотипы представлений: если магистрали, то прямые, как стрела, если площади, то просторные, если жилые кварталы, то наполненные светом и воздухом.

В наказах избирателей во время выборов в Моссовет содержалось немало требований к планировке Москвы и её отдельных частей. Москвичи просили сделать схему планировки города, подготовить новый план столицы, исключить постройку узких улиц и переулков, увеличить ширину улиц, определить порядок сносимых кварталов и их застройки. [13, с. 11-12].

Из письма рабочего в секцию благоустройства Моссовета читаем: «Мы сносим целые кварталы домов, стены и другие здания, дабы расширить улицы и выпрямить их и тем делаем большие удобства для жителей, а также сам город красивее и чище – это только можно приветствовать и Моссовет благодарить». Далее следует претензия, почему не сносят дом на углу Кривоколенного переулка, который мешает движению [12, с. 9].

А вот что предлагали избиратели в связи с благоустройством города: снести бывший Страстной монастырь и разбить на его месте сквер (рабочие фабрики «Мосбельё, №9»), снести церковь в Подколокольном переулке, мешающую движению (избиратели Наркомвода, Внешторгтранса, Союзпечати и Метропроекта), снести церковь Покрова на Баррикадной улице и на её месте разбить сквер (работники Аэрофлота), снести церковь у Яузских ворот и построить на её месте жилой дом (рабочие 1-го Шарикоподшипникового завода), расширить Нижнюю Красносельскую площадь, снеся там церковь (рабочие Паровозного депо Московско-Казанской железной дороги), снести остатки бывшего Сретенского монастыря и построить на освобожденном участке «соответствующее нашей архитектуре здание» (домохозяйка Сокольнического района), снести в центре Москвы, в частности в Зарядье, дома-карлики и построить на их месте современные благоустроенные дома (рабочие «Электропрома»), на месте церкви Покровской общины построить фабрику-кухню (избиратели фабрики №12 искусственной шерсти треста Моссукно), реконструировать Покровские ворота, снеся квартал между Хохловской площадью и площадью Покровских ворот, на освобожденной территории разбить сквер и проложить трамвайные пути (строители гостиницы Моссовета, ныне гостиница «Москва») [4, с. 33-34].

Как видим, способы реконструкции самым разным людям виделись одинаково и сводились, в конечном итоге, к расширению и спрямлению улиц, к их озеленению за счет сноса существующих построек. И церкви страдали, в первую очередь, не только потому, что отождествляли собой религию (или религиозные предрассудки, как это было принято называть в те годы), но и потому, что в перенаселенной, страдающей острой нехваткой жилья Москве сносить жилые дома было невозможно, а потребность в изменении городского пейзажа ощущалась весьма настоятельно. Добавим попутно, что уже в начале тридцатых годов облик Москвы начал стремительно меняться. В 1932 г. на многих улицах города развернулась надстройка зданий – это был один из способов немного облегчить сложнейшее положение с жильем. Подраставшие на несколько метров дома (они надстраивались обычно на 2 этажа) меняли привычный масштаб застройки, требовали расширения улиц, создания свободных озелененных пространств.

Та же потребность отчетливо выявлена и в партийно-советских документах тех лет. Так, 23 сентября 1933 г. было принято постановление бюро МГК ВКП(б) и президиума Моссовета РК и КД¹, в котором говорилось: «Задача разработки нового плана Москвы, на основе указаний партии и тов. Сталина, ставится жизнью со всей остротой. Рост города, исключительное усиление движения в условиях узких, искривленных улиц, даже на главных магистралях, и крайней запутанности города сотнями переулков и тупиков, требуют ускоренной разработки нового плана Москвы. Этот план, наряду с конкретной практической ра-

---

¹ РК и КД – рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

ботой по выравниванию и расширению улиц, в особенности главных радиальных магистралей, с использованием земель, занятых в большом количестве дворами и хаотично застроенными мелкими, старенькими зданиями, должен предусмотреть также прокладку новых улиц и в особенности создание нового центра строительства по линии набережной реки Москвы и, в связи со строительством канала Волга-Москва, обводнение реки Яузы и создание ряда каналов в г. Москве» [11, с. 5].

Исходя из указаний ЦК ВКП(б) Московский комитет партии и Московский Совет провели коренную реорганизацию проектно-планировочного дела. В 1932 г. было организовано специальное Архитектурно-планировочное управление при Моссовете, в Москве была создана система проектных мастерских. Благодаря перестройке всего проектно-планировочного дела в короткий срок (1932-1934 гг.) удалось разработать генеральную схему планировки Москвы.

14 июля 1934 г., т.е. ровно за год до того, как генеральный план был утвержден, в ЦК ВКП(б) состоялось совещание, на котором рассматривались вопросы планировки Москвы. «На этом совещании, - писал год спустя главный архитектор отдела планировки Моссовета С. Е. Чернышев, - тов. Сталин наметил пути роста прекрасного города – Москвы, создания широких улиц, красивых площадей, мощных зеленых массивов, полноводных рек и хороших благоустроенных домов» [19, с. 11].

А через два дня после совещания в ЦК проходил пленум Московского Совета с участием рабочих-ударников и инженерно-технических работников московских фабрик, заводов и Метростроя, посвященный обсуждению вопросов строительства метро. Пленум обратился с приветствием к Сталину. В нем говорилось: «Нам подробно рассказали о твоём выступлении 14 июля на совещании в Центральном Комитете, посвященном планировке города Москвы, где ты поставил перед нами задачи огромнейшей важности в работе по реконструкции Москвы. Твое выступление на этом совещании подвело итог большой проделанной нами работе и даёт нам уверенность в правильности путей развития Москвы, которые были намечены Московским комитетом партии и Моссоветом» [14, с. 1-2].

Таким образом, уже проделанная к этому моменту работа над генеральным планом получила высшее одобрение. Более того, основные положения генерального плана, уже сформулированные к этому времени, как бы получили новое авторство, делавшее их не только обязательными к исполнению, но и непогрешимыми. Формирование социального заказа закончилось.

Суммируя, можно говорить о том, что процессы формирования социального заказа на генеральный план и кристаллизации его концепции шли параллельно. При этом не следует забывать, что архитекторы, работавшие над планировкой Москвы, были не только профессионалами, но и гражданами, что для времени создания генерального плана более чем существенно. Они не могли не ощущать (кстати, это входит и в понятие профессионализм) духа своей активной эпохи, пронизанной идеями преобразования. Естественно, что из нескольких схем перепланировки Москвы, бывших в распоряжении руководства города после проведенного в 1931 г. конкурса [17, с. 249-256], была выбрана та, что наиболее полно отвечала общественным устремлениям. Социальный заказ возникает, когда есть массовый потребитель и появляется необходимость решать его насущные проблемы. Необходимо учитывать, что архитектурные представления об идеальной пространственной организации для всех членов общества должны рассматриваться в контексте общественно-политического строя, экономического устройства государства, эпохи в целом. Эти представления отражаются в задачах, которые обычно выдвигаются в виде долгосрочных программ, в т.ч. и в области архитектурно-градостроительной, жилищной политики. И в ходе работы над генеральным планом, который находился под неусыпным вниманием как трудящихся, так и руководства, в него вносились необходимые коррективы, приближавшие его к достаточно отчетливо сформулированному идеалу.

Важно отдать себе отчет в том, какой же круг проблем стоял перед архитекторами, социологами, экономистами и специалистами других смежных областей деятельности, занимающимися планированием и проектированием развития Москвы, какими могут быть новые способы решения проблем архитектурно-градостроительного развития столицы.

В различные исторические периоды проблемы архитектурно-градостроительного развития осмыслялись и воплощались в практику по-разному. Одной из движущих сил, определявших долгое время творческие установки архитекторов, было стремление избавиться от пространственной атрибутики прежних ценностей и созданной на них культуры, найти новые архитектурно-пространственные формы, отвечающие ценностям нового, социалистического общества, реализовать их, прежде всего, здесь, в Москве, а затем тиражировать во множестве других городов.

В тридцатые годы разработке генерального плана предшествовал активный поиск конструктивного и четкого решения проблемы старого и нового, дальнейшего активного и гармоничного развития Москвы и её центра. Идея создания нового представительного столичного форума советского времени возникла в 1934-1935 гг. при разработке конкурсных проектов здания Наркомтяжпрома, в котором приняли участие ведущие архитекторы: Веснины А. А. и В. А., Гинзбург М. Н., Леонидов И. И., Иофан Б. М., Фомин И. А. и др. Конечно, это здание намечалось в самой сердцевине средневекового ядра города, в работах этого периода явно недооценивалось историко-архитектурное наследие Москвы. Однако, все эти проекты и идеи наглядно свидетельствуют о том, что необходимость создания созвучного новой социалистической эпохе столичного центра в этот период осознавалась достаточно отчетливо, она стала безотлагательной идейно-политической задачей, которая осознавалась всеми гражданами. Как бы мы не относились к проектам Дворца труда, Дворца Советов или здания Наркомтяжпрома, появление этих новых архитектурных доминант Москвы в свое время оправдывалось их огромной идеологической ролью.

В историческом прошлом Москвы хорошо прослеживаются попытки преобразования и самой архитектуры столицы, её центра, важнейших сооружений. Действительно, были эпохи, когда о сохранении архитектурного и градостроительного наследия мало заботились, были нередки случаи сознательного уничтожения старых зданий, комплексов и целых городов с тем, чтобы возвести на их месте новые. Так, на протяжении XIV в. дважды перестраивался Московский Кремль, в конце XV в. белокаменные стены Дмитрия Донского были заменены дошедшими до нас кирпичными, а все ведущие храмы – более величественными новыми. Можно вспомнить надстройку колокольни Ивана Великого при Борисе Годунове, проектирование В. И. Баженовым Большого Кремлёвского дворца, строительство величественного храма Христа Спасителя – монумента в честь победы России в Отечественной войне 1812 г. и т.п.

Эти общеизвестные события в жизни Москвы называли не иначе, как этапами её закономерного поступательного развития. Так, по существу, и было, и, наверное, из числа современников, видевших расцвет Кремля, тоже никто не сожалел об исчезновении ветхих белокаменных, а тем более деревянных укреплений, старых приземистых храмов.

Строительство этих сооружений преследовало, несомненно, также и идейно-политические цели: прославления государства, его возросшей мощи, силы, значения на международной арене, патриотические мотивы и отражало масштабы идей, веяний и эстетику новых эпох.

Как феномен культурный, политический, идеологический, Москва сравнима с многими городами мира, но и в этом сравнении определение её быстро меняющейся, растущей роли требовало постоянного переосмысления. Отсюда вытекала группа проблем социально-архитектурного характера: создание такого архитектурного облика столицы первого в мире социалистического государства, который, воплощая ценности социализма, наглядно отражал бы преимущества социализма, репрезентировал бы его достижения. Их ре-

шения требовали пересмотра функций многих зон и пространств города, социально-организационных изменений, создания принципиально новых композиционных архитектурных и художественных построек.

Новое строительство в сложившемся ядре каждый раз в той или иной степени оказывается связанным с нарушениями его исторической ткани: окружение ценных памятников, масштаба застройки, композиционных связей. Очевидно, что любое новое строительство в историческом городе чревато утратами культурного наследия. Но важно было найти форму и меру таких изменений, которые бы отвечали социальным требованиям времени.

Желание сохранить Москву как ценнейший историко-архитектурный памятник находилось в прямом противоборстве со стремлением наделить город новыми архитектурно-градостроительными качествами. В прямом соответствии с крупными социальными задачами развития нашего общества ставились и задачи объемно-пространственного преобразования Москвы.

Архитекторы ощущали сложность проблем развития Москвы, видели потребность в сохранении её наиболее ценного наследия и установлении преемственных связей между настоящим и прошлым, ставили задачу создания качественно новой архитектурно-пространственной среды города на основе творческой интерпретации его архитектурного и градостроительного наследия. Однако сама идея решительного обновления всего архитектурно-пространственного облика города не вызывала сомнений. Она казалась социально оправданной в то время, когда впервые строилось общество социализма.

Думается, что ни один из генеральных планов, определявших развитие Москвы в советское время, не обладал столь очевидной и ясно выраженной концепцией, как генеральный план 1935 г., концепцией, в основе которой лежал не менее очевидный и ясно выраженный социальный заказ.

Список источников и литературы

1. *Большой итог, еще больше задачи!* (1932). // Строительство Москвы. № 1 (86). С. 1.
2. Воблый, И. Г. (1931). *За плановое оформление московских площадей* // Строительство Москвы. № 5 (78). С. 35.
3. Горный, С. М. (1930). *Планировка Москвы* // Коммунальное хозяйство. № 6 (104). С. 17.
4. *Избиратели предлагают* (1935). // Строительство Москвы. № 1 (125). С. 33-34.
5. *История Москвы* (1959). Москва: Издательство Академии наук СССР. Т. 6. Кн. 2. 630 с.
6. *Коммунальное хозяйство на высшую ступень* (1931). // Правда. 20 июня.
7. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. (1970). Москва: Политиздат. Изд. 8-е, Т. 3. 552 с.
8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. (1970). Москва: Политиздат. Изд. 8-е, Т. 4. 581 с.
9. Московский Совет за 10 лет работы. 1917-1927. (1927). Москва: Издание Московского Совета Р., К. и КР. Д. 597 с.
10. О Генеральном плане реконструкции города Москвы. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б). (1935). Москва: Партиздат ЦК ВКП(б). 23 с.
11. *Об организации дела проектирования зданий, планировки города и отвода земельных участков в г. Москве. Постановление бюро МГП ВКП(б) и Президиума Моссовета РК и КД от 23 сентября 1933 года* (1933). // Строительство Москвы. № 9 (109). С. 5.
12. Перчик, Л. М. (1934). *Москва на стройке* // Строительство Москвы. № 11(122). С. 9.

13. *Письмо – обращение московских архитекторов. Мы должны строить самые красивые, самые благоустроенные здания в мире* (1934). // *Строительство Москвы*. № 10 (122). С. 11-12.

14. *Пленум Московского Совета с активом фабрик, заводов и Метростроя — товарищу Сталину* (1934). // *Строительство Москвы*. № 7 (119). С. 1-2.

15. *Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам*. (1967). Москва: Политиздат. Т. 2. 798 с.

16. Семёнов, В. Н. (1935). *Архитектурная реконструкция Москвы* // *Вопросы архитектуры АА СССР*. Москва: ОГИЗ. ИЗОГИЗ. С. 119-158.

17. Хазанова, В. Э. (1980). *Советская архитектура первой пятилетки*. Москва: Наука. 373 с.

18. Черкасский, И. Н. (1931). *Пролетарскую архитектуру на передовые позиции строительного фронта* // *Строительство Москвы*. № 8 (84). С. 8-9.

19. Чернышев, С. Е. (1935). *План реконструкции столицы* // *Строительство Москвы*. № 7-8 (131). С. 11.

References

1. *Bol'shoj itog, eshche bol'she zadachi!* (1932). [A big result, even more tasks!] in *Stroitel'stvo Moskvy*, 1. (in Russian).

2. Voblyj, I. G. (1931). *Za planovoe oformlenie moskovskih ploshchadej* [For the planned design of Moscow squares] in *Stroitel'stvo Moskvy*, 5. (in Russian).

3. Gornyj, S. M. (1930). *Planirovka Moskvy* [Layout of Moscow] in *Kommunal'noe hozyajstvo*, 6. (in Russian).

4. *Izberateli predlagayut* (1935). [Voters suggest] in *Stroitel'stvo Moskvy*, 1. (in Russian).

5. *Istoriya Moskvy* (1959). [History of Moscow]. Moscow, Akademia nauk SSSR Publ. 6. 2. (in Russian).

6. *Kommunal'noe hozyajstvo na vysshuyu stupen'* (1931). [Municipal services at the highest level] in *Pravda*, 20 iyunya. (in Russian).

7. *KPSS v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i plenumov CK* (1970). [The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee] Moscow, Politizdat. Izd. 8, Publ. 3. (in Russian).

8. *KPSS v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i plenumov CK* (1970). [The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee] Moscow, Politizdat. Izd. 8, Publ. 4. (in Russian).

9. *Moskovskij Sovet za 10 let raboty. 1917-1927* (1927). [Moscow Council for 10 years of work. 1917-1927.] Moscow, Izdanie Moskovskogo Soveta R., K. i KR. D. (in Russian).

10. *O General'nom plane rekonstrukcii goroda Moskvy. Postanovlenie SNK SSSR i CK VKP(b)* (1935). [About the Master Plan for the reconstruction of the city of Moscow. Resolution of the SNK of the USSR and the Central Committee of the CPSU(b).] Moscow, Partizdat CK VKP(b). (in Russian).

11. *Ob organizacii dela proektirovaniya zdaniy, planirovki goroda i otvoda zemel'nyh uchastkov v g. Moskve. Postanovlenie byuro MGP VKP(b) i Prezidiuma Mossoveta RK i KD ot 23 sentyabrya 1933 goda* (1933). [About the organization of the case of designing buildings, city planning and allotment of land in Moscow. Resolution of the Bureau of the IHP of the CPSU(b) and the Presidium of the Moscow City Council of the Republic of Kazakhstan and the CD dated September 23, 1933] in *Stroitel'stvo Moskvy*, 9. (in Russian).

12. Perchik, L. M. (1934). *Moskva na strojke* [Moscow on the construction site] in *Stroitel'stvo Moskvy*, 11. (in Russian).

13. *Pis'mo – obrashchenie moskovskih arhitektorov. My dolzhny stroit' samye krasivye, samye blagoustroennye zdaniya v mire* (1934). [A letter of appeal from Moscow architects. We

must build the most beautiful, most well-maintained buildings in the world] in *Stroitel'stvo Moskvy*, 10. (in Russian).

14. *Plenum Moskovskogo Soveta s aktivom fabrik, zavodov i Metrostroya — tovarishchu Stalinu* (1934). [The plenum of the Moscow Council with the assets of factories, factories and Metrostroy — to Comrade Stalin] in *Stroitel'stvo Moskvy*, 7. (in Russian).

15. *Resheniya partii i pravitel'stva po hozyajstvennym voprosam* (1967). [Decisions of the Party and the government on economic issues] Moscow, Politizdat Publ. (in Russian).

16. Semènov, V. N. (1935). *Arkhitekturnaya rekonstruktsiya Moskvy* [Architectural reconstruction of Moscow] in *Voprosy arhitektury*. Moscow, OGIZ, IZOGIZ Publ. (in Russian).

17. Hazanova, V. E. (1980). *Sovetskaya arhitektura pervoj pyatiletki* [Soviet architecture of the first five - year plan]. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).

18. Cherkasskiy, I. N. (1931). *Proletarskuyu arhitekturu na peredovye pozicii stroitel'nogo fronta* [Proletarian architecture to the forefront of the construction front] in *Stroitel'stvo Moskvy*, 8. (in Russian).

19. Chernyshev, C. E. (1935). *Plan rekonstrukcii stolicy* [Capital reconstruction plan] in *Stroitel'stvo Moskvy*, 7-8. (in Russian).

Коробицына Л. В.
(Москва)

УДК 303.446.4

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ¹

В настоящее время особую значимость приобретает защита национальных интересов Российской Федерации, вынужденной отвечать на внешнеполитические вызовы. Одним из важнейших факторов, обеспечивающих единство и консолидацию российского общества внутри страны, выступает сохранение преемственности духовно-нравственных ценностей и защита исторической правды. Все большую актуализацию данный вопрос начинает находить в федеральном законодательстве: от внесения изменений в 2020 году в Конституцию Российской Федерации и до принятия приказов и концепций, разработанных Министерством образования и науки Российской Федерации, реализация которых начнется в сентябре 2023 года. В рамках статьи нами рассмотрены правовые основания государственной политики, ключевые цели и принципы передачи традиционных для России ценностей, меры, принимаемые по сохранению исторической памяти, и охарактеризован вектор развития актуального законодательства по изучаемой теме. В ходе анализа нормативных правовых актов нами использован системно-структурный и системный методы, предполагающие работу с законодательством как с иерархической, точно выстроенной и тесно взаимосвязанной системой. Были использованы такие нормативные правовые акты, как Конституция Российской Федерации, федеральные законы, федеральные подзаконные нормативные правовые акты, к числу которых относятся указы Президента Российской Федерации, решения и постановления Правительства Российской Федерации, а также приказы Минобрнауки России. По результатам проделанной работы автор приходит к выводу, что актуальное законодательство по теме сохранения исторической памяти в современном российском обществе представляет собой единую, четко выстроенную и тесно взаимосвязанную систему нормативных правовых актов, которые отражают общий вектор развития современной государственной политики.

Ключевые слова: историческая память, защита исторической правды, актуальное законодательство, государственная политика, защита национальных интересов.

At present, the protection of the national interests of the Russian Federation, which is forced to respond to foreign policy challenges, is of particular importance. One of the most important factors ensuring the unity and consolidation of Russian society within the country is the preservation of the continuity of spiritual and moral values and the protection of historical truth. This issue is beginning to become more and more relevant in federal legislation: from amending the Constitution of the Russian Federation in 2020 to the adoption of orders and concepts developed by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the implementation of which will begin in September 2023. Within the framework of the article, we consider the legal foundations of state policy, the key goals and principles of the transfer of traditional Russian values, measures taken to preserve historical memory, and characterize the vector of development of current legislation on the topic under study. In the course of the analysis of normative legal acts, we used system-structural and system methods, which involve working with legislation as a hierarchical, precisely built and closely interconnected system. Such normative legal acts as the Constitution of the Russian Federation, federal laws, federal subordinate normative legal acts, which in-

---

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

clude decrees of the President of the Russian Federation, decisions and resolutions of the Government of the Russian Federation, as well as orders of the Ministry of Education and Science of Russia, were used. Based on the results of the work done, the author comes to the conclusion that the current legislation on the preservation of historical memory in modern Russian society is a single, clearly built and closely interconnected system of normative legal acts that reflect the general vector of development of modern state policy.

Key words: *historical memory, protection of historical truth, current legislation, state policy, protection of national interests.*

DOI: 10.24888/2410-4205-2023-34-1-32-38

Проблема преемственности духовного опыта поколений занимает особое место в актуальном дискурсе современного российского общества и находит воплощение в том числе в развитии законодательства по данной тематике. Культурный опыт, защита исторической памяти и правды, сохранение исторических ценностей и единства стали находят отражение в нормативно-правовых актах, принимаемых на различных уровнях: внесение изменений в Конституцию Российской Федерации, разработка Федеральных законов, принятие указов Президента Российской Федерации, распоряжений и постановлений Правительства Российской Федерации, а также актов федеральных органов исполнительной власти. Безусловно, интерес органов законодательной и исполнительной власти к данной сфере отражает, с одной стороны, особую роль преемственности духовного опыта в современном российском общества, а с другой стороны, вектор развития актуальной государственной политики.

Высшей юридической силой на территории Российской Федерации обладает Конституция Российской Федерации (далее – Конституция РФ), как основополагающий нормативный правовой акт, определяющий основы государственного устройства и ключевые ценности российского народа. В одних из первых положений преамбулы Конституции РФ закреплено, что почитание памяти предков, уважение и любовь к Отечеству и сохранение исторически сложившегося государственного единства являются основополагающими [3]. Данные принципы находят развитие в части 3 статьи 44 Главы 2, посвященной правам и свободам человека и гражданина, где закреплена обязанность граждан Российской Федерации заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры [4]. А также в части 4 статье 68 Главы 3, посвященной федеративному устройству, устанавливающей, что культура Российской Федерации является уникальным наследием ее многонационального народа, она поддерживается и охраняется государством [5].

В связи с принятием Закона Российской Федерации о поправках к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» (одобрен общероссийским голосованием 01.07.2020) [2] существенное развитие получила тема защиты национальных интересов и сохранения культурной памяти. Статьей 67.1 Конституции РФ установлено, что Российская Федерация, признает исторически сложившееся государственное единство, чтит память защитников Отечества, а также обеспечивает защиту исторической правды [5]. При этом передача культурных ценностей и исторического наследия детям является приоритетным в российской политике, нацеленной на формирование всесторонней, духовной, нравственной молодежи, воспитанной на принципах патриотизма, гражданственности и уважения к старшим.

Духовный и исторический опыт народа выступает ключевым элементом национальной идентичности каждого отдельно взятого гражданина, позволяет понять роль страны в мировой истории, ее традиции и ценности, а также осмыслить свое место в жизни россий-

ского общества. Наличие в Конституции РФ, основополагающем нормативно-правовом акте страны, положений, придающих особое значение культурной преемственности между поколениями, свидетельствует о принципиальном значении данного вопроса для сохранения и развития Российской Федерации как целостного и единого государства.

Положения, направленные на сохранение исторической памяти и российской культуры, установленные Конституцией РФ, находят развитие в федеральном законодательстве. Одним из ключевых законов, нацеленных на решение вопроса преемственности духовных ценностей, является Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 273-ФЗ), который устанавливает правовые, организационные и экономические основы образования в Российской Федерации, а также основные принципы государственной политики в сфере образования [18].

В 2022 году в Федеральный закон № 273-ФЗ были внесены существенные изменения, которые предусматривают введение единых федеральных основных общеобразовательных программ [11, 12, 13, 14]. При этом по русскому языку, литературе, истории, обществознанию, географии и ОБЖ с 1 сентября 2023 года эти программы станут обязательными для реализации в средней школе. Очевидно, что подобная регуляция образовательного процесса поспособствует установлению единообразия преподавания дисциплин во всех школах страны. Вместе с тем, выборка предметов, реализация программ по которым станет обязательна, указывает на особое внимание государства к качеству преподавания гуманитарных и социальных наук, имеющих непосредственное отношение к формированию представления учащихся об истории, географии, культуре и государственном устройстве России.

Проблема сохранения российского исторического и культурного наследия в значительной степени реализуется на уровне федеральных подзаконных нормативных правовых актов, к числу которых относятся указы Президента Российской Федерации (далее – Президент РФ), постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации (Правительство РФ) и приказы федеральных органов исполнительной власти.

Краеугольным камнем современной российской политики в сфере культуры, защиты национальных интересов и традиционных духовно-нравственных ценностей являются четыре основополагающих акта: Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента РФ от 24.12.2014 № 808 [7], Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р [15], Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 [16], и Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденные Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809 [8]. Принципы, установленные данными нормативными актами, формируют тесно связанную систему представлений о месте, роли и перспективах развития России как современного, целостного и независимого государства, со своей самобытной культурой, вековым наследием и традициями. Особое внимание в реализации государственных программ отводится образованию, как основной форме передачи опыта, созданию пространства для реализации творческого потенциала всех групп населения, защите традиционных, в том числе семейных, ценностей, а также исторической правды. Безусловно, актуальная международная ситуация и внешнеполитические вызовы требуют от российского государства принятия мер по сплочению и укреплению духовно-нравственных ценностей внутри страны, что напрямую находит отражение в решениях, принимаемых органами исполнительной власти.

Другим не менее значимым направлением в укреплении культурной независимости и целостности России является деятельность Межведомственной комиссия по историческому просвещению, образованной указом Президента РФ от 30.07.2021 № 442 (далее – Межведомственная комиссия) [17]. Основной целью работы данной комиссии является борьба с фальсификацией истории, защита исторической правды и сохранение исторической памяти.

Одной из наиболее актуальных и значимых с точки зрения реализации указанных целей и формирования патриотического отношения к Родине является инициатива Межведомственной комиссии [9] по введению обязательной дисциплины «История России» по всем специальностям и направлениям подготовки уровней бакалавриата и специалитета, утвержденное приказом Минобрнауки России от 19.07.2022 № 662 «О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования» (далее – Приказ № 662) [10]. Нововведение предполагает, что с сентября 2023 года преподавание истории России будет осуществляться во всех вузах страны и по всем специальностям в объеме не менее 4 зачетных единиц, при этом объем контактной работы обучающихся с педагогом должен составлять не менее 80 процентов. В целях реализации Приказа № 662 Министерством науки и высшего образования Российской Федерации была проведена работа по подготовке «Концепции преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования» [6], утвержденная протоколом Экспертного совета по развитию исторического образования от 15.02.2023 № ВФ/15-пр (далее – Концепция) [1].

Разработка Концепции и внедрение ее во всех высших учебных заведениях страны обеспечит достижение единообразия в подходах и принципах преподавания российской истории, лежащей в основе формирования и сохранения национальной идентичности и патриотического отношения к Родине. Особое внимание необходимо уделять вопросу многонационального и поликонфессионального характера российского государства на протяжении всех этапов исторического развития. Кроме того, курс «Истории России» должен обладать не только научностью и включать наиболее актуальные достижения современной исторической науки и смежных дисциплин, но и отражать особенности российского исторического развития в контексте общемировых процессов.

Федеральное законодательство по вопросу исторической преемственности духовного опыта поколений в современном российском обществе представляет собой единую, четко выстроенную и тесно взаимосвязанную систему нормативных правовых актов, которые отражают общий вектор развития современной государственной политики. Ключевые принципы, цели и задачи сохранения и умножения культурного наследия России, установленные Конституцией РФ, красной нитью проходят сквозь все уровни законодательства, находя концептуальное развитие в федеральных законах и федеральных подзаконных нормативных правовых актах. Особо следует отметить, что значительная часть, рассмотренных актов, были актуализированы в связи с необходимостью укрепления основ духовно-нравственного единства российского народа в условиях внешнеполитических вызовов.

Список литературы

1. В Минобрнауки России утвердили Концепцию преподавания истории России. URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/v-minobrnauki-rossii-utverdili-kontseptsiyu-prepodavaniya-istorii-rossii.html> (дата обращения: 24.02.2023).
2. Закона Российской Федерации о поправках к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346019/ (дата обращения: 15.02.2023).
3. Конституция Российской Федерации. URL: <http://www.constitution.ru> (дата обращения: 15.02.2023).
4. Конституция Российской Федерации. Глава 2. Права и свободы человека и гражданина. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-4.htm> (дата обращения: 15.02.2023).

5. Конституция Российской Федерации. Глава 3. Федеративное устройство. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-5.htm> (дата обращения: 15.02.2023).
6. Концепция преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/Концепция1.pdf> (дата обращения: 24.02.2023).
7. Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения: 18.02.2023).
8. Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 18.02.2023).
9. Письмо Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 17.10.2022 № МН-5/34660 «О применении приказа Минобрнауки России от 19.07.2022 № 662». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_429309/ (дата обращения: 23.02.2023).
10. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 19.07.2022 № 662 «О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210070025> (дата обращения: 23.02.2023).
11. Приказ Минпросвещения России от 16.11.2022 № 992 «Об утверждении федеральной образовательной программы начального общего образования». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212220053> (дата обращения: 17.02.2023).
12. Приказ Минпросвещения России от 16.11.2022 № 993 «Об утверждении федеральной образовательной программы основного общего образования». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212220024> (дата обращения: 17.02.2023).
13. Приказ Минпросвещения России от 23.11.2022 № 1014 «Об утверждении федеральной образовательной программы среднего общего образования». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212220051> (дата обращения: 17.02.2023).
14. Приказ Минпросвещения России от 25.11.2022 № 1028 «Об утверждении федеральной образовательной программы дошкольного образования». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212280044> (дата обращения: 17.02.2023).
15. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года, утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.02.2016 № 326-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf> (дата обращения: 18.02.2023).
16. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 18.02.2023).
17. Указ Президента Российской Федерации от 30.07.2021 № 442 «О Межведомственной комиссии по историческому просвещению». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107300042> (дата обращения: 18.02.2023).

18. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 17.02.2023).

References

1. V Minobrnauki Rossii utverdili Konceptiyu prepodavaniya istorii Rossii. [The Russian Ministry of Education and Science approved the Concept of Teaching Russian History] URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/v-minobrnauki-rossii-utverdili-kontseptsiyu-prepodavaniya-istorii-rossii.html> (in Russian).

2. Zakona Rossijskoj Federacii o popravkah k Konstitucii RF ot 14 marta 2020 g. № 1-FKZ «O sovershenstvovanii regulirovaniya otdel'nyh voprosov organizacii i funkcionirovaniya publichnoj vlasti» [Law of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated March 14, 2020 No. 1-FKZ On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authorities] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346019/ (in Russian).

3. Konstituciya Rossijskoj Federacii [The Constitution of the Russian Federation] URL: <http://www.constitution.ru> (in Russian).

4. Konstituciya Rossijskoj Federacii. Glava 2. Prava i svobody cheloveka i grazhdanina [The Constitution of the Russian Federation. Chapter 2. Rights and freedoms of man and citizen] URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-4.htm> (in Russian).

5. Konstituciya Rossijskoj Federacii. Glava 3. Federativnoe ustrojstvo [The Constitution of the Russian Federation. Chapter 3. Federal structure] URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-5.htm> (in Russian).

6. Konceptiya prepodavaniya istorii Rossii dlya neistoricheskikh special'nostej i napravlenij podgotovki, realizuemyh v obrazovatel'nyh organizacijah vysshego obrazovaniya [The concept of teaching the history of Russia for non-historical specialties and areas of training implemented in educational institutions of higher education] URL: <https://minobrnauki.gov.ru/Konceptiya1.pdf> (in Russian).

7. Osnovy gosudarstvennoj kul'turnoj politiki, utverzhdennye Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 24.12.2014 № 808 [Fundamentals of the state cultural policy, approved by Decree of the President of the Russian Federation of December 24, 2014 No. 808] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (in Russian).

8. Osnovy gosudarstvennoj politiki po sohraneniyu i ukrepleniyu tradicionnyh rossijskikh duhovno-nravstvennyh cennostej, utverzhdennye Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 09.11.2022 № 809 [Fundamentals of the state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values, approved by Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022 No. 809] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (in Russian).

9. Pis'mo Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniya Rossijskoj Federacii ot 17.10.2022 № MN-5/34660 «O primenenii prikaza Minobrnauki Rossii ot 19.07.2022 № 662» [Letter of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated 10/17/2022 No. MN-5/34660 On the application of the order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of 07/19/2022 No. 662] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_429309/ (in Russian).

10. Prikaz Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniya Rossijskoj Federacii ot 19.07.2022 № 662 «O vnesenii izmenenij v federal'nye gosudarstvennye obrazovatel'nye standarty vysshego obrazovaniya» [Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated July 19, 2022 No. 662 On Amendments to the Federal State Educational Standards of Higher Education] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210070025> (in Russian).

11. Prikaz Minprosveshcheniya Rossii ot 16.11.2022 № 992 «Ob utverzhdenii federal'noj obrazovatel'noj programmy nachal'nogo obshchego obrazovaniya» [Order of the Ministry of Education of Russia No. 992 dated November 16, 2022 On Approval of the Federal Educational Program of Primary General Education] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212220053> (in Russian).

12. Prikaz Minprosveshcheniya Rossii ot 16.11.2022 № 993 «Ob utverzhdenii federal'noj obrazovatel'noj programmy osnovnogo obshchego obrazovaniya» [Order of the Ministry of Education of Russia No. 993 dated November 16, 2022 On Approval of the Federal Educational Program of Basic General Education] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212220024> (in Russian).

13. Prikaz Minprosveshcheniya Rossii ot 23.11.2022 № 1014 «Ob utverzhdenii federal'noj obrazovatel'noj programmy srednego obshchego obrazovaniya» [Order of the Ministry of Education of Russia No. 1014 dated November 23, 2022 On Approval of the Federal Educational Program of Secondary General Education] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212220051> (in Russian).

14. Prikaz Minprosveshcheniya Rossii ot 25.11.2022 № 1028 «Ob utverzhdenii federal'noj obrazovatel'noj programmy doshkol'nogo obrazovaniya» [Order of the Ministry of Education of Russia No. 1028 dated November 25, 2022 On Approval of the Federal Educational Program of Preschool Education] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212280044> (in Russian).

15. Strategiya gosudarstvennoj kul'turnoj politiki na period do 2030 goda, utverzhdennaya Rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 29.02.2016 № 326-r [Strategy of the state cultural policy for the period up to 2030, approved by Decree of the Government of the Russian Federation of February 29, 2016 No. 326-r] URL: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf> (in Russian).

16. Strategiya nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii, utverzhdennaya Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 02.07.2021 № 400 [The National Security Strategy of the Russian Federation, approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 2, 2021] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (in Russian).

17. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 30.07.2021 № 442 «O Mezhvedomstvennoj komissii po istoricheskomu prosveshcheniyu» [Decree of the President of the Russian Federation of July 30, 2021 No. 442 On the Interdepartmental Commission for Historical Education] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107300042> (in Russian).

18. Federal'nyj zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» [Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 On Education in the Russian Federation] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (in Russian).

Топильский А. Г.
Житин Р. М.
(Тамбов)

УДК 93/94

КРУГ ЧТЕНИЯ ДВОРЯНСТВА ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА¹

Актуальность исследования определяется необходимостью изучения опыта развития культуры чтения в Центрально-Черноземном регионе Российской империи среди образованных слоев населения. Проанализированы особенности подбора литературы для вечеров в кругу семьи, охарактеризованы (в первую очередь, благодаря обращению к составу книжных коллекций) особенности читательского интереса среди разных социальных и половозрастных групп дворян. В ходе исследования круга чтения центрально-черноземного дворянства удалось установить основополагающее значение семейного чтения для формирования интересов, творческих способностей, нравственных качеств высшего сословия. Ежедневное обращение к книгам и сама культура вдумчивого чтения были обусловлены сложностями в приобретении (в сравнении со столицами) новых изданий. На полках библиофилов могли находиться французские атеистические сочинения и религиозные тексты, книги хозяйственного значения и романы для легкого чтения. Провинциальное дворянство стремилось перенимать столичную книжную моду, однако конкретные условия создания библиотек и личные интересы помещиков создавали особую информационную среду, индивидуальную в каждом конкретном случае. Через активное освоение книжного наследия проходила ранняя социализация дворянских недорослей, формировался интерес к отдельным темам и направлениям в литературе. При этом образ читающих родителей становился образцом для подражания и формировал необходимые условия для воспроизводства читательских традиций в дальнейшем.

Ключевые слова: дворянские библиотеки, домашнее чтение, Просвещение, усадьбы, книжная культура, Российская империя.

The relevance of the research is determined by the need to study the experience of the development of reading culture in the Central Chernozem region of the Russian Empire among the educated segments of the population. The features of the selection of literature for family evenings are analyzed, the features of the reader's interest among different social and age groups of nobles are characterized (primarily due to the appeal to the composition of book collections). During the study of the reading circle of the central Chernozem nobility, it was possible to establish the fundamental importance of family reading for the formation of interests, creative abilities, moral qualities of the upper class. The daily appeal to books and the culture of thoughtful reading itself were due to the difficulties in acquiring (in comparison with the capitals) new publications. The shelves of bibliophiles could contain French atheistic writings and religious texts, books of economic importance and novels for easy reading. The provincial nobility sought to adopt the capital's book fashion, but the specific conditions for the creation of libraries and the personal interests of landlords created a special information environment, individual in each case. Through the active development of the book heritage, the early socialization of noble youngsters took place, interest in certain topics and directions in literature was formed. At the same time, the image of reading parents became a role model and formed the necessary conditions for the reproduction of reading traditions in the future.

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (Проект № 22-28-01964).

Keywords: noble libraries, home reading, education, estates, book culture, Russian empire.

DOI: 10.24888/2410-4205-2023-34-1-39-47

Читательская аудитория начала 1860-х гг. не была велика. По подсчетам исследователей, в канун Великих реформ активно читали книги не более миллиона человек. При этом доля грамотных в сельской местности не превышала 5% от общего количества жителей. Даже для конца 1870-х годов этот показатель был равен 10%. Такие низкие цифры объясняются тем, что основную массу образованной публики дореволюционной России составляли дворяне, купечество и духовенство [18, с. 19]. Вплоть до начала XX века большая часть крестьян была по-прежнему безграмотна.

Важно подчеркнуть, что уровень грамотности даже внутри одного и того же сословия мог существенно отличаться. Попытку дать общую стратификацию читателей до Революции в середине 1820-х гг. предпринял Н. Ф. Булгарин. В разработанной им классификации выделялись «знатные и богатые люди», которые активно пользовались литературой на иностранных языках, и «среднее состояние» (менее обеспеченные дворяне), предпочитавшее русскоязычные произведения. Таким образом, именно аристократия признавалась исследователем в качестве «мыслящей части общества» и «главного контингента читающей публики» [3, с. 581]. При этом, если основная масса грамотных могла осилить только книги на русском, то высокий уровень образования представителей высшего дворянства позволял им читать произведения на языке оригинала. Увлечение зарубежной книгой было настолько сильно, что даже во второй половине XIX века, когда на книжный рынок хлынуло множество отечественных изданий, «у многих [дворян] они лежали почти все время неразрезанными, сдавались переплетчикам и ставились в шкапы» [15].

Книжная культура дворянства Центрального Черноземья формировалась в зависимости от читательских веяний столичных салонов, профессиональных увлечений и личных склонностей отдельных представителей сословия. Несмотря на провинциальный уровень информационной среды региона во второй половине XIX века, местные помещики смогли собрать в своих имениях значительные книжные фонды на русском и иностранных языках, по своему тематическому разнообразию не уступавшие коллекциям известных библиофилов страны. Исследования Р. М. Житина [6] о тамбовских букинистах, публикации Т. Н. Токмаковой [20] о книжных предпочтениях орловского дворянства, Т. Л. Кононовой о курских издателях [8] говорят о широте читательских интересов провинциального общества. Исследователи проанализировали репертуар ряда библиотек, обстоятельства приобретения издания, специфику использования печатной продукции. Тем не менее, комплексное и компаративное исследование книжных увлечений черноземных помещиков еще не закончено, что делает развитие этого направления важным и актуальным.

Книжность дворянского сословия второй половины XIX века продолжает находить свое воплощение в личных библиотеках. Однако в период великих реформ 1860-х гг. процесс формирования владельческих собраний приобретает более широкий характер. Это обусловлено увеличением внутрисословного рынка, широкими возможностями трансферта печатной продукции. В этот период начинают работу магазины М. О. Вольф, К. Л. Риккер, Н. Г. Мартынова, предлагавшие значительный букинистический ассортимент. Появление железных дорог облегчало транспортировку литературы и поддерживало местных производителей [13, с. 98]. В результате с 1855 по 1881 гг. объем выпуска новых изданий в провинции вырос в 15 раз, заняв рекордные 30% рынка. [13, с. 30-31]. Как писал О. Г. Ласунский, «Эпоха либеральной гласности вызвала особое оживление печати. Увеличились темпы роста издательской продукции. Помимо положенной на каждую губернию казенной типографии, предназначенной для печатания официальных ведомостей и бумаг, исходящих из гу-

бернского правления и других учреждений, возникают частные типографии, которые охотно берутся за исполнение книгоиздательских предложений» [12, с. 134-135].

В социальных и экономических реалиях пореформенного времени помещики приносили в провинцию новые увлечения и традиции, связанные с хозяйственной модернизацией имений, активной общественной деятельностью. Чрезвычайно распространенным в этот период стало создание тематических библиотек, отвечающим разносторонним дворянским интересам. Книжные коллекции, таким образом, становятся важным элементом продвижения идей высшего сословия, источником знаний для многих представителей дворянства.

Одним из центров дворянской книжной культуры Центрального Черноземья второй половины XIX века являлось имение Кариан семьи Строгановых. Это поместье известно еще с конца XVIII века. Первоначальная хозяйка вотчины Софья Ивановна де Местр не была талантливым управленцем и сильно запустила свою экономию. Обремененное долгами и экономическими проблемами, она было передано в собственность ближайшего родственника Сергея Владимировича Строганова с условием выплаты 6% годовых бывшим владельцам [11, с. 11].

Получивший новое имение, Сергей Владимирович Строганов выплатил все долговые обязательства, после чего (1859 г.) отдал его «в вечное и потомственное пользование» своему сыну Павлу Сергеевичу [11, с. 12]. При нём был отремонтирован двухэтажный барский дом, возведено каменное ограждение усадьбы, благоустроен пришедший в запустение парк. Сюда же была перевезена семейная библиотека. Она включала в себя энциклопедическую литературу по истории, изобразительному искусству, археологии, нумизматике на русском и иностранных языках. Информацию о точном составе данной коллекции найти не удалось: при жизни владельцев каталогизация собрания не производилась, а революция и гражданская война уничтожили владельческие книги.

На данный момент из тамбовского поместья Строгановых известна только книга Петцхольдт А. «Статьи о глубинке России, прежде всего в отношении сельского хозяйства», изданной в Лейпциге в 1851 году». Ее отличает гербовый экслибрис-наклейка с надписью «Граф Сергей Строганов» и дарственной надписью на форзаце. Согласно инскрипту, книга была преподнесена Павлу Сергеевичу в 1876 году в Париже. Судьба остальной части библиотеки по-прежнему не известна.

Высокий уровень образования владельцев не мог не сказаться на состоянии местной культурной среды. В 1899 году при знаменской школе Строгановыми была открыта общественная читальня, на базе которой проводились регулярные народные чтения и выступления хоров. Позже культурно-образовательный комплекс был дополнен отдельной библиотекой, созданной по подписному листу священника Иоанна Предтеченского и полной поддержке помещика [11, с. 12].

Среди утраченных библиотек Тамбовского края особое место принадлежит коллекции семьи Бенкендорфов. При Павле I они получили обширные земельные владения в с. Сосновка Тамбовской губернии. Первый владелец поместья, генерал от инфантерии Христофор Иванович Бенкендорф был человеком «честным и исполнительным, дальновидным и находчивым администратором» [22, с. 64]. Однако широкой работы по благоустройству имения он не проводил. Его пребывание в экономии было лишь предположительным. Зато его ближайший родственник – дипломат, посол России в Англии Александр Константинович Бенкендорф существенно улучшил поместье [7, с. 71]. В прекрасно устроенной усадьбе была создана библиотека на русском, французском и немецком языках, находилась коллекция художественных ценностей и ценный архив с документами XVII-XIX веков.

Часть имущества усадьбы рода Бенкендорфов была утрачена во время гражданской войны, часть – национализирована советской властью. 10 мая 1918 г. Сосновский волостной совет депутатов просил Комиссариат народного образования в г. Моршанске прислать «список вещей, хранящихся в доме гр. Бенкендорфа, предназначенных для пополнения

Моршанского городского музея». В числе прочего в списке значилась «взломанная шкатулка, крытая коричневым коленкором..., с частной перепиской», «двадцать семь тетрадей с вырезками из русских и заграничных изданий», «три книги, по-видимому, каталога библиотеки», «пять альбомов с карандашными рисунками» [4, с. 279]. Эмиссар Музейного отдела Наркомпроса В. В. Пашуканиса, который через год посетил владение, констатировал: «часть вещей усадьбы Сосновка, бывшей Бенкендорфов, обладавшая большими историко-художественными ценностями, погибла. Осталась библиотека, где имеются редчайшие издания XV-XVI веков, дипломатические архивы XVIII-XIX веков, скульптурные бюсты, картины, портреты, рисунки, гравюры» [4, с. 279].

До недавнего времени судьба книжного наследия Бенкендорфов не была известна. Только в 2016 г. были выявлены 6 томов (1-3, 5-7) сочинения французского автора Жюль Мишле «История Франции» на французском языке с гербовым экслибрисом (экслибрис на форзацах, шлем и щит с наметом и надписью под гербом: «Comte de Benckendorff»). Это произведение считается классикой французской историографии. Глубокая эрудиция, знание оригинальных документов и творческий гений автора не могли не заинтересовать владельцев имения, ценивших научную литературу. Другим изданием, обнаруженным при работе с фондом ТОУНБ, является книга «Божественная комедия» Данте Алигьери, изданная в 1870 г. в Париже. Книга напечатана в параллельной текстовой обработке на французском и итальянском языках. На форзаце произведения также помещен экслибрис рода Бенкендорфов. Книгу отличает хорошая сохранность, «крапчатые» обрезы, темно-зеленые полужокожные переплеты с золотым тиснением.

Значительной коллекцией книг располагал известный воронежский педагог, общественный деятель, владелец имений в Тамбовской губернии М. Ф. Де-Пуле. Его библиотека насчитывала более 3000 наименований по филологии, фольклористике, статистике, краеведению, юриспруденции, социологии и другим наукам [10, с. 139]. Это собрание – отражение научных интересов владельца и источник его творческой деятельности. Михаил Федорович редактировал Воронежскую беседу, издавался в Воронежских губернских ведомостях, а также занимался изучением биографии Н. А. Второва, А. В. Кольцова, И. С. Никитина и других деятелей провинциального дворянства. Одновременно Де-Пуле был инициатором появления в Воронеже первой публичной библиотеки, занимался вопросами ее комплектования и развития [16]. Последние годы жизни библиофил провел в Тамбове, занимаясь литературной деятельностью. В 1897 году богатая библиотека собирателя была передана Михайловскому кадетскому корпусу [16].

Видное место в книжной культуре Воронежской губернии занимал известный археограф, этнограф Н. И. Второв. Его библиотека начала формироваться еще в конце XVIII века и включала непередаваемые сочинения видных английских писателей (Шекспира, Байрона, В. Скотта, Диккенса), французских просветителей (Вольтера, Лафонтена, Бальзака, Ж. Санд), немецких классиков (Гете, Шиллера). Хронологически собранные издания охватывают 1734-1865 годы. Наиболее старинным является издание «Описание о Японе», опубликованное при типографии Санкт-Петербургской академии наук в 1734 г. Это уникальное сочинение было подготовлено к печати известными переводчиками Степаном Михайловичем Коровиным и Иваном Семёновичем Горлицким. «Описание о Японе» не претендовало на роль учебного пособия по географии, однако многочисленные следы владельческого пользования, оставленные на книге, подчеркивают настольный статус произведения [23, с. 433].

Одновременно Н. И. Второв увлекался трудами русских литераторов и историков, читал издания по этнографии, лингвистике, фольклористике, юриспруденции. Среди прочих раритетов в его коллекции можно отметить «Повествователь древностей Российских...» Н. Н. Новикова (1776), «Всеобщая древняя и новая история аббата Милола...» в тринадцати томах (1820), «Древняя Российская история...» М. В. Ломоносова (1766), «История государства Российского» Н. М. Карамзина (1833), «Новый и полный географический словарь

Российского государства...» Л. М. Максимовича (1788). Наличие данных сочинений говорит о разносторонности интересов библиофила, тонком читательском вкусе и его образованности.

Значительной коллекцией книг обладал библиофил, библиограф и краевед Иосиф Михайлович. Пухальский. Состав его библиотеки, включавшей несколько тысяч томов, можно разделить на три раздела: словесность, библиография, краеведение. Здесь имелись прижизненные издания И. Крылова, В. Капниста, И. Богдановича, Е. Баратынского, И. Тургенева. Часть изданий И. М. Пухальский унаследовал от своего отца Михаила Михайловича Пухальского – страстного книголюба, передавшего сыну интерес к искусству и чтению [5, с. 112].

Обладая глубокими энциклопедическими знаниями, И. М. Пухальский собирал памятники древней письменности и рукописи XV-XVIII вв., читал классиков европейской литературы на языке оригинала. После смерти Иосифа Михайловича его библиотека была распродана родственниками, часть пополнили фонды Пушкинского дома Академии наук в Петербурге, Государственного музея И. С. Тургенева и краеведческого музея в Орле. [5, с. 112]. Кроме того, еще 114 книг из библиотеки владельца находится в частной коллекции библиофила В. Е. Лаврушина.

Страстным книголюбом был русский генерал, владелец имения в с. Лукьянчиково Орловской губернии А. П. Ермолов. В местной библиотеке насчитывается более 7 тысяч томов на русском и иностранных языках. Точный состав этой коллекции не известен, так как большая часть собрания находится на закрытом хранении в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова. Стоит лишь отметить, что среди сохранившихся книг присутствуют издания по мифологии, медицине, архитектура, садоводству, антиклерикальные сочинения писателей времен Французской революции, произведения по эстетике, искусству, обычаям древних народов, описания крупных мировых музеев и достопримечательностей, монографии по военному искусству [14].

Обладателем одной из самых крупных книжных коллекций Центрального Черноземья в конце XIX века был А. Д. Чертков. Унаследовав от родителей небольшую библиотеку, он на протяжении десятилетий старательно пополнял ее новыми произведениями. В результате удалось собрать более 17 000 томов на всех европейских языках и славянских наречиях [17]. Сюда входили как исторические сочинения о России, так и общие археологические, литературоведческие труды. В 1838 году библиофилом была предпринята первая попытка каталогизации своего собрания. Подготовленный труд он назвал «Всеобщая библиотека России, или Каталог книг для изучения нашего отечества во всех отношениях и подробностях» [21]. В предисловии к изданию Александр Дмитриевич отмечал: «Собрать все, что когда-либо и на каком-либо языке писано о России, долго казалось нам предприятием неудобноисполнимым. Между тем, книги покупались, библиотека с каждым годом увеличивалась так, что мы, наконец, начали уверяться в возможности исполнения нашего плана» [21, с. 5]. Постоянное пополнение коллекции новых сочинений, а также недоучет старых обусловили выпуск второй тома «Каталога» (1845). В общей сложности, оба издания объединили 8800 книг на церковно-славянском, русском, немецком, итальянском, французском, голландском, испанском языках. В 1863 году, после смерти владельца, личная библиотека Черткова была открыта для общественного пользования в частном доме на улице Мясницкой в г. Москва.

Видным тамбовским букинистом, библиофилом, сумевшим собрать богатую личную библиотеку, был Алексей Николаевич Норцов. Он родился в имении Березовка-Сабуровка Кирсановского уезда 23 июля 1859 года [9, с. 4]. С раннего детства мальчик не выпускал из рук книги. Со временем чтение стало главным занятием в его жизни. Уже в девять лет все свои карманные деньги молодой Норцов тратил на приобретение литературы.

Энциклопедический характер знаний позволил Алексею Николаевичу определить характер своей будущей профессии. В 1900 году он возглавил Тамбовскую ученую архивную комиссию, одновременно продолжив собирать личную библиотеку. Владелец мог похвастаться четырьмя тысячами томов на русском, французском, латинском и немецком языках. Здесь имелись книги по истории, археологии, нумизматике, лингвистике, философии, религии. В 1904 году это собрание было внесено в «Адресную книгу русских библиофилов» [1, с. 269].

После революции норцовские книги были переданы в центральное книгохранилище г. Тамбова. На данный момент известно 100 экземпляров на русском языке и более 100 томов на французском и немецком языках. Каждое из сохранившихся изданий отличается черным или темно-коричневый полукожаный владельческий переплет с суперэкслибрисом в нижней части корешка: инициалы «А. Н.», «А. Н.» или оттиск «А. Нарцов». Отдельные произведения маркированы геральдическим экслибрисом владельца и надписью «Из библиотеки Алексея Николаевича Норцова».

Состав книжного собрания Алексей Николаевич Норцов разнообразен – так же, как и его интересы. Это этнографические книги Э. Гюмбера «Живописная Япония» (1870), генеалогический труд «Исторические сведения о роде дворян Рахманиновых, с приложением герба и родословных таблиц» (1895), историческое произведение Н. М. Романова «Князья Долгорукие, сподвижники императора Александра I» (1902). Множество трудов были посвящены философии, религии и оккультизму. Отметим книгу «Histoire du Bouddha Sâkya (История Будды Сакья-Муни с рождения до смерти), изданную в Париже в 1874 году. Судя по многочисленным пометам в тексте, данное издание можно считать настольной в библиотеке владельца.

Библиографической редкостью, хранящейся в Тамбовской областной универсальной научной библиотеке, являются сочинения самого А. Н. Норцова: «Материалы для истории Тамбовского, Пензенского и Саратовского дворянства» (1904); «Материалы для истории дворянских родов Мартыновых и Слепцовых с их ветвями (гербами, портретами, таблицами)» (1904). Последнее издание представляет особую ценность, так как является подлинным, нумерованным экземпляром.

В 50-70-е гг. XIX в., благодаря общей доступности печатных изданий, начинает складываться средний читательский слой. В его основе были мелкие дворяне, купцы, священники. Более стеснительные условия для приобретения книг заставляли их быть более разборчивыми в изданиях. По воспоминаниям С. Н. Терпигорева, если «в Москве и в Петербурге газеты и журналы не читают, а "пробегают"», то в российском селе «особенно осенью и зимою, их чуть не учат наизусть» [19, с. 209]. Эти сведения подтверждал и Ф. Н. Берг: «Мы, живущие в глухих лесных деревнях, читать что-нибудь, и вы, живущие в средоточии умственной и литературной деятельности, даже и представить едва ли вполне можете, что значит книжка, полученная здесь, и с какою жадностью она разрезывается и читается нами» [2, с. 121].

О небольших библиотеках владельцев черноземных поместий сохранились лишь упоминания. Таковы коллекции историка земства, журналиста, общественного деятеля И. П. Белоконского; общественного деятеля, краеведа Т. И. Вержбицкого, брата русского художника, основоположника исторической живописи, уроженца с. Белый Колодезь Щигровского уезда Курской губернии Вячеслава Григорьевича Шварца. Точные качественные характеристики их собраний установить не удалось, а сами букинистические коллекции известны лишь по отдельным экземплярам с владельческими штампами.

Таким образом, книжные вкусы дворянства Центрального Черноземья второй половины XIX века были очень разнообразны. На полках библиофилов могли находиться французские атеистические сочинения и религиозные тексты, книги хозяйственного значения и романы для легкого чтения. Провинциальное дворянство стремилось перенимать столич-

ную книжную моду, однако конкретные условия создания библиотек и личные интересы помещиков создавали особую информационную среду, индивидуальную в каждом конкретном случае. Собранные издания были полезны в общественных занятиях помещиков, их производственной деятельности, формировали энциклопедический склад личности.

Список источников и литературы

1. Абрамова, Г. А. (2017). *«Не ведом мне мой путь земной...»: штрихи к портрету А. Н. Норцова, председателя ТУАК* // Тамбов в прошлом, настоящем и будущем: материалы XVII Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию революц. событий 1917 г. и 80-летию Тамб. обл., Тамбов, 26 апр. 2017 г. Тамбов. С. 266-276.
2. Боев, Н. (1868). *Письмо из глуши* // Русский. № 33. С. 120-122.
3. Булгарин, Ф. В. (1900). *О цензуре в России и книгопечатании вообще* // Русская старина. № 9. С. 580-582.
4. Гребенюк, Т. В. (2010). *Владельческие книжные знаки в Отделе редких книг Российской государственной библиотеки: каталог*. Москва: Пашков дом. 502 с.
5. Деятели книжной культуры Орловского края: библиографический указатель (2003) / Орловская областная публичная библиотека им. И. А. Бунина. Орел: Орлик. 157 с.
6. Житин, Р. М. (2020). *Усадебные библиотеки Тамбовской губернии во второй половине XIX – начале XX века* // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов. Т. 25. № 186. С. 183-192.
7. Канищев, В. В. (2020). *Бенкендорфы* // Тамбовская энциклопедия / гл. ред. А. Ю. Ильин. Тамбов: Провинциальные усадьбы. 1116 с.
8. Кононова, Т. Л. (2012). *Особенности бытования провинциальных типографий в России во второй половине XIX - начале XX в. (по материалам Курской губернии)* // Клио. № 4 (88). С. 33-36.
9. Краевед земли Тамбовской – Алексей Николаевич Норцов: библиографич. пособие (2011). Тамбов. 18 с.
10. Кученкова, В. А. (2001). *Русские усадьбы*. Тамбов. 143 с.
11. Кученкова, В. А. (1999). *Строгановы*. Тамбов: Компьютер. центр. 37 с.
12. Ласунский, О. Г. (1985). *Литературно-общественное движение в русской провинции (Воронежский край в эпоху Чернышевского)*. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та. 210 с.
13. Муратов, М. В. (1931). *Книжное дело в России в XIX и XX веках: Очерк истории книгоиздательства и книготорговли, 1800-1917 годы*. Москва; Ленинград. 256 с.
14. Научная библиотека МГУ имени М. В. Ломоносова (НБ МГУ). Ф. 7. А. П. Ермолов. Каталог книг. 3 ед. хр.
15. *О средствах чтения в Москве и о московской лубочной литературе (1860)* // Книжный вестник. № 3/6. С. 33.
16. *Принципиальный душеприказчик*. URL: <https://voronezhliter.ru/principialnyj-dusheprikazchik> (дата обращения 01.10.2022).
17. Разманова, Н. А. *Из истории книжной коллекции А. Д. Черткова*. URL: <https://clck.ru/32p9JX> (дата обращения 01.10.2022).
18. Рейтблат, А. И. (2009). *От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы*. Москва: Новое литературное обозрение. 448 с.
19. Терпигорев, С. Н. (1958). *Оскудение*. Москва: Наука. Т. 1. 426 с.
20. Токмакова, Т. Н. (2010). *Французская книга в составе частной библиотеки Цуриковых (на материалах Орловской губернии)* // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. № 3-2 (37). С. 50-56.

21. Чертков, А. Д. (1838). *Всеобщая библиотека России, или Каталог книг для изучения нашего Отечества во всех отношениях и подробностях*. Москва: Унив. тип. 631 с.
22. Щеглов, Ю. М. (2001). *Бенкендорф. Сиятельный жандарм*. Москва: АСТ, Астрель. 224 с.
23. Юнусова, Р. К. (2016). *Книжная коллекция И. А. Второва – составная часть фонда Казанской городской публичной библиотеки // Библиотекосведение*. Т. 65. № 4. С. 430-435.

References

1. Abramova, G. A. (2017). «*Ne vedom mne moj put' zemnoj...*»: *shtrih k portretu A. N. Norcova, predsedatelya TUAK* ["I do not know my earthly path...": strokes to the portrait of A. N. Nortsov, Chairman of TUAK] in *Tambov v proshlom, nastoyashchem i budushchem: materialy XVII Vseros. nauch. konf., posvyashch. 100-letiyu revolyuc. sobytij 1917 g. i 80-letiyu Tamb. obl., Tambov, April 26, 2017, Tambov, 266-276*. (in Russian).
2. Boev, N. (1868). *Pis'mo iz glushi* [Letter from the wilderness] in *Russkij*, 33, 120-122. (in Russian).
3. Bulgarin, F. V. (1900). *O cenzure v Rossii i knigopechatanii voobshche* [About censorship in Russia and book printing in general] in *Russkaya starina*, 9, 580-582. (in Russian).
4. Grebenyuk, T. V. (2010). *Vladel'cheskie knizhnye znaki v Otdele redkih knig Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki: katalog* [Owner's book signs in the Department of Rare Books of the Russian State Library: catalog]. Moscow, Pashkov Publ. (in Russian).
5. *Deyateli knizhnoj kul'tury Orlovskogo kraja: biobibliograficheskij ukazatel'* [Figures of book culture of the Orel Region: biobibliographic index] (2003). Orlovskaya oblastnaya publichnaya biblioteka im. I. A. Bunina. Orel, Orlik Publ. (in Russian).
6. Zhitin, P. M. (2020). *Usadebnye biblioteki Tambovskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka* [Estate libraries of Tambov province in the second half of the XIX – early XX century] in *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*. Tambov, vol. 25, 186, 183-192. (in Russian).
7. Kanishchev, V. V. (2020). *Benkendorfy* [Benckendorfs] in *Tambov Encyclopedia*, ch. ed. A. Y. Ilyin. Tambov, Provincial estates. (in Russian).
8. Kononova, T. L. (2012). *Osobennosti bytovaniya provincial'nyh tipografij v Rossii vo vtoroj polovine XIX - nachale XX v.* [Features of the existence of provincial printing houses in Russia in the second half of the XIX - early XX century (based on the materials of the Kursk province)] in *Clio*, 4 (88), 33-36. (in Russian).
9. *Kraeved zemli Tambovskoj – Aleksej Nikolaevich Norcov: bibliografich. Posobie* [Local historian of the Tambov land – Alexey Nikolaevich Nortsov: bibliographic. manual] (2011). Tambov. (in Russian).
10. Kuchenkova, V. A. (2001). *Russkie usad'by* [Russian estates]. Tambov. (in Russian).
11. Kuchenkova, V. A. (1999). *Stroganovy* [The Stroganovs]. Tambov, Computer centre Publ. (in Russian).
12. Lasunsky, O. G. (1985). *Literaturno-obshchestvennoe dvizhenie v russkoj provincii (Voronezhskij kraj v epohu Chernyshevskogo)* [Literary and social movement in the Russian province (Voronezh Region in the era of Chernyshevsky)]. Voronezh, Izd-vo Voronezh. un-ta. (in Russian).
13. Muratov, M. V. (1931). *Knizhnoe delo v Rossii v XIX i XX vekah: Oчерк istorii knigoizdatel'stva i knigotorgovli, 1800-1917 gody* [Book business in Russia in the XIX and XX centuries: essay on the history of book publishing and bookselling, 1800-1917]. Moscow, Leningrad. (in Russian).

14. Nauchnaya biblioteka MGU imeni M. V. Lomonosova (NB MGU). F. 7. A. P. Ermolov. Katalog knig. 3 ed. hr. [Scientific Library of Lomonosov Moscow State University (NB MSU). F. 7. A. P. Ermolov. Catalog of books. 3 units of xp]. (in Russian).

15. *O sredstvakh chteniya v Moskve i o moskovskoj lubochnoj literature* [About the means of reading in Moscow and about the Moscow lubochnaya literature] (1860) in *Knizhnyj vestnik* 3/6, 33. (in Russian).

16. *Principial'nyj dusheprikazchik* [Principal executor]. URL: <https://voronezhliter.ru/principialnyj-dusheprikazchik> (date accessed 01.10.2022). (in Russian).

17. Razmanova, N. A. *Iz istorii knizhnoj kollekcii A. D. Chertkova* [From the history of the book collection of A. D. Chertkov]. URL: <https://clck.ru/32p9JX> (date accessed 01.10.2022). (in Russian).

18. Reitblat, A. I. (2009). *Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoi sociologii russkoj literatury* [From Bova to Balmont and other works on the historical sociology of Russian literature]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (in Russian).

19. Terpigorev, S. N. (1958). *Oskudenie* [Impoverishment]. Moscow, vol. 1. (in Russian).

20. Tokmakova, T. N. (2010). *Francuzskaya kniga v sostave chastnoj biblioteki Curikovyh (na materialah Orlovskoj gubernii)* [A French book as part of the Tsurikov private library (based on the materials of the Orel province)] in *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnye i social'nye nauki*, 3-2 (37), 50-56. (in Russian).

21. Chertkov, A. D. (1838). *Vseobshchaya biblioteka Rossii, ili Katalog knig dlya izucheniya nashego Otechestva vo vsekh otnosheniyah i podrobnostyah* [The Universal Library of Russia, or a Catalog of books for the study of our Fatherland in all respects and details]. Moscow, Univ. type Publ. (in Russian).

22. Shcheglov, Y. M. (2001). *Benkendorf. Siyatel'nyj zhandarm* [Benkendorf. The illustrious gendarme]. Moscow, AST, Astrel Publ. (in Russian).

23. Yunusova, R. K. (2016). *Knizhnaya kollekcija I. A. Vtorova – sostavnaya chast' fonda Kazanskoj gorodskoj publichnoj biblioteki* [I. A. Vtorov's book collection is an integral part of the fund of the Kazan City Public Library] in *Bibliotekovedenie*, vol. 65, 4, 430-435. (in Russian).

АРХЕОЛОГИЯ И ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Ботова В. И.
(Дюссельдорф)

СИЦИЛИЙСКО-НОРМАНДСКИЙ СЛЕД В ПРОИСХОЖДЕНИИ МОСКОВСКИХ БОЯР ВОРОНЦОВЫХ И ХВОСТОВЫХ

Статья содержит результаты исследования родственной связи известных московских бояр Воронцовых и Хвостовых, служивших в Московском княжестве тысяцкими и наместниками в течение ста лет, начиная со второй половине XIII века, а также степень их родства с московскими князьями. В работе использован комплексный подход к анализу различных архивных источников в сочетании с генетическими данными у-хромосомы современных потомков. Документальную базу работы составили европейские и российские летописные источники XII-XVI веков, архивные сведения из региональных архивов России, европейские генеалогические таблицы по истории европейских государств и родословные русских князей и дворян. Поиск показал, что в середине XII века предки Воронцовых и Бассовол-Хвостовых могли быть родными братьями из семьи рыцаря графа Лорителло Роберта I Бассавила, южно-итальянского норманна из рода Роллонидов. Установлено их дальнейшее родство с князьями из династии Рюриковичей-Мономашичей. При этом обоснована легенда появления реших князей Воронцовых от брачных союзов потомков императора Священной Римской империи Фридриха Барбаросса и графа Роберта I Бассавила. Генетическая принадлежность рода Воронцовых и Бассовол-Хвостовых к великокняжескому роду подтверждает версию убийства боярина московского тысяцкого Алексея Хвоста в 1357 году как возможного претендента на престол и, может быть, одной из главных причин жестокой расправы Ивана Грозного над приближенными ко двору представителями этого рода задолго до опричнины с высылкой их родственников в Казань сразу после ее кореня.

Ключевые слова: тысяцкий Алексей Хвост; родословная Воронцовых; родословная Бассавол-Хвостовых; генетический код Рюриковичей; граф Лорителло Роберт I Бассавила; князь Таранто Симон.

The article contains the results of a study of the family relationship of the famous Moscow boyars Vorontsovs and Khvostovs, who served in the Moscow principality as thousands and governors for a hundred years, starting from the second half of the 13th century, as well as the degree of their relationship with the Moscow princes. The work uses a comprehensive approach to the analysis of various archival sources in combination with the genetic data of the y-chromosome of modern descendants. The documentary base of the work was made up of European and Russian chronicle sources of the 12th-16th centuries, archival information from the regional archives of Russia, European genealogical tables on the history of European states and genealogies of Russian princes and nobles. The search showed that in the middle of the XII century the ancestors of the Vorontsovs and BassoVOL-Khvostovs could be siblings from the family of the knight Count Loritello Robert I Bassavil, a South Italian Norman from the Rollonid family. Their distant relationship with the princes from the Rurikovich-Monomashich dynasty was established. At the same time, the legend of the appearance of the Resh princes Vorontsov from the marriage unions of the descendants of the Holy Roman Emperor Frederick Barbarossa and Count Robert I Bassavil is substantiated. The genetic affiliation of the Vorontsov and BassoVOL-Khvostov clans to the grand ducal family confirms the version of the murder of the Moscow thousandth boyar Alexei Khvost in 1357 as a possible contender for the throne and may be one of the main reasons for the cruel re-

prisal of Ivan the Terrible against members of this family close to the court long before the oprichnina and the expulsion of their relatives to Kazan immediately after its conquest.

Keywords: Military leader Aleksey Khvost; the Vorontsovs_ genealogy; the Bassavol-Khvostovs_ genealogy; the genetic code of the Rurikovich-Monomashich; count Loritello Robert II of Bassavila; prince Taranto Simon.

DOI: 10.24888/2410-4205-2023-34-1-48-71

Актуальность темы во многом определена появлением в арсенале современного исследователя истории метода анализа у-ДНК, позволяющего установить родство современного человека с предками, жившими более тысячи лет назад, и оценить события многовековой давности в свете новых знаний. В настоящей работе обозначен интерес к периоду правления Московским княжеством великого князя Семена Ивановича (Гордого) (1317-1353) и его брата Ивана II (Красного) (1326-1359), когда знатный боярин, потомок московских наместников, уважаемый в среде московской элиты, Алексей Петрович Хвост (Босоволков) был избран тысяцким [31, с. 577, 578]. Сталось это вопреки сложившейся традиции занимать эту должность родственниками московского тысяцкого Протасия Федоровича, позднее известных под фамильными именами Воронцовых и Вельяминовых [10, с. 442]. Вскоре новый тысяцкий Алексей Хвост был убит по-предательски на площади рано утром в Кремле и народ, возмущенный этим страшным происшествием, поднял в Москве мятеж. [18, с. 173]. Несмотря на то, что летописи не доносят до нас какого-либо участия внука Протасия Федоровича Василия Васильевича в этом страшном событии, большинство историков связывают это убийство с его именем, исходя из версии борьбы боярских группировок за пост тысяцкого [15, с. 303].

Известно, что предки рода Бассавол-Хвостовых и Воронцовых и Вельяминовых появились в Московском княжестве одновременно во время правления Даниила Александровича (1261-1303) и были в течение четырех поколений бессменными его наместниками и тысяцкими соответственно [31, с. 577; 10, с. 442]. В работе «Одна мужская линия из рода Бассавол-Хвостовых», посвященной исследованию истока рода Бассавол-Хвостовых, показаны причины появления на Руси в 1267 году маркграфа Аманда Бассавола, потомка сицилийского норманна графа Роберта II Бассавила [2, с. 36]. По преданию представителей рода Воронцовых и Вельяминовых в 1686 году их родоначальником был Шимон Африканович, приехавший в 1027 году к великому князю Ярославу Владимировичу в Киев из Варяжской земли. [17, с. 382, 383]. Эта легенда происхождения со ссылкой на Печерский Патерик несет хронологические ошибки и не подтверждена, поэтому интерес к поиску родоначальника Воронцовых и Вельяминовых до сих пор актуален.

Возникает ряд вопросов и один из первых, почему Аманда Бассавол, бежавший из королевства Сицилии в Московское княжество, получил столь высокий титул наместника, а через сто лет его праправнук Алексей Хвост сумел стать в Московском княжестве невероятно богатым и влиятельным лидером? Почему предок Воронцовых и Вельяминовых, Федор, появился в Московском княжестве одновременно с Амандом Бассаволом в статусе тысяцкого? Кто его родоначальник и откуда он? Почему Иван Грозный в свои 16 лет казнил своего любимого воспитателя Федора-Демида Воронцова, потомка Протасия Федоровича и практически истребил род от Алексея Хвоста?

Для решения поставленных вопросов были сформулированы следующие задачи: исследовать родословные московских и удельных князей XIII-XIV веков, тысяцких Алексея Хвоста, Протасия Федоровича и провести сравнительный анализ генетических данных у-ДНК их современных потомков. Методологическую основу исследования составили комплексный и системный подходы. Автор руководствовался принципом историзма и научной объективности. Теоретической базой работы послужили генеалогические таблицы по истории европейских государств [45], родословные князей и дворян, собранные в Бархатной книге России и в родословном сборнике В. В. Руммеля и В. В. Голубцева [31; 3], сочинения современника Ивана Грозного А. М. Курбского [16], историка XII века Иоанна Киннама

[13], историка-медиевиста и византиниста Ф. Шаландона (Chalandon Ferdinand) [46], труды историков П. А. Садикова [34], А. А. Зимина [11], изучавших феодальное землевладение и опричнину Ивана Грозного, Писцовые книги XVI века и другие источники Российского государственного архива древних актов.

Вопрос родства Хвостовых и Воронцовых с великокняжеским родом.

Незадолго до смерти московского князя Семиона Гордого боярин Алексей Хвост находился у правителя в опале и со всей своей семьей подвергся жестокому разорению. Когда княжество перешло Ивану II Красному, место тысяцкого занял Алексей Хвост, праправнук маркграфа Аманда Бассавола [42, с. 16]. В 1356 году неожиданно Алексей Хвост был предательски убит и это событие вызвало бурное негодование горожан. Боярин был знатным и уважаемым человеком «...и был мятеж великий на Москве из-за того убийства», так написано под миниатюрой, изображающей Алексея Хвоста, лежащим на площади в Лицевом летописном своде Ивана Грозного [18, с. 173].

Историк Л. В. Черепнин связал смерть тысяцкого с политической борьбой двух групп московских бояр. Он предполагал, что существовала группа Алексея Хвоста, которая «проводила курс на укрепление Московского княжества, усиление его военных сил и постепенное освобождение его политики от опеки Орды», и группа Василия Васильевича из рода Воронцовых-Вельяминовых, бывшего тысяцкого при князе Семене Гордом, которая отстаивала линию подчинения Орде [43, с. 547,548]. Современный историк Д. Ю. Кривцов в своей работе «Рассказ о поездке митрополита Алексея в Золотую Орду в литературных источниках и историографии» убедительно аргументировал несостоятельность предположения Л. В. Черепнина о существовании двух политических группировок, одна из которых была антиордынской с лидером Алексеем Бассавол-Хвостом, а другая проордынская, возглавляемая Василием Васильевичем. Это противостояние, по его мнению, выглядит надуманным [15, с. 224].

Историк М. Н. Тихомиров считал, что «в истории с убиением тысяцкого Алексея надо предполагать гораздо более глубокую подоплеку, чем простая боярская интрига. Это – этап в борьбе горожан за их привилегии, которым угрожала великокняжеская власть» [35, с. 67,68]. Еще он отметил лидерство Алексея Хвоста в княжестве: «Были и такие бояре, которых опасались сами князья», намекая на участие великого князя в расправе над тысяцким [36, с. 15]. Писцы сравнивают это событие с убийством в 1174 году Андрея Боголюбского, владими́ро-суздальского князя, сына Юрия Долгорукова и его первой жены Аепы, дочери половецкого хана: «... Убит он был также как великий князь Андрей Боголюбский Кучковичами» [45, табл.10; 18, с.173]. В этом сравнении, возможно, кроется смысл произошедшего – он мешал кому-то из родственников великого князя Ивана II в своих замыслах. В народе же говорили, что тысяцкий пострадал от бояр за правду [17, с. 393]. О какой правде шла речь? Множество предполагаемых причин убийства тысяцкого и их недоказанность порождают новые вопросы этого происшествия. Одним из них является вопрос родства Алексея Хвоста с Василием Протасьевичем, а также каждого из них с великокняжеским родом, потомками Рюрика, который сегодня решается методом анализа у-хромосомы, если найдены современные потомки. В этой связи была всесторонне исследована родословная Воронцовых от Протасия Федоровича, а также реконструирована одна мужская линия от Алексея Хвоста до современного потомка, позволившая получить данные у-хромосомы рода Хвостовых [Приложение].

Родословная Воронцовых от московского тысяцкого Протасия Федоровича в XIV-XVI веках.

Родословная Воронцовых и Вельяминовых от Протасия Федоровича, составленная по материалам Бархатной книги и другим источникам показывает, что современником московского тысяцкого Алексея Хвоста при Иване II Красном был Василий Взломень и его дети: Василий, Федор Воронец, Тимофей и Юрий-Грунка [3, с. 14-17; 17, с. 382; Схема I].

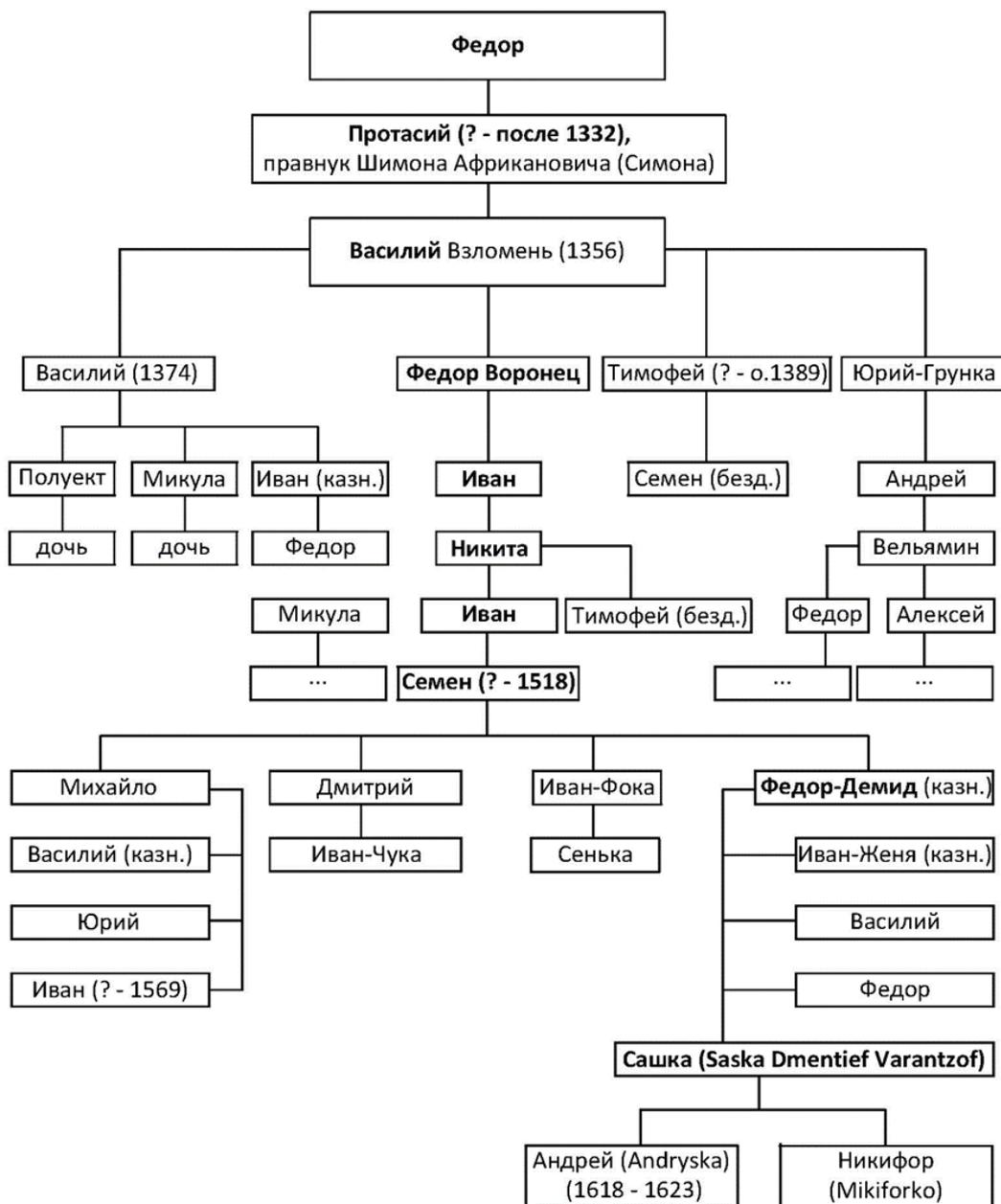

Схема I. Родословная Воронцовых от Федора до 1600-х годов

Два сына тысяцкого Василия Васильевича Микула и Полуект не имели сыновей; через брачные союзы своих дочерей они породнились с московскими князьями. Микула был свояком Дмитрия Донского (1350-1389) и свою дочь выдал замуж за московского боярина Ивана Дмитриевича Всеволожского, а дочь Полуекта, Офросинья, вышла замуж за сына Дмитрия Донского, Петра Дмитриевича. Третьего сына Василия Васильевича, Ивана, по приказу царя казнили за предательство, «ссекли ему голову на Кучкове поле» [3, с. 14,15]. Как видно из Схемы I, Вельяминовы появились лишь в шестом поколении от Протасия Федоровича. Род от Федора Воронца, брата тысяцкого Василия Васильевича, получил фамилию Воронцовы; его потомки особенно проявили себя в период правления Ивана Грозного. Одним из самых известных представителей рода был боярин и думный советник Федор-Демид Семенович Воронцов. Он состоял при дворе царя и снискал любовь подрастающего

Ивана IV [6, т. VII, с. 220-223]. Однако, в 1546 году Федор-Демид был оклеветан и казнен вместе со своим племянником боярином Василием Михайловичем и князем И. И. Кубенским, а их родственники отправлены в ссылку. Современник этих событий, князь Андрей Михайлович Курбский (1528-1583) в своих сочинениях сообщает, что Федора-Демида не казнили, но отправили в ссылку в Кострому. А его сын Иван-Женя «..во младости своей еще убил отца своего Федора, со другими оными мужи...» [33, с. 59,304]. Это событие уже похоже на борьбу родственников за власть при дворе. Летописцы говорили, что бояр оклеветали, а вина Федора Семеновича была только в желании управлять государством без участия Иоанна [6, т. VII, с. 200].

Отец Федора, Семен Иванович, удостоенный в 1504 году званием боярина, умер в 1518 году [4, с. 2,3]. Брат Федора, Михайло Семенович тоже боярин, в 1528 году был наместником в Новгороде, а сын брата, Иван Михайлович, наместником в Смоленске [32, с.37,55]. Сын Федора, Иван-Женя (Иван Федорович) Воронцов, дворовый сын боярский по Переяславлю Залесскому, имел земли в Московском уезде, в Ярославле с братом Василием владел вотчинами [37, лл. 116, 104 об.; 11, с. 200]. Являясь одним из самых видных опричников среди Воронцовых, он тоже был казнен в 1570 году в связи с «новгородским изменным делом» [11, с. 225]. Брат Василий, окольный у царя, убит в 1577 году под Венденом [6, т. VII, с.220-223]. Среди «лучших слуг» Ивана Грозного был еще Сенька Иванов, дворовый сын боярский по Кашину, вероятно, сын Ивана-Фоки (Ивана Семеновича), новгородского боярина с 1543 года до кончины в 1561 году [37, л. 103об.; Схема I].

В родословную Воронцовых в Бархатной книге не была включена роспись 1686 года стольника Дмитрия Лукича Воронцова, который ссылался на происхождение от Кирея, неизвестного сына Демида Семеновича Воронцова, попавшего в опалу князя Ивана Васильевича после казни отца и сосланного в Арзамас. При этом он подчеркивал, что от поколения Демида Семеновича кроме них никого нет [17, с.383]. По его родословной росписи другие колена от тысяцкого Василия Васильевича и Федора Воронцова пресеклись. Дмитрий Лукич Воронцов был прав - у Федора-Демида Воронцова было больше детей, чем представлено в родословной Воронцовых в Бархатной книге. Кроме известного опричника Ивана-Жени и Василия в архивных документах найдено еще два его сына, Федор и Сашка. Сын Федор в 1571-72 годах вписан в купчую его жены Ефросиньи [34, с. 164]. А четвертый сын Сашка (Saska Dmentief Varantzof) был найден в Писцовой книге Ижорской земли 1618-23 годов в деревне Велкота (Velkota), расположенной в Копорье [22, с. 71]. Так как в 1581 году Ижорская земля была захвачена шведами и освобождена с окончательным присоединением к Руси лишь в 1703 году при Петре I в результате Северной войны, Писцовая книга издана на шведском языке. Записан Сашка Дементьев в деревне как «старый» владелец со своими сыновьями Андрюшкой (Andryska) и Никифоркой (Mikiforko). Вероятно, после казни отца в 1546 году, он был в опале и сослан из Москвы в Водскую пятину, Случайно ли он оказался в сельце Велкота «Радшиньского» погоста, где одним из владельцев был потомок тысяцкого Алексея Хвоста? В 1500 году сельцо Велкота было за служилыми из Ивангорода и своеземцами, среди которых Андрей Хвостов, родственники которого, братья Иван (Олешко) и Иван (Шипиней) Хвостовы здесь же в Каргальском погосте Копорья владели многочисленными дворами и деревнями; недалеко от сельца Велкоты расположено сельцо Подмошье с поместьем Ивана (Шипиней) Хвостова, одного из самых богатых помещиков Копорья [19, с. 501].

Может быть, действительно, был заговор против Ивана Грозного, в котором участвовали Воронцовы и Хвостовы? В Новгородском походе царя (декабрь 1569 – январь 1570 годов) казнили преданного царю опричника Ивана-Женю Воронцова и 12-ть служилых Хвостовых, из них четверо дворовых детей боярских Хвостовых. Отсюда можно сделать вывод, что Хвостовых Ивана (Олешко) из Копорья и Ивана (Ушака) с Ладоги, на то время уже дедов, юный царь Иван Васильевич казнил не в Новгородском походе 1570 года, а скорее

вместе с Воронцовым Федором-Демидом еще в 1546 году [16, с. 381, 385, 391]. Первое упоминание их имен как богатых владельцев Водской пятины относится к 1500 году, поэтому маловероятно, что они были живы в 1570 году и представляли угрозу царю. Подверженный вспышкам гневного страха, царь Иван IV от постоянной мысли быть свергнутым с престола, потерять бдительность, привели его к беспрецедентной жестокости. Он физически устранил всех близких и далеких родственников, которые хоть малейшим образом проявляли свое несогласие с его правилами царствования. Князь А. М. Курбский (1528-1583) в истории о Великом князе Московском обличает Ивана Грозного в «убиении» многих великодушных княжат, упоминает Федора и Василия Воронцовых, которые «родом от Немца языка, а с племени княжат Решских» [33, с. 167]. Эта информация подтверждает версию, что Воронцовы, служившие при московском дворе, являлись потомками неких «решских» князей и, возможно, были одного «племени» с Московскими князьями, то есть родственниками. Чтобы перейти к сравнению данных у-хромосомы рода Воронцовых и Хвостовых, в нашем случае нужно было провести реконструкцию одной мужской линии от Алексея Хвоста до современного потомка.

Одна мужская линия от Алексея Хвоста до современного потомка

Генетика Алексея Хвоста, а значит его предка Аманда Бассавола, содержится в его прямых потомках по мужской линии, один из которых был найден. Здесь следует отметить, что еще в начале исследования предполагалось, что за границей живут, наверняка, потомки известных дворянских ветвей рода Бассавол-Хвостовых, покинувших Россию во время Гражданской войны, и казалось, их можно найти. На организованный поиск ныне живущих Хвостовых из известных дворян откликнулся потомок князей Долгоруких Валентин Витебский из Москвы и великодушно передал из своего личного архива сведения об орловских и других Хвостовых, эмигрировавших из России в 1919 году. В период Гражданской войны, представители дворянского рода Хвостовых защищали монархию и после поражения вынуждены были бежать с семьями за границу. В основном это были внуки и правнуки орловского дворянина Алексея Николаевича Хвостова, (1819-1887), коллежского советника, и его жены Екатерины Лукиничны Жемчужниковой, особенно преуспевшие на государственной службе в конце 19-го, в начале 20-го веков [31, с.588]. Происходил он от Ивана (Ушака) Хвостова, казненного Иваном Грозным. Их старший сын, Николай Алексеевич (1844-1913), был сенатором, а внук, Алексей Николаевич (1872-1918), вологодским и нижегородским губернатором, затем министром внутренних дел, которого сразу после Революции в 1918 году расстреляли большевики [25, с. 66; 14]. Сын последнего, Николай Алексеевич, 1901 года рождения в феврале 1920 года эмигрировал с женой из Новороссийска в Скопье. Вторым сыном, Сергей Алексеевич (1855-1906), губернатор Орловской, затем Пензенской губерний трагически погиб в 1906 году при взрыве на даче П.А. Столыпина, организованном эсерами. Особенно трагичной сложилась жизнь его жены Унковской Анны Ивановны После Революции, похоронив троих сыновей, она уехала с младшими в Германию, но вскоре сама вернулась в Россию и приняла постриг с именем Анастасии, как и ее оставшаяся в России дочь, бывшая фрейлина Екатерина, с именем Иннокентия. Их преследовали за преданность церкви. Мать расстреляли в 1938 году, дочь отправили в тюрьму и о ней ничего неизвестно [14]. Ее старшие сыновья, Сергей и Иван, эмигрировали в Германию.

Третий сын Алексея Николаевича, Александр Алексеевич (1857-1922), стал министром юстиции и министром внутренних дел. Младший сын, Алексей Алексеевич Хвостов (1859-1940), Черниговский губернатор, тайный советник, сенатор, женатый на княжне Эмили из рода князей Долгоруких, в 1906 году был ранен брошенной в него бомбой [25, с.126]. После Революции эмигрировал с семьей в г. Белая Церковь (Югославия). Большинство молодых мужчин Хвостовых от 18 до 40 лет погибли в годы Первой мировой войны, другие - в период Революции и в Гражданскую войну. Многие ветви Хвостовых пресеклись уже за

границей. Поиск ныне живущих мужчин из известного дворянского рода Хвостовых в России и за рубежом с целью проведения анализа у-хромосомы не увенчался успехом.

В результате изучения печатных изданий и архивных документов, найденных в государственных областных и личных архивах, а также в РГАДА, удалось реконструировать одну мужскую линию и представить в настоящей работе [Приложение; Схема II]. Было установлено, что современный потомок Алексея Хвоста из Казахстана происходит от Хвостова Алексея Юрьевича, казначей великого царя Ивана III (1440-1505) [31, с. 578]. Его сын Елизарий был убит в бою под Казанью, внук Афанасий и правнук Алексей от сына Прокофия, воеводы, входившие в состав Государева двора Василия III (1479-1533), участники походов на Казань, также найдены среди павших в синодике по убитым в битве под Казанью 1506 года [5, с. 618,619; Схема II].

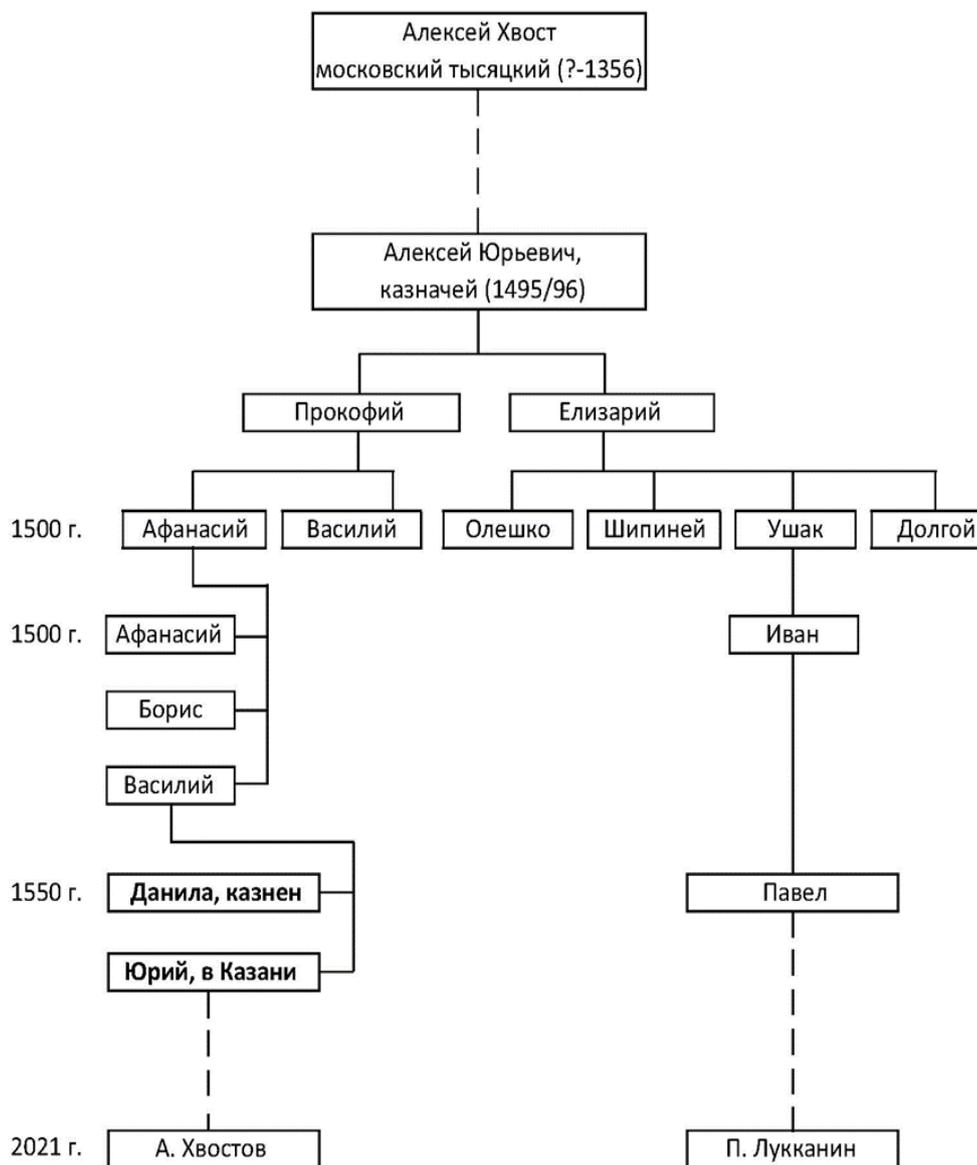

Схема II. Мужская линия современных потомков московского тысяцкого Алексея Хвоста

Его праправнуков, боярских детей, Юрия и Василия, как описано в предыдущей статье о казанских Хвостовых, царь Иван Грозный (1530-1584) отправил на службу в Казань

сразу после ее завоевания в 1552 году [5, с. 620]. Дети последних осваивали земли Великого Устюга на реке Лузе, Урала и Сибири; многие из них стали жителями этих краев, например Савва Хвостов, известный в Екатеринбурге в 1747 году «архитектор мраморной команды» и его сын унтер-шихтмейстер Камских заводов Никита Савинович, равно как и некоторые другие Хвостовы из известной родословной Бассовол-Хвостовых активно переключили на инженерные профессии, востребованные духом петровского времени конца XVII и начала XVIII века.

Несколько семей потомков от Юрия Хвостова по ревизским сказкам 1646 года владели поместьями в деревне Девлезеро на речке на Ошняке по Ногайской дороге и по Зюрейской дороге в деревнях Кадыли и Шигалеево на реке Суле, некогда принадлежавшей казанскому и касимовскому царю Шиг-Алею (Шах-Алею), который добровольно покинул Казань в пользу брата, убедившись в невозможности примирить желания мусульман с желаниями московского правительства [23, л.165, 165об, 227, 241, 243; 6, с.230]. Среди владельцев деревни Малое Девлезеро был Дмитрий Иванович, внук боярского сына Дмитрия Хвостова, известного за критику Дмитрия Пожарского в 1614 году [1, с. 428]. По родословной казанских Хвостовых одну из ветвей первого поселенца в Казани Юрия продолжил его сын Иван, затем сын Ивана, Дмитрий, и т. д., которая обрывается на сыне Дмитрия с именем Роман, совершенно несвойственным их роду [26, д. 407, л. 166]. Сам Дмитрий Иванович обнаруживается в 1691 году в документах «Московского дворцового архива» по Осеченской дворцовой волости Деревской хозяином имения в окружении новгородских и московских помещиков Хвостовых и Милюковых [27, д. 120, с. 1]. В переписи 1710 года его имя как помещика не упоминается.

В конце XVII века потомков Дмитрия Ивановича нет среди помещиков Казанской губернии. Есть версия, что приехавший в Казань в 1685 году московский стольник Роман Иванович Хвостов для переписи и учета казанских земель по Ногайской и Зюрейской дорогам, на месте сотрудничал с Дмитрием Ивановичем Хвостовым, своим дальним родственником, и по окончании работы, сделал ему протекцию по службе в Москве. Дмитрий Иванович, вероятно, был казанским межешником, как многие другие его служилые родственники: Иван, Истома, Семен Иванович Хвостов; в 1648 году все они владели поместьями в сельце Малое Девлезеро по Ногайской дороге [23, л. 165 об].

В 1703 году при дворе Петра I (1672-1725) около 10-ти представителей известного рода Хвостовых служили жильцами [12]. Сын московского стольника Романа Ивановича Хвостова, Алексей Романович Хвостов (1666-1738), дослужившийся до стольника, был женат на княжне Елене Петровне Коркодиновой. В 1714 году он считался в «царедворцах» для переезда в Петербург из Москвы, а его дочь, Аграфена Алексеевна стала последней четвертой женой всем известного князя Михаила Алексеевича Голицина (1687-1775), назначенного в период царствования Анны Иоанновны придворным шутом за измену православию [31, с. 582, 584; 39, с. 16, 17]. Так, что не исключено, что безземельных детей казанца Дмитрия Ивановича Хвостова, Луку и Терентия определили на службу дворовыми людьми подобно их дальнему родственнику Григорию Хвостову, дворовому в Москве в 1687 году у князя Бориса Алексеевича Голицына, воспитателя юного Петра [21, с. 244]. Григорий Хвостов был сыном бывшего стряпчего, отставного московского дворянина и помещика Вологодского уезда Максима (Воина) Матвеевича Хвостова из рода Бассавол-Хвостовых [31, с.580]. Еще в 1680 году он служил в Большом полку боярина князя Василия Васильевича Голицына, который доводился князю Борису Алексеевичу Голицыну двоюродным братом, и потом, вероятно, был взят последним к себе на службу дворовым [28, ст.574, сст 190].

Введенные Петром I (1672-1725) реформы во всех сферах жизни государства коренным образом изменили его структуру. Дворянство перестало быть привилегированным сословием, жизнь помещиков осложнила новая фискальная политика государства. Петр I ввел

подушный оклад и ограничил права дворян в распоряжении своими имениями. Поэтому одни помещики взялись за создание промышленного производства, другие стали госслужащими, молодежь пошла служить во флот и армию или учиться на инженеров и мастеров. В этот период бурного развития промышленности дворовые безземельные братья Лука и Терентий Дмитриевичи Хвостовы занимались организацией делопроизводства одного из первых по сути новых масштабных промышленных объектов [26, д. 1594, л. 300-300об.]. Больше чем 140 лет с начала строительства завода, потомки семьи Терентия Дмитриевича Хвостова были связаны с производством железа. В 1850 году подателем ревизской сказки Рябкинского чугунолитейного завода был служитель заводской конторы Михаил Иванович Хвостов, представитель 6-го поколения от Терентия Дмитриевича, а в 1858 году его родственник Степан Степанович [41, д. 414, 891].

В начале 1860-х годов, после окончательного банкротства завода, дед Кирилла Митрофановича Хвостова переехал в Самарскую губернию. Накануне революции в поселении Некленский, относящегося к селу Успенка Николаевского уезда Самарской губернии, Кирилл Хвостов имел свои 15 десятин земли (16,38 Га), одного годового работника и двух сезонных [38, с.14]. С 1914 по 1917 год Кирилл Митрофанович Хвостов служил в «артиллерийском парке в Тернополе». После Революции в организованном колхозе на базе Некленского поселения он работал счетоводом. В 1931 году его обвинили в антисоветской агитации и контрреволюционной деятельности и по политическим статьям 58-10 и 58-11 в том же году Постановлением Тройки ПП ОГПУ по НВК он был приговорен к заключению: «...в концлагерь сроком на пять лет...» [38, с. 10]. Этапировали его в Казахстан, в лагерь политзаключенных поселка Долинка Карагандинской области. Через год туда же была отправлена жена с тремя детьми, Василием, Михаилом и Анастасией. После 5 лет заключения в лагере Долинка Кирилла с семьей отправили в лагерное поселение № 3 Осакаровского района, Карагандинской области. Там он умер в первую зиму от голода. В 1989 году решением прокуратуры Саратовской области Кирилл Митрофанович был реабилитирован [38, с. 19]. Сыновья Кирилла, Василий (1913-1957) и Михаил, участники Второй Мировой войны, оба награждены и вернулись домой. У Василия родился единственный сын из его пяти детей и он последний мужчина в этой ветви, результаты анализа у-ДНК которого использовались в данном исследовании.

Сравнение результата анализа у-ДНК современных потомков казанских и тверских Хвостовых.

Из документов Рябкинского железоделательного завода становится известно, что потомки от Терентия Хвостова находились в подушном окладе мастеровых людей завода и в ревизской сказке 1811 года они приписаны к мастеровым иноземцам, что указывает на присутствие в роду Хвостовых памяти о их «иноземном» происхождении [40, д. 13, л. 559, 560 -561об.; д. 22, л. 1об.]. Подобная память сохранилась у костромских и тверских дворян Хвостовых, вписанных в 4-ую часть дворянской Родословной книги губернии, означавшую иностранные дворянские роды. При этом, эти же дворяне были вписаны в 6-ую часть, как древние благородные дворянские роды. Сравнение результатов анализа у-ДНК современных потомков исследуемой мужской линии Хвостовых из Казахстана и тверских Хвостовых, восходящих в своей родословной к Аманду Бассаволу, предку Алексея Хвоста, показало их дальнейшее родство и подтвердило правильность архивного поиска [Таблица].

1. А. Хвостов (Казахстан)
2. П. Лукканин (Финляндия)

Панель 1 (1-12)

Маркер DYS#	393	390	19	391	385a	385b	426	388	439	389-1	392	389-2
1.	14	23	14	11	11	3	11	12	10	14	14	31
2.	14	23	14	11	11	13	11	12	10	14	14	31

Панель 2 (13-25)

Маркер DYS#	458	459a	459b	455	454	447	437	448	449	464a	464b	464c	464d
1.	16	10	10	11	12	25	14	19	30	14	14	15	15
2.	17	10	10	11	12	25	14	19	30	14	14	15	15

Панель 3 (26-37)

Маркер DYS#	460	Y-GATA-H4	YCAIIa	YCAIIb	456	607	576	570	CDYa	CDYb	442	438
1.	11	11	18	20	14	14	19	18	34	34	13	10
2.	11	11	18	20	14	15	16	21	36	36	13	10

Таблица 1. Стандартные значения маркеров

Тесты у-ДНК хромосомы по 37 маркерам были проведены в компании Family Tree DNA. На первых двух панелях из 25-ти маркеров представленной таблицы имеется единица генетического несовпадения, свидетельствующая, что общий предок А. Хвостова и П. Лукканена с 95% -ой вероятностью жил 500 лет назад (20 поколений). Им был, без сомнения, потомок Алексея Хвоста, Алексей Юрьевич Хвостов, казначей Ивана III в 1495-96 годах [31, с. 578; Схема II].

Пауль Лукканен (Pauli Laukkanen) из Финляндии, чьи генетические данные использовались в настоящей работе, ссылается на происхождение от Лукканена (Лучанина) Ивана Григорьевича (1691) из Пижмы, выходца из рода тверских Хвостовых. Следовательно, нужно было показать, как выходец из тверских Хвостовых, Иван Григорьевич, стал лучанином.

Лучанин (Иван Григорьевич Хвостов), потомок тверских Хвостовых, происходящих от Алексея Хвоста.

У основателя тверского рода Хвостовых Ивана было два сына, Григорий и Марк, первый из которых служил в Великих Луках [44, с. 428]. В 1672 году он осуществлял надзор за сбором откупных, «доимочных» и заемных денег [28, ст. 459, сст. 142]. Там же родились его сыновья, Иван, Сергей, Осип и Григорий и по своему месту рождения их называли луччанами; все служили драгунами в Луцком полку [28, ст. 502, сст. 770]. После долгой службы Григорий Иванович возвращается на свои наследственные земли в Шейском и Кушальском станах Тверского уезда и становится помещиком Тверской губернии, где его вносят в родословную книгу тверских дворян Хвостовых [29, д. 16086, л. 11, 14, 16; 30, д. 2955, л. 15; 44, с. 428]. Сюда же, в Тверскую губернию возвратились помещиками два его сына, подпрапорщик Луцкого драгунского полка Сергей и капрал Григорий. В отличие от отца, они не упоминаются в родословной тверских Хвостовых, вероятно из-за того, что не преуспели

по службе так, как их дядя, московский дворянин жилец Марк Иванович Хвостов, которому в Тверской губернии поместье было пожаловано в вотчину [44, с. 428; 31, с. 589].

Со службы в Луцком полку в Тверь не вернулись Иван и Осип Григорьевичи, возможно, погибшие или попавшие в плен в период Северной войны или в боях за Выборг в 1710 году, в которых участвовал их драгунский полк. Но не исключено, что после Северной войны, частично утраченные в Смуту и в русско-шведской войне деревни в Копорье были возвращены потомкам Хвостовым, и Иван Григорьевич Хвостов мог поселиться со своей семьей в деревне Пижме, расположенной на землях хвостовского поместья в деревне Колпницы, уступив братьям свои дворы в поместьях Тверского уезда. По материалам Писцовой книги 1618-23 годов времен оккупации Ижорской земли, не все владельцы покинули свои земли, например, деревня Пудость оставалась во владении «старых» хозяев, наверняка Хвостовых; их же деревня Колпница (Kolpanitza) была отдана Бенжамину Барону (Benjamin Baron) [22, с. 116]. Таким образом, П. Лукканен, ссылающийся на происхождение от лучанина Ивана Григорьевича из Пижмы, действительно является потомком тверских Хвостовых. Выше было показано, что общим предком ныне живущих А. Хвостова из казанского рода Хвостовых от Юрия Васильевича, и Лукканена Пауля из Финляндии, потомка тверских Хвостовых, с 95%-ой вероятностью был казначей Ивана III Алексей Юрьевич Хвостов, потомок тысяцкого Алексея Хвоста в четвертом поколении. Их мужские линии разошлись в 1500 году [Схема II].

Дополнительным и убедительным доказательством родства новгородских и московских Хвостовых, происходящих от тысяцкого Алексея Хвоста с тверскими стали документы, по которым один из известных представителей рода Бассовол-Хвостовых коллежский советник Алексей Николаевич Хвостов (1819-1887) со своей женой Хвостовой (Жемчужниковой) Екатериной Лукиничной владели в середине XIX века усадьбами Каменка в Осуйской волости и Ожирово в Кузовинской волости Новоторжского уезда Тверской губернии вместе с потомком тверских Хвостовых от Ивана, надворным советником Николаем Арсеньевичем [7, д. 3433, л. 6-7; 8, д. 1107, л.16]. Эти усадьбы им достались от их предков Федора, Василия и Александра Иродионовичей, переселившихся из Водской пятины в Деревскую и Бежецкую в период Смуты и оккупации шведами северных окраин Руси. Поместные земли в размере целых волостей в Водской пятине представители рода Бассовол-Хвостовых, будучи еще боярами, получили за верную службу московскому князю Ивану III (1440-1505) [9, прилож. 1В, с.25, 176, 448-457]. Это произошло после присоединения Новгорода к Московскому княжеству в 1478 году; внуки Алексея Юрьевича Хвостова стали владельцами земель в Копорье, на Ладогe и в Ижоре, в районе современной Гатчины (Hotzino), в деревнях Пудость и Колпница [19, ст. 680, 690].

Итак, в результате архивного исследования установлено родство тверских, новгородских и московских Хвостовых, восходящее к Алексею Хвостову, при этом оно подтверждено данными генетического анализа.

Близкое родство Воронцовых и Хвостовых, а также их родство с великокняжеским родом.

По результатам генетического анализа у-ДНК, взятыми из базы данных компании Family Tree DNA, а также из сведений международного проекта «Проект ДНК династии Рюриковичей» была проведена оценка родства ныне живущих Н. Воронцова, происходящего от Леонтия (1899 г.) из известного рода Воронцовых и А. Хвостова от тысяцкого Алексея Хвоста, а также сделано сравнение их генетических данных с данными официальных князей Д. Шаховского и Н. Ржевского, потомков Владимира Мономаха (1053-1125) [50].

Установлено, что родство между Н. Воронцовым и А. Хвостовым оказывается более близким: из 25-маркеров есть два несовпадения, что означает возможность жизни их общего предка около 1280-го года или 27 поколений (675 лет) назад. Отсутствие генетической

дистанции в 12-маркерах Д. Шаховского, Н. Ржевского и А. Хвостова говорит о том, что их общий предок уходит в далекое прошлое на 29 поколений (725 лет) и все они являются родственниками Владимира Мономаха. На Схеме III представлена прямая мужская линия появления от Владимира Мономаха рода Ржевских, Шаховских и Кубенских, составленная по Генеалогическим таблицам по истории европейских государств [45, Таб. 6, 7, 8, 9а]. От потомка Владимира Мономаха, Василия Грозные очи, происходят князья Кубенские и Шаховские. Тремя поколениями раньше появились Ржевские.

Леонтий Воронцов, на родство с которым ссылается Н. Воронцов является внуком или правнуком коллежского асессора Александра Леонтьевича Воронцова и его жены Ольги Ильинишны из Кашинского уезда Тверской губернии, родословная которых представлена под № 200 [44, л. 39]. В 1847 году Александр Леонтьевич и его дети были признаны потомственными дворянами. Его предки переселились в Кашинский уезд, вероятно, из Копорья, подобно Хвостовым в период оккупации шведами в 1581 года северных окраин Руси. Одним из них, конечно, был сын всем известного боярина Федора-Демида Воронцова, Сашка (Александр) Воронцов из деревни Велкота, от которого и появилась ветвь потомственного тверского дворянина Александра Леонтьевича Воронцова [22, с. 71; Схема I].

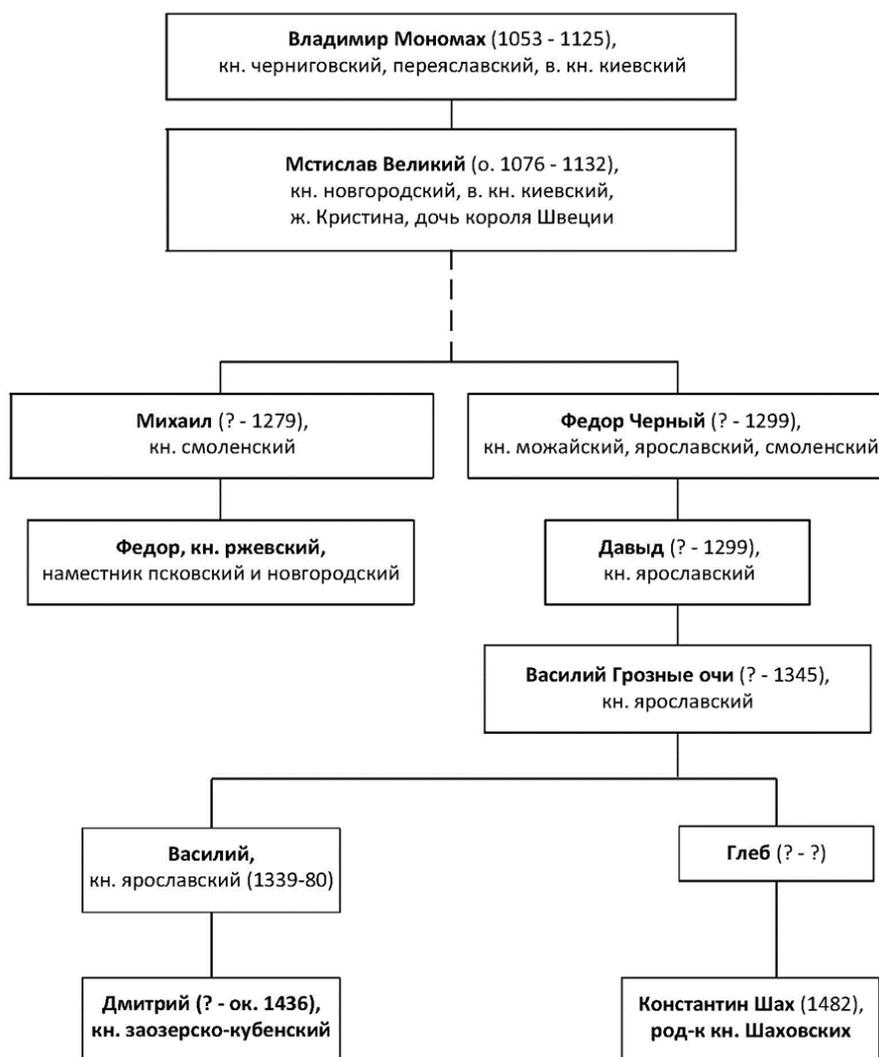

Схема III. Появление в родословной от Владимира Мономаха рода Ржевских, Шаховских и Кубенских

Результат генетического анализа показал, что предки Хвостовых и Воронцовых, появившиеся одновременно в Московском княжестве, согласно их родословным, были близкими родственниками; при этом оба рода приходились далекими родственниками князю Федору Черному, потомку Владимира Мономаха. Маркграф Аманд Бассавол, предок и основатель рода Бассавол-Хвостовых прибыл из Рима в 1267 году в небольшое Московское княжество наместником малолетнего Даниила. Эта легенда происхождения его рода была подтверждена в нашей первой работе «Одна мужская линия из рода Бассавол-Хвостовых» [2]. Историю происхождения рода Воронцовых от Шимона Африкановича (Симона), выехавшего из Варяжской земли в Киев в 1027 году на службу к Великому Князю Ярославу Владимировичу, по каким-то причинам в 1686 году не вписали в родословную Воронцовых в Бархатной книге, хотя ее приняли в Разряд [17, с. 382, 383]. Для комиссии она оказалась неубедительной и родословная Воронцовых начинается с Протасия Федоровича, который приехал «из Володимира к Москве с великим князем Данилом Александровичем...», а потом был боярином и тысяцким у сына Даниила, великого князя Ивана Даниловича [17, с. 382].

Итак, если общий предок Хвостовых и Воронцовых жил около 1280-го года, значит Аманд Бассавол, основатель рода Хвостовых, приехал в Московское княжество из Рима в 1267 году, будучи близким родственником тысяцкому Протасию Федоровичу, от которого по его прямой мужской линии в середине XIV века появилась ветвь Воронцовых [Схема I]. Следовательно, родоначальника Протасия Федоровича по имени Симон Африканович, как утверждают представители рода Воронцовых и Вельяминовых, нужно искать среди родственников Аманды Бассавола в королевстве Сицилия [2].

Доказательство происхождения Воронцовых от сицилийских норманнов.

Опальный князь Андрей Михайлович Курбский, политический и военный лидер XVI века, один из самых близких людей Ивана IV Васильевича, в своём сочинении называет Воронцовых решскими князьями, а точнее племянниками княжат Решских «имперских» [16, с. 7, 329]. На севере Италии, в Тирольских Альпах на границе с Австрией до сих пор сохранилась небольшая деревня с именем Reschen (Решен), расположенная на берегу горного озера Reschensee (озеро Решен). С X века она входила в состав провинции Реция или Ретия (Raetia, Rhaetia, Resia) Римской империи [6, т. XXVIa, с. 665, 666]. С 1080 года по 1268 год Реция уже в составе Швабии принадлежала династии Гогенштауфенов. Через деревню проходил кратчайший путь на север Италии, который использовал король Германии Фридрих I Барбаросса в своих походах в целях покорения Италии.

В 1155 году он, один из самых ярких представителей Гогенштауфенов, добивается короны императора Священной Римской империи и планирует завладеть всей Италией. В это время его союзником и сподвижником становится граф Конверсано и Лорителло Роберт II Бассавил, предок Бассавол-Хвостовых, изгнанный в 1155 году из Сицилии кузеном королем Вильгельмом I Злым [2, с. 35]. После неудачной попытки Роберта II в 1161 году отвоевать свои земли у Вильгельма, он мечтал уже с Фридрихом Барбароссой покорить всю Италию, за что историки называют его прогерманским лидером. Происходил Роберт II Бассавил из Нормандской династии, основанной викинггом Ролло. Его отец Роберт I, внук Роберта III Короткие Штаны (1054-1134) был рыцарем-тамплиером, связавший себя брачными узами с Джудит, дочерью великого графа Сицилии Рожера I Боссо из рода южно-итальянских норманнов Готвилей [2, с. 34; Схема IV]. Роберт III Короткие Штаны широко известен тем, что боролся со своим младшим братом Генрихом I Боклерком за английский престол и проиграл; плененный, он просидел в тюрьме 28 лет. Он тоже был женат на сицилийской графине Конверсано Сибилле. Супругой его правнука, Роберта II Бассавила, стала маркграфиня Флоренции, Аделиза, дочь короля Сицилии Рожера II, доведившаяся ему

кузиной, и, может быть, поэтому он так уверенно пытался отобрать власть у кузена Вильгельма I на юге Италии.

Многие браки из дома Гогенштауфенов были направлены на достижение могущества и влияния в Римской империи и захвата королевства Сицилии. Сын Фридриха I Барбароссы Генрих VI в 1186 году вступил в брак с кузиной Роберта II Бассавила, Констанцией, последней дочерью короля Сицилии Рожера II. Его младший сын Филипп был женат на дочери императора Византии, Ирине, после ее развода с правнуком Рожера II, Рожером V. Можно добавить, что Филипп Швабский был не только королем Швабии, но и маркграфом Тосканы, вероятно, не случайно по соседству с великолепной Флоренцией, принадлежавшей жене Роберта II, маркграфине Аделизе [2, с.36]. Тогда их объединяли общие интересы родственников - удержать власть и сохранить свои владения. Когда в 1266 году власть в королевстве Сицилия захватил Карл Анжуйский, публично обезглавив на площади последнего наследника на трон императора Священной Римской империи из династии Гогенштауфенов, Конрадина, пришедшего с армией из Швабии спасти королевство Сицилии, внук или правнук Роберта II Бассавила, маркграф Аманд Бассавил, бежал из Рима в Московское княжество.

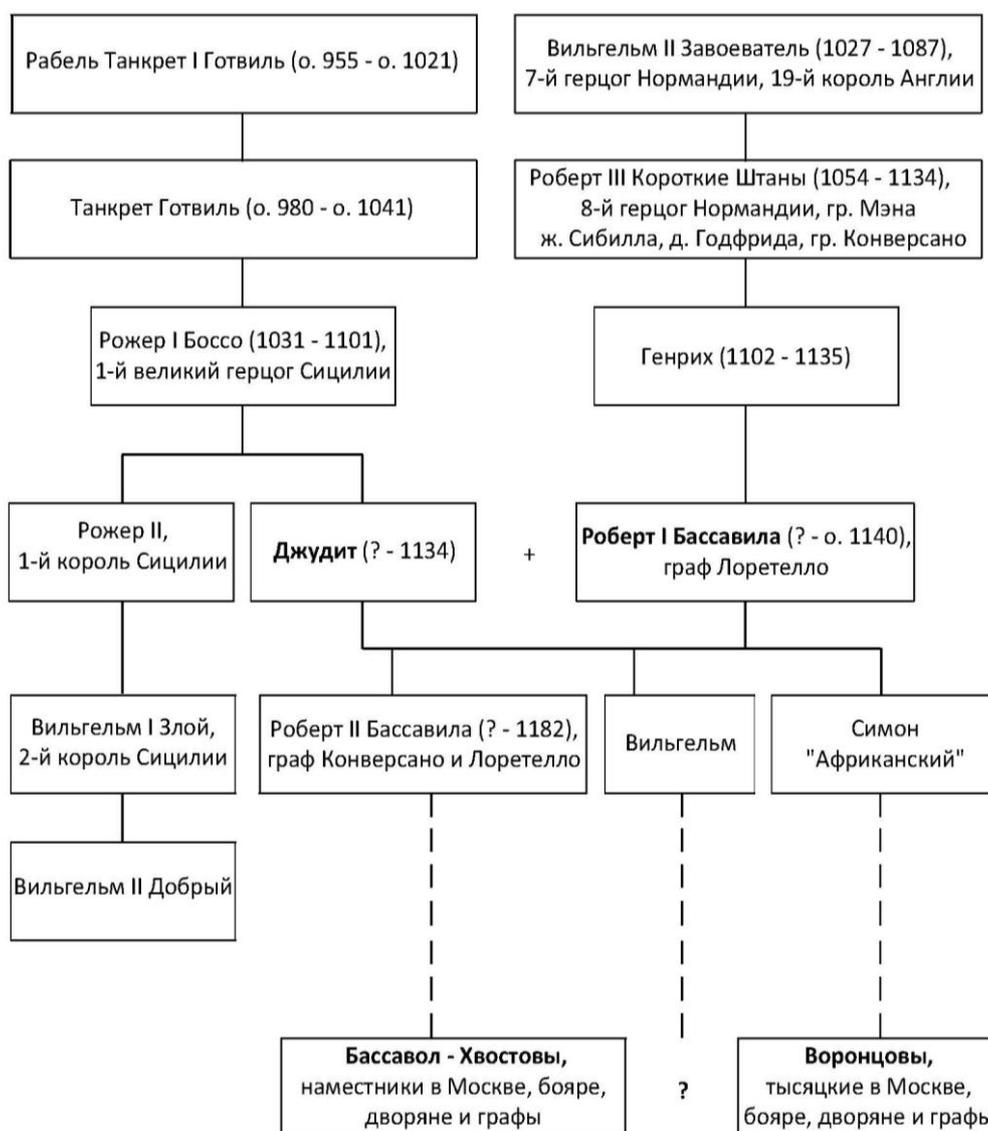

Схема IV. Происхождение рода Бассавол-Хвостовых и Воронцовых

В 1268 году немецкая династия императоров Гогенштауфенов прекратила свое существование и Швабское герцогство пришло в упадок, распавшись на отдельные владения, наиболее известные из которых Баден и Вюртемберг. Так что побег рещских князей, «племянников имперских», через Пруссию на восток к дальним родственникам в Московское княжество – вполне закономерное и реальное событие, равно как появление в Швабии сицилийских норманов через брачные союзы.

У матери Роберта II Бассавила, Джудит, был брат Симон, ставший в 11 лет великим графом Сицилии. Умер он в 13 лет и больше в династии Готвилей с этим именем мальчики не появлялись [45, табл. 422]. Однако, сегодня некоторые историки осторожно и с большим сомнением называют князя Симона Таранто (*Simone d'Altavilla principe di Taranto*) бастардом короля Сицилии Рожера II. После смерти последнего в 1154 году его старший сын Вильгельм I Злой, заполучив корону королевства, тут же отобрал у Симона княжество Таранто, считая, что оно должно принадлежать настоящим наследникам, королевским сыновьям [46, p.623]. В это же время он изгоняет своего двоюродного брата Роберта II Бассавила из графства Конверсано и Лорителло. Его позиция понятна, он боялся потерять королевскую власть в пользу напористого кузена из рода роллонидов, тогда как его отец, напротив, одаривал графствами и княжествами в равной степени и своих законных детей, и незаконнорожденных, и племянников от сестры Джудит. Так представляет политическую напряженность при дворе Вильгельма I Злого немецкий историк и писатель Адольф фон Шак (*Adolf Friedrich Graf von Schack*): «...когда Майо занял место первого министра, образовалось две партии – одна из приверженцев могущественного сановника, которая главным образом состояла из мусульман, другая – из баронов и графов страны, главой которых был Роберт II Бассавила. Этот человек, необыкновенно честолюбивый, поставил себе целью добиться исключительной власти при дворе. А так как и Майо (*Maiò Barenis*), был готов энергично отстаивать свое влияние, то борьба между двумя партиями была неизбежна» [51, s. 94]. На стороне Роберта II Бассавила была знать обиженных на короля родственников, которые были недовольны обнародованным законом Вильгельма I, запрещающим вассалам выдавать замуж своих дочерей без согласия короля [46, s. 182]. Кроме того, они настаивали на принятии закона, дающего права женщине на корону.

Недовольный князь Симон Тарантский тоже участвовал в мятеже против Вильгельма I Злого и в устранении его канцлера, мусульманина Майо, имевшего, якобы, коварный план убить короля и захватить Сицилию [46, с.265, 276, 278, 280,]. Все действия Симона против короля зеркально отражены в метаниях Роберта II Бассавила до изгнания его Вильгельмом из Сицилии. По разным источникам они, Симон и Роберт II, были в одном заговоре против Майо при участии одного и того же Матфея Боннеля (Бонелло) и оба искали помощь в Византии [46, 307; 2, с. 35]. Архивные документы показывают, что князь Симон из Таранто скорее был родным братом Роберта II чем бастардом Рожера II и назван матерью в честь своего рано умершего брата великого графа Сицилии Симона.

В мятеже 1155 года против короля Вильгельма I Злого, поддержанного населением Палермо, Симона называют графом Поликастро. В 1161 году мы видим в его лице уже принца Симона, играющего большую роль в заговоре лордов против Майо при тех же именах участников заговора [46, s. 23-24, 201, 183, 276]. Восстание лордов против Майо переросло в войну, которую возглавил Роберт II Бассавила против короля с захватом его земель вплоть до Таранто [2, с. 35]. С помощью римлян и византийской армии он отвоевал у своего двоюродного брата почти всю южную часть Италии [48, p. 367]. Лишь через год Вильгельму удалось окончательно изгнать своего кузена из Сицилийского королевства. После поражения восстания многие бароны и лорды Сицилии были прощены, некоторые, в том числе Симон, сосланы, другие отправились в Иерусалим [46, с. 280, 282]. Роберт бежал в Рим и вернулся на Сицилию лишь в 1169 году, когда королем был провозглашен Вильгельм II До-

брий. С матерью молодого короля, Маргаритой, у него всегда были дружеские взаимоотношения, и при дворе он стал снова заметной персоной. О дальнейшей судьбе графа Симона ничего неизвестно.

Арабист XIX века Сальватор Куза (Salvatore Cusa) сообщает очень важную для нашего поиска информацию - в 1142 году среди членов курии самыми близкими советниками короля Рожера II были граф Симон и Георгий Антиохийский, при этом первого он называет племянником короля [46, с. 632]. Разночтений здесь не может быть, всем известно, что племянником Рожера II был Роберт II Бассавила, которого он наделил графством Конверсано и завещал графство Лорителло, а другого племянника Симона, вероятно, старшего брата Роберта II, сделал своим советником и наградил княжеством Таранто, возможно, ориентируя его на роль правителя, открыто сомневаясь в таланте родного сына Вильгельма стать королем [46, с. 185]. Второго советника Рожера II Георгия Антиохийского, эмира эмиров, по происхождению грека, рожденного в Антиохии, автор характеризует так: «Это был искусный организатор, христианин, свободно говоривший на греческом и арабском, и прекрасный моряк, чьи познания о плаваниях в прибрежных водах Африки не уступали его осведомленности в политических, экономических и дипломатических делах» [20, с.319]. Один из авторов утверждает, что «к 1140-м годам Георгий Антиохийский от имени Роджера уже требовал власть над всей Ифрикией в качестве повелителя эмира Зиридов» [49, р. 113]. Захваченные города по распоряжению Рожера II и Георгия Антиохийский управлялись или местными губернаторами, или нормандскими чиновниками [49, р. 153, 154]. Так, в Махадии политический контроль сначала осуществлял сам адмирал Георгий Антиохийский, затем он был передан нормандской администрации. Можно смело предположить, что племянник Рожера II, граф Симон, курировал политику захвата северной Африки и даже участвовал с Георгием Антиохийским, командующим сицилийского флота, в военных экспедициях и среди родственников, возможно, его прозвали Симоном «Африканским» [47, р.171].

Фактически Рожер II был королем северной Африки. Он завоевывал ее в течение 10-15 лет и, в конечном итоге, она стала его колонией [47, р. 171]. Рожера интересовали только стратегические и экономические выгоды; он был правителем между Востоком и Западом и никогда не называл себя королем Африки, в отличие от его сына Вильгельма I Злого, записанного в Кодексе дипломатического правления Сицилии в 1154 году королем Сицилии, Италии и Африки сразу же после своей коронации [49, р. 364]. И еще Роджер не очень надеялся на способность своего сына удержать эти колонии в Северной Африке, включая Мальту [47, р.218]. Это его предчувствие оправдалось - после войны Вильгельма I Злого со своим двоюродным братом Робертом II Бассавила в 1161 году позиции его на африканском континенте начали ослабевать, и в течение последующих трех лет власть над колониями перешла к династии Альмохадов.

Найден документ, сообщающий, что у Роберта II был брат Вильгельм. Он упомянут лишь однажды в момент осады города Флавиана, когда жители вышли навстречу войнам, объявив себя рабами римлян [13, с. 152]. При выходе римского войска из сдавшегося города, военачальника встретил «брат Басавилы Вильгельм, тоже склонившийся на сторону римлян ...», с письмом от брата, в котором он советовал военачальнику «...быть смелее, потому что и смежная область уже покорилась римлянам». Все эти события происходили в бывшем графстве их отца Роберта I Лоретелло; с 1138 года графом этих земель был его сын Вильгельм [46, р. 65].

Результат архивного поиска показывает, что при попытке Роберта II Бассавила стать королем южной Италии, его братья Вильгельм и Симон были на его стороне. Симон был главным участником устранения адмирала адмиралов Вильгельма I Злого, мусульманина Майо, без которого король был не в состоянии управлять африканскими колониями. Захватив власть в королевстве в 1160 году, Роберт II, вероятно, отдал в подчинение Симону африканские колонии, за что его могли также прозвать Симоном «Африканским».

С приходом в королевство Сицилия в конце XII века сына Фридриха Барбаросса Генриха VI через брак с дочерью короля Сицилии Рожера II, Констанцией, дети и внуки братьев Бассавилов ушли в тень правящей династии Гогенштауфенов, одаренные небольшими княжествами, подобно Решскому на севере Италии или Флорентийскому в ее центральной части.

Итак, аргументов достаточно, чтобы признать происхождение Протасия Федоровича, родоначальника Воронцовых и Вельяминовых, от Симона из рода сицилийских норманнов Бассавилей. При этом факт генетического родства Воронцовых и Бассавол-Хвостовых подтверждает сомнение ученых в том, что Симон был внебрачным сыном короля Сицилии Рожера II из рода Готвилей.

Проводниками Симона «Африканского» на Русь, после изгнания его из Сицилии, мог быть Василько, сын Юрия Долгорукого (ок. 1090-1157), которому, по сообщению историка XII века Иоанна Киннама, византийский царь пожаловал придунайские земли империи, расположенные совсем рядом с Италией и Швабией, или другие его братья, бежавшие со своей матерью гречанкой из Киева в Византию под покровительство двора Мануила Комнина (1118-1180) [13, с. 262; 2, с. 36, 37]. Там, с большой вероятностью, с 1157 по 1160 год могла также состояться встреча детей Юрия Долгорукова и Роберта II Бассовила, искавшего при дворе императора финансовую поддержку для создания своей армии [13, с. 166]. Оставшийся в памяти Воронцовых Симон «Африканович» мог появиться в Суздальском или Владимирском княжествах как изгнанник из Сицилии еще до рождения московского князя Даниила Александровича, что согласуется с родословной Воронцовых о прибытии Протасия Федоровича в Московское княжество из Владимира [17, с.382]. Это событие не противоречит приезду потомков Симона «Африканского» в Московское княжество вместе с Амандом Бассоволом в 1267 году уже в статусе решских княжат.

Однако, эти результаты исследования никак не увязываются со временем жизни Шимона (Симона) Африкановича, который по легенде Воронцовых и Вельяминовых был их родоначальником и служил сначала князю Ярославу Мудрому (? - 1054), а потом его сыну Всеволоду Ярославичу (1030-1093). События сдвинуты почти на 100 лет и в родословной возникает разрыв в три-четыре поколения от Протасия Федоровича (? - после1332) до сына Шимона, Григория, воспитателя Юрия Долгорукого (о. 1099-1157). При этом рассказ епископа Симона в Киево-Печерском Патерике может быть достоверным, а возникшее разногласие обусловлено ошибкой потомков, которые могли растерять родственников и утратить родословную, как это случилось в роду Бассавол-Хвостовых в 1692 году, когда обнаружилась потеря родства между новгородскими и московскими ветвями Хвостовых. Московский дворянин Воин (Максим Матвеевич) Хвостов и его родственник графа Д. И. Хвостова подали в родословную комиссию свою поколенную роспись Хвостовых, происходящую от Петра Басаволка, не упомянув о существовании новгородских Хвостовых, которые также представили в 1692 году свою поколенную роспись, показав, что московские Хвостовы их родственники. Комиссия потребовала доказательств родства двух ветвей, на что московские Хвостовы ответили, что не знали о существовании новгородских родственников, так как живут они от нас «...в дальнем расстоянии за Новым городом на немецком рубеже...», но согласились разобраться в этом вопросе. В конечном итоге, родство московских и новгородских Хвостовых подтвердилось, родословные росписи объединили в одну и внесли в Бархатную книгу [30, д.277, л. 635, 635об; 29, д. 871, л. 209об., 210, 211, 211об., 212, 213].

Если информация о Шимоне Африкановиче в Киево-Печерском Патерике, имеющем исключительный церковный авторитет, действительная, то нужно признать, что потомки Протасия Федоровича, не имея документальных доказательств происхождения своего рода от Симона «Африканского», появившегося на Руси в середине XII, приняли ошибочно за своего родоначальника некоего Симона «Африкановича», служившего в середине XI века Ярославу Мудрому и его сыну Всеволоду.

Общие выводы.

Таким образом, результаты генетического анализа у-ДНК ныне живущих потомков рода Воронцовых и Хвостовых показали, что в середине XIII века их предки были близкими родственниками.

Архивный документ 1142 года о двух самых близких советниках короля Сицилии Рожера II сообщает, что один из них, граф Симон, был племянником короля, а, следовательно, не иначе, как родным братом Роберта II Бассавила, графа Конверсано и Лоретелло и родоначальником Воронцовых. Исследование событий того времени, связанных с захватом Рожера II северной Африки и стремлением его сына Вильгельма I Злого удержать эти колонии, не исключает вероятность наличия у Симона прозвища «Африканский».

Недовольные политикой кузена Вильгельма I Злого, получившего по наследству корону Сицилии, и поддержанные населением Палермо, а также многими другими баронами, Роберт и Симон подняли мятеж против короля с участием византийской армии, а в 1161 году уже с помощью римской армии они пытались отобрать у него корону, захватив на год почти всю Южную Италию.

Показана возможность появления решских князей «племянников имперских» в Швабии через брачные союзы сицилийских норманнов и представителей династии Гогенштауфенов в результате завоевания Италии Фридрихом Барбароссой. Предполагается, что после падения их власти в Южной Италии и на Сицилии под натиском Карла Анжуйского в 1266 году, внуки и правнуки и другие родственники Роберта и Симона вынуждены были бежать в Московское княжество, возможно, и в другие княжества под опеку русских князей.

Результат генетического родства современных потомков Воронцовых, Хвостовых и русских князей дает основание утверждать, что сицилийские норманны прибыли в Московское княжество в 1267 году не случайно, а по приглашению своих дальних родственников, чтобы обрести новую Родину. Их знатное происхождение и принятие православия давало им право, в соответствии с правилом великородных особ того времени, вступать в брак с представителями княжеского рода и укрепляться во власти. При удельном московском князе Данииле Александровиче Протасий Борисович и маркграф Аманд Бассавол получили высшие чины власти княжества: тысяцкого и наместника, которые они удерживали в течение почти ста лет. За это время захудалое Московское княжество превратилось в крепкое и процветающее. И в этом отчасти была их заслуга. Свой опыт жизни в многонациональной среде они приобрели в Священной Римской империи, где жили в дружбе греки, арабы, евреи, сарацины, и могли использовать в деле управления русским княжеством, в котором нужно было уметь не только отражать опустошительные набеги татаро-монголов, но и научиться ладить с ними, подчиняясь законам благоразумия. Поэтому закономерно, что праправнук первого московского наместника маркграфа Аманд Бассавола, боярин Алексей Хвост, в середине XIV века становится в Московском княжестве очень влиятельным, богатым и уважаемым лидером.

Коварное убийство Алексея Петровича Хвоста, сумевшего завоевать уважение москвичей и стать тысяцким при великом князе Иване II, означало, вероятнее всего, что он был реальным претендентом на трон, к которому его мог подвести брачный союз с княжеской дочерью и личные качества. Поэтому московский князь Симеон Гордый подверг его семью жестокой опале и разорению. Его родственник Микула, сын тысяцкого Василия Васильевича, был в свойстве с великим князем Дмитрием Донским, а дочь брата Полуекта вышла замуж за сына Дмитрия Донского, Ивана Дмитриевича. Нет сомнения в том, что Воскресенская летопись сообщила верные сведения об убийцах тысяцкого: «...якоже Андрей Боголюбский от своих раб от Кучкович, тако и сий от своеа дружины пострада» [24, с. 10]. Сами близкие слуги были, вероятно, подкуплены родственниками жены, чтобы совершить

это предательское убийство - рано утром в Кремле на Соборной площади перед церковью-колокольней Иоанна Лествичника.

Архивные документы показывают, что семьи Воронцовых и Хвостовых имели настоящее родственное доверие со стороны великокняжеского рода. Они еще долго служили боярами у великих и удельных князей. Сыну Алексея Хвоста, Василию, царь пожаловал для кормления Переславль Залесский, город, выстроенный Андреем Боголюбским. При Иване Грозном одним из первых в опалу попал его любимый воспитатель Федор (Демид) Воронцов и его родственники Олешко и Ушак Хвостовы. К концу его правления немногочисленный род Воронцовых и приближенные ко двору представители рода Хвостовых практически были уничтожены, оставшиеся родственники со временем перешли в разряд служилых.

Результаты настоящей работы могут быть использованы при решении дискуссионных вопросов древней и средневековой истории, в генеалогических росписях князей и дворян.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Мужская линия одной ветви рода Хвостовых (1267-2022 гг.)

1. Аманд Бассавол, (1267), наместник московский
2. Иван Васильевич Босоволков, наместник московский
3. Герасим Иванович, наместник московский
4. Петр Босоволков-Отяев, наместник московский
5. Алексей Хвост (?-1356), боярин, тысяцкий
6. Василий Хвостов (?-о.1400)
7. Борис, боярин. Братья: Никита (Лебедь), Федор (Пыж), Федор (Дюпа)
8. Юрий. Братья: Федор (Отяй), Федор (Шафер)
9. Алексей, казначей (1495/96)
10. Прокофий. Брат Елизарий, убит под Казанью
11. Афанасий, боярин, воевода в составе Государева двора Василия III, убит в битве под Казанью в 1506 году. Братья: Алексей, Иван (Ушак), Иван(Шипеней), Иван(Долгой)
12. Василий Афанасьевич, помещик в Водской пятине. Брат Афанасий, убит под Казанью (1506)
13. Юрий (1566), боярский сын. Брат Данила, казнен Иваном Грозным в 1570 г.
14. Иван, казанский жилец (1585), землевладелец. Братья: Федор, Савелий
15. Дмитрий, казанский боярский сын, землевладелец (1649). Брат Семен
16. Иван, из родословной казанских Хвостовых от Юрия Васильевича
17. Дмитрий, в родословной казанских Хвостовых от Юрия Васильевича, помещик дворцовой Осеченской волости Деревской пятины (1691)
18. Терентий (1693-1752), дворовый человек, делопроизводитель на Рябкинском чугуноплавильном заводе. Брат Лука
19. Михаил (1727 – 1770), конторский служащий завода. Братья: Филипп, Григорий, Павел
20. Никифор (1750-1825), конторский служащий завода. Братья: Иван, Федор
21. Иван (1775-1827), иноземец, конторский служащий завода
22. Алексей (1806-?), конторский служащий, рекрут с 1830 года. Братья: Василий, Степан, Иван, Петр, Егор.
23. Василий (1830-?), конторский служащий завода, рекрут с 1854 года
24. Митрофан (1850-1933), крестьянин
25. Кирилл (1886-1935?), крестьянин, заключенный пос. Долинка (Казахстан). Политическое дело 1931 года, реабилитация в 1989 году. Братья: Яков, Александр, Иоан, Иван

26. Василий (1912-1957), участник ВОВ, награжден боевым орденом Красной Звезды и медалью за участие в штурме города и крепости Кенигсберг. Брат Михаил

27. Анатолий (р. 1956), житель г. Караганды

I

Ветвь пресеклась.

Список источников и литературы

1. Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией: в 5 т. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1841. Т. III. 1613-1645 / под ред. С. С. Строева, М. А. Коркунова. 538 с.

2. Багновская, Н. М., Ботова, В. И. (2017). *Одна мужская линия из рода Бассавол-Хвостовых* // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Изд-во Грамота, № 12(86). Ч. 1. С. 30-38.

3. Бархатная книга. Родословная книга Князей и Дворян российских и выезжих: в 2-х т. Москва: в Университетской типографии у Н. Новикова, 1787. Часть II. 458 с.

4. Берх, В. Н. (1833). *Систематические списки боярам, окольным и думным дворянам с 1468 года до уничтожения сих чинов*. СПб.: тип. Х. Гинце. VIII, 66 с.

5. Ботова, В. И. (2021). *Казанские Хвостовы и потомки московского тысяцкого Алексея Хвоста: доказательство родства* // Манускрипт. Изд-во Грамота. Т. 14. Вып. 4. С. 616-627.

6. Брокгауз, Ф. А., Ефрон, И. А. Энциклопедический словарь: в 86 т. СПб.: Семеновская Типолитография И. А. Ефрона, 1890-1907. Т. XXXIX.

7. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 59. Оп. 1.

8. ГАТО. Ф. 148. Оп. 1.

9. Гневушев, А. М. (1915). *Очерки экономической и социальной жизни сельского населения новгородской области после присоединения Новгорода к Москве: в 2-х т.* // Т. 1. Сельское население Новгородской области по писцовым книгам 1495-1505г. Часть 1. Киев: Типография Императорского Университета Св. Владимира. 439 с.

10. Забелин, И. Е. (1905). *История города Москвы*. Москва: Т-во И. Н. Кушнеревъ и К°. 688 с.

11. Зимин, А. А. (2001). *Опричнина*. Москва: Территория. 450 с.

12. *Именной указатель ИПС «Боярские списки XVIII века»*. URL: http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl?action=people_alphabetical (дата обращения: 26.01.2023).

13. Киннам, И. (1859). *Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов (1118-1180)* / пер. проф. В. Н. Карпова. СПб.: Типография Григория Турусова. 333 с. URL: http://krotov.info/acts/12/2/kinnam_4.htm#_ftnref32 (дата обращения: 26.01.2023).

14. *Книга памяти. Хвостов, А. Н., Хвостова, А. И., Хвостова, Е. С.* URL: <http://pkk.memo.ru/page%202/KNIGA/Ха.html#x.16> (дата обращения: 26.01.2023).

15. Кривцов, Д. Ю. (2002). *Рассказ о поездке митрополита Алексея в Золотую Орду в литературных источниках и историографии* // Проблемы происхождения и бытования памятников древнерусской письменности и литературы. Нижний Новгород: ННГУ. С. 223-305. URL: <http://krotov.info/history/14/2/kriv2002.html> (дата обращения: 21.08.2022).

16. Курбский, А. М. (1868). *Сказания князя Курбского* / Под ред. Н. Г. Устрялова. СПб.: Тип. Императорской Академии наук. 494 с.

17. Лихачев, Н. П. (1888). *Разрядные дьяки XVI века*. СПб.: Тип. В. С. Балашева. 759 с.

18. Лицевой летописный свод. Русская летописная история: в 10-ти томах. Т. VIII. 478 с.

19. Новгородские писцовые книги: в 7-ми т. СПб.: Типография В. Безобразова и комп., 1868. Т. III. Переписная оброчная книга Вотской пятины 1500 года. Первая половина. 960 стб.
20. Норвич, Дж. (2005). *Нормандцы в Сицилии. Второе нормандское завоевание: 1016-1130 гг.* Москва: Центрполиграф. 368 с.
21. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции: в 21-й кн. Кн. XVI. Москва: Синодальная Типография, 1910. 519 с.
22. Писцовая Книга Ижорской земли. Т. I. 1618-1623. СПб.: Типография Имперской Академии наук, 1859. 132 с.
23. Писцовая книга Казанского уезда 1647-1656 годов. Москва: Институт Российской истории РАН, 2001. 541 с.
24. Полное собрание летописей: в 10 т. Продолжение летописи по воскресенскому списку. Том восьмой. VII. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1859. 317 с.
25. Правительствующий сенат: краткий исторический очерк и биографии сенаторов. СПб.: Типо-литография С.-Петербургской одиночной тюрьмы, 1912. 172 с.
26. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350. Оп. 2,
27. РГАДА. Ф. 1239. Оп. 49.
28. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола.
29. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1.
30. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 78.
31. Руммель, В. В., Голубцов, В. В. (1887). *Родословный сборник русских дворянских фамилий: в 2-х т.* СПб.: Издание А. С. Суворина. Т. 2. 918 с.
32. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией: в 40 т. Т. XXII. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1908. 528 с.
33. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией: в 40 т. Т. XXXI. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1914. 372 с.
34. Садиков, П. А. (1950). *Очерки по истории опричнины.* Москва-Ленинград: АН СССР. 594 с.
35. Тихомиров, М. Н. (1947). *Древняя Москва. XII-XV вв.* Москва: Тип. Высш. парт. школы при ЦК ВКП(б). 224 с.
36. Тихомиров, М. Н. (1966). *Средневековая Россия на международных путях (XIV-XV вв.).* Москва: Наука. 174 с.
37. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / под ред. А. А. Зимины. Москва-Ленинград: АН СССР, 1950. 456 с.
38. Управление ФСБ России по Саратовской области. Д. № ОФ-26998. 19 с.
39. Фрейман, О. Р. (1894). *Пажжи за 185 лет. Биографии и портреты бывших пажей с 1711 по 1896 г.* Фридрихсгамн: Типография Акционерного о-ва. 952 с.
40. Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. 26. Оп. 1.
41. Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. 2199. Оп. 1.
42. Черепнин, Л. В. (1950). *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв.* / под ред. С. В. Бахрушина. Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР. 594 с.
43. Черепнин, Л. В. (1960). *Образование русского централизованного государства в XIV-XV вв. Очерки социально-экономической и политической истории Руси.* Москва: Изд-во социально-экономической литературы. 899 с.
44. Чернявский, М. П. (1869). *Генеалогия господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869 год: с алфавитным указателем и приложениями.* Написано от руки. Тверь. XIII, 219 л. 470 с.
45. Шафров, Г. М. (2014). *Генеалогические таблицы по истории европейских государств.* Изд. 7-е. Москва-Екатеринбург-Ташкент: Уральское ИРО. 1391с.

46. Chalandon, Ferdinand. (1907). *Histoire de la domination normande en Italie et en Sicile*. Paris. A. Picard: en 2 tomes. Tome II. 830 p.
47. Choueiri, Y. M. (2008). *A Companion to the History of the Middle East*. John Wiley & Sons. 624 p.
48. Jacka, K. A. (2019). *The Book of Roger and the Creation of the Norman State Faculty of Arts and Social Sciences*. The University of Sydney. 273 p.
49. King, M. (2018). *The Norman Kingdom of Africa and the Medieval Mediterranean*. Ph.D. dissertation, University of Minnesota. Advisor: Michael Lower. 384 p. URL: https://conservancy.umn.edu/bitstream/handle/11299/196516/King_umn_0130E_19038.pdf (дата обращения: 21.08.2022).
50. *Rurikid Dynasty DNA Project*. URL: <https://www.familytreedna.com/public/rurikid/default.aspx?section=yresults> (дата обращения: 07.08.2022).
51. Schack, A. F. (1889). *Geschichte der Normannen in Sizilien*. Sieben Bücher. Stuttgart, Leipzig, Berlin, Wien: Deutsche Verlags. Unstalt. 378 s.

References

1. *Akty istoricheskoye, sobrannyye i izdannyye arkheograficheskoy komissiyey: v 5 t.* [Historical acts collected and published by the archeographic commission: in 5 volumes]. St. Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy E. I. V. Kantselyarii Publ., 1841. T. III. 1613-1645 [ed. S. S. Stroeva, M. A. Korkunova]. (in Russian).
2. Bagnovskaya, N. M., Botova, V. I. (2017). *Odna muzhskaya liniya iz roda Bassavol-Khvostovykh*. [The spear side of the Bassavol-Khvostovs] in *Istoricheskoye, filosofskoye, politicheskoye i yuridicheskoye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*. Gramota Publ., 12 (86), ch. 1, 30-38. (in Russian).
3. *Barkhatnaya kniga. Rodoslovnaya kniga Knyazey i Dvoryan rossiyskikh i vyezshikh: v 2-kh t.* [Velvet book. Genealogical book of Princes and Nobles of Russia and travelers: in 2 volumes]. Moscow, v Universitetskoy tipografii u N. Novikova Publ., 1787, Chast' II. (in Russian).
4. Berkh, V. N. (1833). *Sistemicheskiye spiski boyaram, okol'nichim i dumnym dvoryanam s 1468 goda do unichtozheniya sikh chinov*. [Systematic lists of boyars, devious and дума nobles from 1468 to the destruction of these ranks]. St. Petersburg, Kh. Gintse Publ. VIII. (in Russian).
5. Botova, V. I. (2021). *Kazanskiye Khvostovy i potomki moskovskogo tsysatskogo Alekseya Khvosta: dokazatel'stvo rodstva*. [Kazan branch of the Khvostov dynasty and descendants of Moscow military leader Aleksey Khvost: evidence for kinship] in *Manuskript*. Gramota Publ., t. 14, vyp. 4, 616-627. (in Russian).
6. Brokgauz, F. A., Yefron, I. A. (1890-1907). *Entsiklopedicheskiy slovar': v 86-i t.* [Encyclopedic Dictionary: in 86 volumes]. St. Petersburg, Semenovskaya Tipolitografiya I. A. Yefrona Publ. T. XXXIX. (in Russian).
7. *Gosudarstvennyy arkhiv Tverskoy oblasti (GATO)*. [State Archive of the Tver Region (GATO)]. F. 59. Op. 1. (in Russian).
8. *GATO*. [GATO]. F. 148. Op. 1. (in Russian).
9. Gnevushev, A. M. (1915). *Ocherki ekonomicheskoy i sotsial'noy zhizni sel'skogo naseleeniya novgorodskoy oblasti posle prisoyedineniya Novgoroda k Moskve: v 2-kh t.* [Essays on the economic and social life of the rural population of the Novgorod region after the annexation of Novgorod to Moscow: in 2 volumes]. T. 1. *Sel'skoye naseleniye Novgorodskoy oblasti po pistsovyim knigam 1495-1505g. Chast' 1*. Kyiv, Tipografiya Imperatorskogo Universiteta Sv. Vladimira Publ. (in Russian).

10. Zabelin, I. E. (1905). *Istoriya goroda Moskvy*. [History of the city of Moscow]. Moscow, T-vo I. N. Kushnerèv" i K° Publ. (in Russian).
11. Zimin, A. A. (2001). *Oprichnina*. [Oprichnina]. Moscow, Territoriya Publ., 450. (in Russian).
12. *Imennoy ukazatel' IPS «Boyarskiye spiski XVIII veka»*. [«Boyar lists of the 18th century»]. URL: http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl?action=people_alphabetical (date accessed: 25.08.2022).
13. Kinnam, I. (1859). *Kratkoye obozreniye tsarstvovaniya Ioanna i Manuila Komninov (1118-1180)*. [A Brief Review of the Reigns of John and Manuel Komnenos (1118-1180)]. [per. prof. V. N. Karpova]. St. Petersburg, Tipografiya Grigoriya Turusova. Kn. 4, 5. URL: http://krotov.info/acts/12/2/kinnam_4.htm#_ftnref32 (date accessed: 25.08.2022).
14. *Kniga pamyati. Khvostov, A. N., Khvostova, A. I., Khvostova, E. S.* [Memory book. Khvostov A. N., Khvostova A. I., Khvostova E. S.]. URL: <http://pkk.memo.ru/page%202/KNIGA/Xa.html#x.16> (date accessed: 25.08.2022).
15. Krivtsov, D. Yu. (2002). *Rasskaz o poyezdke mitropolita Alekseya v Zolotuyu Ordu v literaturnykh istochnikakh i istoriografii*. [The story of the trip of Metropolitan Alexei to the Golden Horde in literary sources and historiography]. In Problemy proiskhozhdeniya i bytovaniya pamyatnikov drevnerusskoy pis'mennosti i literatury. Nizhny Novgorod, NNGU, 223-305. URL: <http://krotov.info/history/14/2/kriv2002.html> (date accessed: 21.03.2022). (in Russian).
16. Kurbskiy, A. M. (1868). *Skazaniya knyazya Kurbskogo*. [Tales of Prince Kurbsky]. [Pod red. N. G. Ustryalova]. St. Petersburg, Tip. Imperatorskoy Akademii nauk Publ. (in Russian).
17. Likhachev, N. P. (1888). *Razryadnyye d'yaki XVI veka*. [Discharge clerks of the 16th century]. St. Petersburg, Tip. V. S. Balasheva Publ. (in Russian).
18. *Litsevóy letopísnyy svod. Russkaya letopisnaya istoriya: v 10 tomakh*. [Facial Chronicle. Russian chronicle history: in 10 volumes]. T. VIII. (in Russian).
19. *Novgorodskiy pistsovyye knigi: v 7 t.* [Novgorod scribe books: in 7 vols]. St. Petersburg, Tipografiya V. Bezobrazova i komp Publ., T. III. Perepisnaya obrochnaya kniga Votskoy pyatiny 1500 goda, Pervaya polovina, 1868. (in Russian).
20. Norvich, Dzh. (2005). *Normandtsy v Sitsilii. Vtoroye normandskoye zavoyevaniye: 1016-1130 gg.* [Normans in Sicily. Second Norman Conquest: 1016-1130]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., (in Russian).
21. *Opisaniye dokumentov i bumag, khraryashchikhsya v Moskovskom arkhive Ministerstva yustitsii: v 21-y kn.* [Description of documents and papers stored in the Moscow Archive of the Ministry of Justice: in the 21st book]. Kn. XVI. Moscow, Sinodal'naya Tipografiya Publ., 1910. (in Russian).
22. *Pistsovaya Kniga Izhorskoy zemli*. [Scribe Book of the Izhora Land]. T. I. 1618-1623. St. Petersburg, Tipografiya Imperskoy Akademii nauk Publ., 1859. (in Russian).
23. *Pistsovaya kniga Kazanskogo uyezda 1647-1656 godov*. [Scribe book of the Kazan district of 1647-1656]. Moscow, Institut Rossiyskoy istorii RAN Publ., 2001. (in Russian).
24. *Polnoye sobraniye letopisey: v 10 t.* [Complete collection of annals: in 10 volumes]. Prodolzheniye letopisi po voskresenskomu spisku. Tom vos'moy. VII. St. Petersburg, Tip. Eduarda Pratsa Publ., 1859. (in Russian).
25. *Pravitel'stvuyushchiy senat: kratkiy istoricheskiy ocherk i biografii senatorov*. [Governing Senate: a brief historical essay and biographies of senators]. St. Petersburg, Tipo-litografiya S.-Peterburgskoy odinochnoy tyur'my Publ., 1912. (in Russian).
26. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA)*. [Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA)]. F. 350. Op. 2. (in Russian).
27. *RGADA*. [RGADA]. F. 1239. Op. 49. (in Russian).
28. *RGADA*. [RGADA]. F. 210. Op. 9. Stolbtsy Moskovskogo stola. (in Russian).
29. *RGADA*. [RGADA]. F. 1209. Op. 1. (in Russian).

30. *RGADA*. [RGADA]. F. 1209. Op. 78. (in Russian).
31. Rummel', V. V., Golubtsov, V. V. (1887). *Rodoslovnyy sbornik russkikh dvoryanskikh familiy: v 2-kh t.* [Genealogical collection of Russian noble families: in 2 volumes]. St. Petersburg, Izdaniye A. S. Suvorina Publ., t. 2. (in Russian).
32. *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavayemaya Arkheograficheskoy komissiyey: v 40 t.* [Russian historical library, published by the archeographic commission: in 40 volumes]. T. XXII. St. Petersburg, Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov Publ., 1908. (in Russian).
33. *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavayemaya Arkheograficheskoy komissiyey: v 40 t.* [Russian historical library, published by the archeographic commission: in 40 volumes]. T. XXXI. St. Petersburg, Tipografiya M. A. Aleksandrova Publ. 1914. (in Russian).
34. Sadikov, P. A. (1950). *Ocherki po istorii oprichniny.* [Essays on the history of the oprichnina]. Moscow-Leningrad, AN SSSR Publ. (in Russian).
35. Tikhomirov, M. N. (1947). *Drevnyaya Moskva. XII-XV vv.* [Ancient Moscow. XII-XV centuries]. Moscow, Tip. Vyssh. part. shkoly pri TSK VKP(b) Publ. (in Russian).
36. Tikhomirov, M. N. (1966). *Srednevekovaya Rossiya na mezhdunarodnykh putyakh (XIV-XV vv.).* [Medieval Russia on international routes (XIV-XV centuries)]. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).
37. *Tysyachnaya kniga 1550 g. i Dvorovaya tetrad' 50-kh godov XVI v.* [The thousandth book of 1550 and the Yard notebook of the 50s of the 16th century], pod red. A. A. Zimina. Moscow-Leningrad, AN SSSR Publ., 1950. (in Russian).
38. *Upravleniye FSB Rossii po Saratovskoy oblasti.* [Directorate of the FSB of Russia for the Saratov region]. D. № OF-26998. 19. (in Russian).
39. Freyman, O. R. (1894). *Pazhi za 185 let. Biografii i portrety byvshikh pazhey s 1711 po 1896 g.* [Pages for 185 years. Biographies and portraits of former pages from 1711 to 1896]. Friedrichshamn, Tipografiya Aktsionernogo o-va Publ. (in Russian).
40. *Tsentrallyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Mordoviya.* [Central State Archive of the Republic of Mordovia]. F. 26. Op.1. (in Russian).
41. *Tsentrallyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Mordoviya.* [Central State Archive of the Republic of Mordovia]. F. 2199. Op.1. (in Russian).
42. Cherepnin, L. V. (1950). *Dukhovnyye i dogovornyye gramoty velikikh i udel'nykh knyazey XIV-XVI vv.* [Spiritual and contractual letters of the great and specific princes of the XIV-XVI centuries], redactor S. V. Bakhrushin. Moscow-Leningrad, AN SSSR Publ. (in Russian).
43. Cherepnin, L.V. (1960). *Obrazovaniye russkogo tsentralizovannogo gosudarstva v XIV-XV vv. Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy i politicheskoy istorii Rusi.* [The formation of the Russian centralized state in the XIV-XV centuries. Essays on the socio-economic and political history of Rus']. Moscow, Izd-vo sotsial'no-ekonomicheskoy literatury Publ. (in Russian).
44. Chernyavskiy, M. P. (1869). *Genealogiya gospod dvoryan, vnesennykh v rodoslovnuyu knigu Tverskoy gubernii s 1787 po 1869 god : s alfavitnym ukazatelem i prilozheniyami. Napisano ot ruki.* [Genealogy of gentlemen of the nobles, included in the genealogical book of the Tver province from 1787 to 1869: with an alphabetical index and applications. Handwritten]. Tver, XIII. (in Russian).
45. Shafrov, G. M. (2014). *Genealogicheskiye tablitsy po istorii yevropeyskikh gosudarstv. Izd. 7.* [Genealogical tables on the history of European states. Ed. 7th]. Moscow-Yekaterinburg-Tashkent, Ural'skoye IRO Publ. (in Russian).

XVII ВЕК

Шалак М. Е.
(Таганрог)

УДК 93/94

**ЦАРСКИЕ ГРАМОТЫ НА ДОН КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ДОНСКИХ КАЗАКОВ И МАЛЫХ НОГАЕВ
В КОНЦЕ XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВВ.**

Актуальность представленной статьи заключается в том, что на основе анализа царских грамот, посылаемых донским казакам в XVI-XVII вв., можно определить основные направления внешней политики Московского государства на южном пограничье, которые оно пыталось реализовывать через донское казачество, а также определить роль самого казачества во взаимоотношениях с малыми ногаями – одними из главных противников Москвы, наряду с турками и крымскими татарами, в Северо-Восточном Приазовье. Главным источником в нашем исследовании послужили грамоты русских царей, опубликованные ещё в 1864 г. редактором «Донских войсковых ведомостей» И. П. Прянишниковым. В результате применения историко-сравнительного и историко-типологического методов нами были сделаны выводы, что для Московского государства вопросы, связанные с выстраиванием взаимоотношений с Казыевым улусом (Малой Ногайской Ордой) посредством использования донских казаков, если и не являлись первостепенными, то, во всяком случае, играли далеко не последнюю роль во внешней политике на южном направлении в XVI-XVII вв. Метод измерения использовался нами при подсчете количественных сведений об основных акторах международных отношений, содержащихся в грамотах, отправляемых из Москвы на Дон, которые были нами сопоставлены для определения главных и второстепенных партнеров России на южном направлении. В контексте изучения взаимоотношений донского казачества с Малой Ногайской Ордой данные грамоты исследуются впервые.

Ключевые слова: малые ногаи, Казыев улус, донские казаки, Московское царство, царские грамоты, степное пограничье.

The relevance of the presented article lies in the fact that based on the analysis of the royal letters sent to the Don Cossacks in the XVI – XVII centuries, it is possible to determine the main directions of the foreign policy of the Moscow state on the southern border, which it tried to implement through the Don Cossacks, as well as to determine the role of the Cossacks themselves in relations with the little Nogai – one of the main opponents of Moscow, along with Turks and Crimean Tatars in the North-Eastern Azov region. The main source in our study was the letters of the Russian tsars, published back in 1864. the editor of the "Don military vedomosti" I.P. Pryanishnikov. As a result of the application of historical-comparative and historical-typological methods, we concluded that for the Moscow state, issues related to building relationships with the Kaziev ulus (The Little Nogai Horde) through the use of Don Cossacks, if not paramount, then, in any case, played a far from the last role in foreign policy in the southern direction in the XVI– XVII centuries. The measurement method was used by us when calculating quantitative information about the main actors of international relations contained in the certificates sent from Moscow to the Don, which we compared to determine the main and secondary partners of Russia in the southern direction. In the context of studying the relationship of the Don Cossacks with the Little Nogai Horde, these letters are studied for the first time.

Keywords: small Nogai, Kaziev ulus, Don Cossacks, Moscow Kingdom, royal letters, steppe frontier.

DOI: 10.24888/2410-4205-2023-34-1-72-80

Данное исследование представляет собой анализ царских грамот, отправленных на Дон в XVI – первой половине XVII вв., на предмет выявления сведений, относящихся к взаимоотношениям Московского правительства и Войска Донского с Казыевым Улусом (Малой Ногайской Ордой). Грамоты, изученные в ходе работы, сохранились в публикации И. П. Прянишникова «Материалы для истории Войска Донского. Грамоты», изданной в Новочеркасске в 1864 г. [6]. Хронологические рамки исследования охватывают время существования Малой Ногайской Орды (начало 1550-х – начало 1640-х гг.) как единого политического образования, соотносящегося с составным вожеством [12, с. 743; 13, с. 311-317]. Всего к изучаемому нами периоду относятся 15 грамот, содержащихся в издании И. П. Прянишникова. Это царские грамоты Ивана IV Васильевича 1571 г., Федора Ивановича 1584 г., 1592 г. и 1593 г., Михаила Федоровича от 18 марта и 8 октября 1614 г., 1615 г., 1617 г., 1623 г., 1625 г., 1628 г., 1633 г., 1634 г., 1637 г. и 1641 г. О Казыевом Улусе и «казыевых людях» сведения содержатся в 8-ми: это царские грамоты на Дон 1584, 1592, 1593, 1615, 1625, 1633, 1634 и 1641 гг. Для сравнения Азов и «азовские люди» упоминаются в 14 грамотах из обозначенных 15-ти; Турция и «турецкие люди» – в 13-ти; Крым и «крымские люди» – в 11-ти, большие ногаи – в 9-ти; черкесы – в 5-ти; запорожцы – в 4-х; Польша – в 4-х. Из этого следует, что Малая Ногайская Орда, хоть и не играла главную роль во внешней политике Русского государства, проводимой им на южном направлении в XVI-XVII вв., однако и ей уделялось далеко не последнее место в вопросах выстраивания международных отношений в регионе.

Первой грамотой к донским казакам, в которой упоминаются малые ногаи, является грамота царя Федора Ивановича от 31 августа 1584 г. В ней донским казакам и атаманам предписывалось соблюдать мир с османским Азовом на время выполнения миссии русского посланника Б. П. Благово к турецкому султану Мураду III (1574-1595). Эта грамота неоднократно исследовалась учеными на предмет изучения роста численности донского казачества, увеличения количества их поселений-городков, а также их месторасположения, времени возникновения и названия [7, с. 82; 8, с. 47; 1, с. 64; 2, с. 189]. В нашем же конкретном случае стоит обратить внимание на то, что царское правительство повелевает донским казакам первыми боевых действий не начинать, но если станет известно, «как воинские люди Крымские, и Казыева улуса и Нагаи пойдут войною на наши Украины», или будут возвращаться с полоном из Руси, то казакам следует подстергать на «перевозах» отряды кочевников, нападать на них и, по возможности, отбивать полоняников. За эту службу Москва обещала казакам выплачивать жалование [6, с. 3].

Кроме службы по контролю за перемещением отрядов крымцев, казыевцев и больших ногаев на русском степном пограничье, царь Федор просит казаков сопроводить возвращающееся из Стамбула посольство Б. П. Благово от Азова до Ряжска, «чтобы ему Казыева улусу и от Крымских людей, пройти здорово и безстрашно» [6, с. 3]. Таким образом, мы видим, что главную опасность на южном степном пограничье для Москвы представляли малые ногаи и крымские татары, зачастую действовавшие сообща во время набегов на русские «украины».

В царской грамоте к донским казакам от 21 марта 1592 г. также содержится требование прекратить боевые действия против Азова на время посольской миссии в Стамбул Г. А. Нащокина. Как и в аналогичной грамоте 1584 г., казакам вменяется в обязанность («а того бы есте берегли накрепко») на перевозах через Дон караулить воинские отряды крымцев и казыевцев, собирающихся на Русь или возвращающихся из набегов, и «промышлять над ними», за что Москва обещала платить жалование. Но по сравнению с предыдущей грамотой, в этой донцам вменялось действовать против крымских татар и малых ногаев совместно с сыном боярским Петром Хрущевым [6, с. 6]. Дело в том, что в 1592 г. царское правительство впервые попыталось поставить под свой контроль низовое Войско [7, с. 299]. Вме-

сте с посланником к султану Мураду III Г. А. Нащокиным на Дон прибыл П. Хрущев, который, по желанию русских властей, должен был встать в «головах» над казаками и местом его пребывания предполагалось сделать Раздорский городок, тогдашнюю столицу низового Войска Донского [5, с. 165; 7, с. 238, 285]. Но казаки решительно воспротивились этому. В статейном списке Г. А. Нащокина говорится, что, будучи на стану у посла 4 июня 1592 г., они заявили: «а голов у нас не бывало, служивали своими головами, и ныне деи ради государю служить своими головами, а не с Петром» [7, с. 286].

Также в грамоте казакам предписывалось, как и прежде, сопровождать на обратном пути посольство Г. А. Нащокина от Азова до Ряжска, оберегая от возможного нападения людей «Казыева улуса и от Крымских людей» [6, с. 7]. То есть, на основе анализа информации из двух приведенных нами грамот становится ясно, что охрана перевозов через Дон от малых ногаев, на случай их походов на русские укрaines, была обычным для казаков делом. Однако заниматься им они хотели без надзора со стороны представителей Московского государства. Так же мы видим, что опасения у России вызывала безопасность посольств во время следования их через донские степи, где главную угрозу представляли казыевцы и крымцы.

На следующий год правительство царя Федора Ивановича вновь шлет грамоту на Дон. Это последняя царская грамота из собрания Прянишникова, относящаяся к XVI в., и датируется она 20 апреля 1593 г. Как и в двух предыдущих грамотах 1584 г. и 1592 г., правительство требует от казаков, чтобы те прекратили боевые действия против Азова, покуда в османскую крепость не вернется из Турции посол Г. Нащокин, отправленный туда годом ранее. При этом для встречи турецкого посла (чауша), который должен был прибыть в Азов вместе с Нащокиным, на Дон прибыл воевода князь Г. К. Волконский. Но в отличие от уже рассмотренных нами грамот, в грамоте 1593 г. Москва от просьб переходит к угрозам. В частности, за несоблюдение мира с Турцией царь Федор обещает возложить «опалы» и «казни» на казаков, послать против них «большую рать» и поставить «город на Раздорех» [6, с. 8-9]. Следовательно, можно предположить, что казаки не очень-то считались с требованиями царского правительства во главе с Б. Ф. Годуновым и нередко нарушали международные обязательства Московского государства.

Чем примечательна грамота 1593 г., так это тем, что помимо традиционной просьбы сторожить перевозки на Дону, казакам впервые предписывалось перейти к активным наступательным действиям. В частности, царь Федор велел донцам идти под Азов на улусы малых ногаев, а также за Дон, на р. Кальмиус, на расположенные там ногайские кочевья Дивеева улуса. Причем они должны были примкнуть к большим ногаям, ведомым из-за Волги детьми боярскими Леонтием Пановым и Никитой Башиным, «и вы бы с ними сопча промышляли, и на Крымские и на Нагайские улусы на Арасланаевы, и на Казыев улус с ними шли и за Дон их перевозили и убытка им никотораго нечинили» [6, с. 10]. Здесь есть очень важное уточнение, относительно месторасположения ногайских кочевий. Так, казаки должны были идти «под Азов», где располагались кочевья Казыева улуса и «за Дон», на правую, крымскую сторону, на Кальмиус, где кочевали ногаи Дивеева улуса, находящиеся в прямом подчинении от Крымского ханства [12, с. 455, 592, 619; 9, с. 36].

О том, что донские казаки выполнили требования царя Федора и ходили на Казыев улус, мы узнаем из грамоты на Дон от 31 июля 1594 г. Эта грамота опубликована в другом сборнике документов, относящихся к истории Войска Донского, собранных генерал-майором А. А. Лишиным и изданных в Новочеркасске в 1891 г. [3]. В частности, в ней говорится, что казаки ходили на Казыев улус и действовали против азовских людей, решивших выступить в поход на русские земли, и «многих азовских людей и Нагай Казыева побиили и улусы их нагайские воевали и жгли, жон их и детей секли и в полон имали, да отполонили руссаго полону шесть сот тридцать человек» [3, с. 4]. За это казакам в 1594 г. было послано жалование с сыном боярским В. Биркиным. Здесь содержится всё то же требование сте-

речь на перевозах через Дон и Северский Донец отряды крымцев, азовцев и казыевцев и «промышлять» над ними. В ответ на эти враждебные действия со стороны степняков, казакам вменялось ходить в набеги под казыевские улусы, но ничего не говорится об ответных рейдах на Азов и улусы Крымского ханства. Получается, что османов и крымцев донские казаки должны были только сдерживать, а вот по отношению к казыевцам можно было вести себя совершенно без оглядки на международные обязательства Москвы. В заключении донцам предписывалось проводить на обратном пути из Турции посольство Д. Истленьева, «чтоб ему от Казыева улуса и от крымских людей пройти здорово и безстрашно» [3, с. 5].

Следующая царская грамота на Дон, содержащаяся в собрании Прянишникова, относится уже к 1614 г. Этот двадцатилетний перерыв в общении между Москвой и донским казачеством можно объяснить разразившейся в России Смутой и активным участием в ней донских казаков. Кроме того, правительство Бориса Годунова сознательно стремилось к ослаблению связей между Россией и Доном, опасаясь, и не безосновательно, что пребывание казаков в пределах Московского государства только усугубит и без того взрывоопасную социальную ситуацию [7, с. 287]. Однако уже к концу Смуты и Москва, и войско Донское стали осознавать насущную потребность в восстановлении отношений. Поэтому уже в 1614 г. на Дон был отправлен И. Опухтин с царской грамотой и жалованием [3, с. 6].

В грамоте царя Михаила Федоровича, составленной в сентябре 1615 г., донским казакам предписывается встречать и провожать царских послов и посланников, отправляющихся не только в Стамбул, как было прежде, но и «в Нагаи больше и в малые», за что им предоставлялось право свободно приезжать в украинные города с военной добычей и продавать её без всяких налоговых притеснений со стороны воеводской администрации [6, с. 23]. Получается, что теперь Москва вынуждена была налаживать дипломатические контакты с ногаями Большой и Малой Орд. Ослабленная Смутой Россия, таким образом, пыталась обезопасить свои пограничные земли от постоянных ногайских набегов.

В следующий раз Казыев улус упоминается в грамоте царя Михаила Федоровича от 22 октября 1625 г. В ней говорится о том, что малые ногаи совершают набеги на российские украинны практически каждый год – «приходят и воюют мало не ежелеть» [6, с. 43]. При этом казакам ставится в вину, что они перестали следить за передвижениями казыевцев – «а от вас к нам помочи нет ни котория» – и охранять перевозки через Дон. Обвиняет царское правительство казаков и в том, что, несмотря на запрет ходить в морские и сухопутные походы на Турцию и Крым, донцы продолжали заниматься своим привычным воинским «промыслом». Только за 1625 г. известно три крупных боевых похода донцов против своих «извечных» противников. Так, в мае 1625 донцы вместе с запорожцами ходили в морской поход на Трапезунд [7, с. 371]. В том же году 5000 казаков попытались взять Азов, но не смогли, ограничившись захватом одной из двух башен на протоке Каланча. Ещё 1300 казаков на 27 стругах вышли в море «для промысла» [4, стб. 235-236]. Следовательно, можно с уверенностью говорить, что на требования Москвы соблюдать мир с Османской империей и Крымским ханством, донское казачество не реагировало. Поэтому в царской грамоте четко указывалось, что если в результате этого своеволия донцов османы и крымцы пойдут в поход на Россию, то «все взочнется и кровь крестьянская прольется от вас» [6, с. 43].

Грамота царя Михаила Федоровича от 15 апреля 1633 г., по сути, целиком посвящена вопросам взаимоотношений Московского государства с Малой Ногайской Ордой. В начале, как обычно, царское правительство повелевает казакам нападать на казыевские и крымские отряды, которые отправляются в набег на русские земли, «промышляти на походе, и на перелазех, и на перевозех, чтоб над ними поиск учинити», захватывать языков и отбивать русский полон [6, с. 49]. Затем в грамоте сообщается, что 22 февраля 1633 г. казакам стало известно о готовящемся крупном нападении крымцев и казыевцев на Русь. Чтобы всё хорошенько разузнать, казаки совершили нападение на один из татарских отрядов на «крымской» (правой) стороне, на р. Быстрой, и разгромили его [4, стб. 351-352]. Возможно, речь

идет о левом притоке Северского Донца. От захваченных в ходе этого рейда языков донцы узнали, что приход большого татарского войска на русские пограничные земли ожидается на светлой седмице или перед ней (Пасха в 1633 г. пришлась на 21 апреля по Юлианскому календарю). Можно предположить, что под этим большим походом татар на Русь имелся ввиду поход крымского царевича Мубарек-Гирея, сына Джанибек-Гирея, который как раз состоялся в конце апреля – августе 1633 г. [9, с. 214-215].

После этого казаки ходили в набег под ногайские улусы на «ногайской» (левой) стороне Дона и взяли ещё двух языков. Собрав круг, донцы решили отправить двух языков, добытых на крымской и ногайской стороне, в Москву вместе со станицей 10 марта 1633 г. А остальных языков было решено порубить, поскольку отправлять их в Москву сочли нецелесообразным из-за дальности и трудности пути [6, с. 50; 4, стб. 352].

Далее в царской грамоте приводятся сведения о прошлых «неправдах» малых ногаев по отношению к Москве, обосновывая тем самым перед казаками законность грядущего на них возмездия. Так, в частности сообщается, что ещё в 1627 г. астраханский воевода П. Головин писал в Москву, что к нему в Астрахань прибыли люди малонагайского бия Касая (Касима) б. Ислама с грамотой. В этой грамоте бий сообщал, что он со всеми своими улусными людьми Шейдякова родства отложился от Крымского царя и с двумя другими казыевскими кланами – Ураковых и Мамаевых, находится в «недружбе». Касай просил русского царя принять его «с братьею своею и с детьми и с пляменниками и с улусными людьми» в холопство. В подтверждение своих намерений стать вассалом Российского государства бий Касай прислал в Астрахань своего сына Науруса с лучшими людьми, который принес шерть за весь Казыев улус (читай только за Шейдяково родство) быть навеки неотступным от России, а также не ходить войной и не посылать своих людей на русские окраины. Для скрепления шерти Наурус оставил в Астрахани заложников (аманатов) и отпущен был к отцу с царским жалованием за службу [6, с. 51].

Кроме князя Касая в российское подданство попросились лидеры остальных малонагайских «родств» – Али б. Хорошай Ураков (племянник основателя Казыева улуса Гази б. Урака), Бий б. Ахмед Мамаев (племянник второго казыевского бия Якшисаата б. Мамая) и Аллакувват б. Азамат Ураков (племянник Али б. Хорошай) [6, с. 52; 12, с. 567, 874]. Эти казыевские предводители также поклялись не ходить войной на русские земли и обязались прислать в Астрахань аманатов из числа своих братьев, детей и племянников. Однако, как следует из текста грамоты, князь Касай и малонагайские мирзы нарушили шерть, прислав «худых» аманатов и продолжив нападать на Российское государство, «убытки украинам нашим починили многие» [6, с. 52].

В частности, в грамоте говорится, что в августе 1632 г. казыевские «многие» люди приходили вместе с крымцами на Русь и увели в полон многих людей. К тому же в 1633 г. в Москву писал астраханский воевода И. Салтыков, что ему стало известно от его посланников к большим ногаям, что из прошлогоднего совместного с крымскими татарами похода на Русь, казыевцы так много увели ясыря, что продавали его за дарма – молодых «за человека по чомъ проса», а старых просто секли, поскольку их никто не покупал [6, с. 52].

От того же астраханского воеводы Салтыкова в Москве стало известно, что вернувшиеся из похода казыевцы зазимовали в степи, а по весне к ним присоединилось ещё много желающих пожить на российских окраинах. К тому же в Астрахань прибыл бий Большой Ногайской Орды Касай (Канай б. Динбай) с братьями, племянниками и мирзами большеногайскими, едисанскими и юртовскими, и жаловался на бия Малой Ногайской Орды Касая (Касима) и его мирз, что те не соблюдают своей клятвы и ходят в набеги на русские земли вместе с крымскими татарами, приводя в пример всё тот же набег 1632 г. При этом выход из сложившейся ситуации бий больших ногаев видел в совместном походе на Казыев улус русских ратных людей и людей Большой Ногайской Орды, а также Едисанской Орды и юртовских татар в общем количестве двадцать тысяч человек [6, с. 53]. То есть, идея нака-

зания Казыева улуса за все его неправды и притеснения исходила якобы даже не из Москвы, а от самих татар, уставших от злодеяний своих соплеменников!

Ко всему вышеперечисленному, в довесок, в царской грамоте к донским казакам сообщалось, что в 1633 г. из Москвы был отпущен турецкий посол Фома Кантакузен вместе с русскими послами в Турцию Я. Дашковым и М. Сомовым [10, с. 116]. Посольство двигалось сухим путем на Валуйки, а оттуда на Азов. И вот, когда послы с сопровождающими их ратными людьми находились в двух днях пути от Валуек, на них совершили нападение малые ногаи. После нескольких дней осады послы смогли насилу отбиться от нападавших казыевцев, понеся большие убытки [6, с. 53–54].

В конце концов, перечислив все те «пакости» и «неправды», которые творили бий Касай (Касим) и малые ногаи, царское правительство решило примерно наказать Казыев улус, организовав против него широкомасштабный поход. Во главе объединенного войска решено было поставить князей В. И. Туренина и П. И. Волконского. К ратным людям двух воевод должны были также присоединиться дети боярские и иноземцы понизовых городов, стрельцы и дворяне из Астрахани, большие ногаи бия Касая (Каная), едисанские и юртовские татары, донские, запорожские, терские и гребенские казаки, терские служилые люди и «новокрещены», а также черкесские и кумыкские князья со своими мурзами и узденями [6, с. 54]. Как видим, поход планировалось провести с привлечением максимального количества союзников и вассалов Московского государства.

Место и время сбора ратей должны были определить сами московские воеводы, о чем им надлежало отписать к Войску Донскому. Донским же казакам предписывалось, по получению грамот от В. Туренина и П. Волконского, незамедлительно идти на встречу к воеводам, и чтоб донцы «над Казыевскими мурзами промышляли и улусы их разоряли, и улусных людей побивали, и жен и детей в полон имали, чтоб вам Казыев улус, за их пред нами многие неправды и разоренья Государства нашего, до конца разорить и искоренить, чтоб им неповадно было впредь воровать, на наши украины войною приходить, и Государство наше опостошить» [6, с. 55]. Как видим, в Москве предполагали уничтожить Малую Ногайскую Орду полностью.

В то же время царское правительство предполагало и возможность того, что на момент получения грамоты донскими казаками, какие-то казыевские отряды могли быть в набегах на русских окраинах. В таком случае донцы должны были самостоятельно эти отряды малых ногаев из России выбить. За участие в походе против Малой Ногайской Орды царь Михаил обещал казакам своё царское жалование. Тем же казакам, которые останутся на Дону, надлежало пристально следить за всеми перемещениями по степи крымских татар, а также выведывать замыслы крымского хана и царевичей. Обо всем об этом, а также о том, кого казаки решат отправить в поход на Казыев улус, следовало незамедлительно отписать в Москву [6, с. 56].

События похода 1633 г. на Малую Ногайскую Орду и участие в них донских казаков описаны достаточно подробно в научной литературе [9, с. 218-220; 11, с. 237-241; 7, с. 374-375]. В феврале 1634 г. царское правительство отправило на Дон грамоту, из которой мы узнаем ряд интересных обстоятельств как относительно самого этого военного предприятия, так и непосредственного участия в нем донцов. Согласно грамоте, казаки отписались в Москву со станицей атамана Макара Степанова о проделанной «работе». Так, следуя царскому предписанию, донцы отправили в Астрахань станицу к русским воеводам для получения дальнейших указаний относительно казыевского похода. В Астрахани они воевод уже не застали, а встретили их где-то в степи, причем уже без князя В. И. Туренина, погибшего вследствие несчастного случая на охоте [9, с. 219].

15 августа 1633 г. казаки «с большим нарядом» выступили в поход. Оставшиеся на Дону должны были следить за тем, чтобы крымцы не перешли на ногайскую сторону для помощи малым ногаям, да и сами малые ногаи не смогли уйти на крымскую сторону. Через

неделю, 21 августа, не дойдя до русского войска под руководством воеводы П. И. Волконского, казаки наткнулись в степи на казыевские улусы мирз Атманая, Казыя, Мамаю, Ислама, Исмаила, Аллата (Аллакувата?) и Шаима (Шейх-Мухаммеда). Казаки разгромили малоногайских мирз, захватив в полон более 2 тысяч человек с женщинами и детьми. Пленники рассказали казакам, что ногайские мирзы шли к Азову с целью перехода через Дон на крымскую сторону [6, с. 58].

Однако воевода П. Волконский доносил в Москву совершенно другую информацию. В частности, в своей отписке воевода сообщал, что 30 июля 1633 г. к нему, стоявшему с войском в урочище Каракуголь на р. Куме, недалеко от Можарского городища, прибыли посыльные от донских казаков во главе с Иваном Тимофеевым и отпиской, что в скором времени сюда придут основные силы с Дона. Прождав на Можарах до 16 августа и не дождавшись казаков, П. Волконский самостоятельно выступил против казыевцев и разгромил их улусы, захватив большой полон. После этого русские ратники и принимавшие в походе на Казыев улус мирзы больших ногаев пошли к Астрахани разными дорогами. 27 августа воевода Волконский прибыл на р. Челбас, куда к нему приехал его станичник с сообщением, что сюда, на соединение с воеводой, идут 600 казаков во главе с атаманом Иваном Каторжным. А расположились казаки на Челбаских вершинах в двух днях пути от русского лагеря. За день до этого, 26 августа, к П. Волконскому прибыл от донских казаков Я. Назаров, который рассказал, что на встречу к воеводе с Дона вышло 300 казаков и 200 татар во главе с атаманом И. Каторжным. На Челбаских вершинах казаки напали на кековата Большой Ногайской Орды Джан-Мухаммеда б. Дин-Мухаммеда, союзника Москвы в походе на Казыев улус, и разгромили его, захватив 1,5 тысячи ясыря, более 2 тысяч лошадей и другого скота. После погрома больших ногаев казаки собрали круг, на котором решили возвращаться с добычей на Дон, не встречаясь с воеводой Волконским [6, с. 60].

После этого в Москву жаловался сам разгромленный мирза Джан-Мухаммед. Он писал, как вместе с князем П. Волконским участвовал в разгроме Малой Ногайской Орды, захватив большой ясырь и отбив русских пленных. Затем, опасаясь своих врагов – большеногайских мирз Тинбаевых во главе с бием Канаем (Касаем), а также Урмаметевых и Урусовых, кековат пошел к Астрахани другой дорогой, через р. Маныч. И тут на них и напали донские казаки, забрав всю их добычу, полученную во время казыевского погрома [6, с. 60]. Выходило так, что казаки разгромили вовсе не малых ногаев, а больших – союзников России. При этом в своей отписке в Москву они просто обманывали царское правительство, сообщая, что выполнили все требуемые от них на время похода против Казыева улуса действия.

Исходя из полученных сведений и разобравшись в ситуации, правительство царя Михаила Федоровича потребовало от донских казаков, чтобы те немедленно возвратили все отбитое у Джан-Мухаммеда, отослав к нему под Астрахань. А отбитый у ногаев русский полон надлежало отправить в Москву с «росписью». При этом казакам строго-настрого запрещалось продавать или обменивать захваченных в походе больших ногаев казыевцам или туркам в Азове [6, с. 62]. Это сообщение очень важно для нас, поскольку позволяет заключить, что кроме боевых действий, донские казаки вели и торговлю с ногаями Казыева улуса, продавая им или обменивая захваченных пленников.

Последняя в обозначенном нами хронологическом отрезке грамота датируется 2 декабря 1641 г. Она сообщает о событиях знаменитого Азовского осадного сидения. Относительно темы нашего исследования, в грамоте говорится о том, что вместе с турецким войском в 1641 г. под Азов пришли «Малой Нагаи со всеми мурзами и со всеми черными людьми» [6, с. 70].

Таким образом, подводя итог, можно заключить, что взаимоотношения Московского государства с Малой Ногайской Ордой занимали важное место в переписке с Войском Донским. Как мы увидели, царское правительство пыталось реализовывать свои планы относи-

тельно Казыева улуса через донских казаков. Как правило, эти планы заключались в сдерживании малых ногаев посредством предотвращения возможности совершать ими набеги на русские уклады самостоятельно либо вместе с крымскими татарами. Кроме оборонительной политики по отношению к Казыеву улусу, донским казакам разрешалось совершать наступательные боевые действия, нападая на ногайские кочевья в глубине их территории. Итогом этой политики стала организация совместного похода на Казыев улус летом 1633 г. с целью полного уничтожения Малой Ногайской Орды. Участие донских казаков в этом походе можно считать весьма сомнительным в плане оказания военной помощи русским войскам. К тому же, следует учитывать, что помимо сугубо боевых действий между донскими казаками и малыми ногаями, этих обитателей степного пограничья связывали куда более сложные взаимоотношения, выражающиеся и в мирном сосуществовании, подтверждение чему мы находим в царских грамотах на Дон, в которых казакам запрещалось продавать захваченный в походах ясирь ногаям Казыева улуса. Однако за скудостью сообщений в источниках эта тема требует дальнейшей серьезной проработки.

Список источников и литературы

1. Аваков, П. А. (2005). *О времени возникновения города Аксая* // Рубикон: Сб. научных работ молодых ученых. Вып. 35. Ростов-на-Дону. С. 63-74.
2. Аваков, П. А. (2006). *О времени основания и происхождении названия Черкасского городка* // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 13. Ростов-на-Дону. С. 178-201.
3. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишиным. Новочеркасск: Типография А. А. Карасева, 1891. Т. 1. 321 с.
4. Донские дела. Книга 1. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1898. 559 с.
5. Королев, В. Н. (2006). *Донские казачьи городки*. Ростов-на-Дону: Информационно-издательский центр «Дончак». 400 с.
6. Материалы для истории Войска Донского. Грамоты. Сост. И. П. Прянишников. Новочеркасск: В Войсковой типографии, 1864. 332 с.
7. Мининков, Н. А. (1998). *Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.)*. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та. 512 с.
8. Мининков, Н. А., Рыблова, М. А. (2020). *Формирование и пополнение казачьих обществ на Дону* // История донского казачества: коллективная монография: в 3 т. Ростов н/Д: Омега Паблишер. Том I. Донское казачество в середине XVI – начале XVIII в. С. 43-55.
9. Новосельский, А. А. (1948). *Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века*. Москва; Ленинград: Издательство АН СССР. 448 с.
10. Обзор посольских книг из фондов, хранящихся в ЦГАДА (конец XV – начало XVIII в.) (1990) / сост. и автор вступ. ст. Н. М. Рогожин. Москва: Институт истории СССР АН СССР. 240 с.
11. Сухоруков, В. Д. (1869). *Историческое описание земли Войска Донского*. Новочеркасск: Издание Войскового Статистического Комитета. Т. 1. 292 с.
12. Трепавлов, В. В. (2020). *История Ногайской Орды*. Москва: Квадрига. 1040 с.
13. Шалак, М. Е. (2020). *Проблемы организации верховного управления в Малой Ногайской Орде в XVI-XVII вв.* // Управление государственное, муниципальное и корпоративное: теория и лучшие практики: материалы Пятой международной научно-практической конференции (16-17 октября 2020 г.). Ростов н/Д: ФГБОУ ВО РГУПС. С. 311-317.

References

1. Avakov, P. A. (2005). *O vremeni vozniknoveniya goroda Aksaya* [About the time of the origin of the city of Aksai] in Rubikon. Sb. nauchnykh rabot molodykh uchenykh. Issue 35. Rostov-on-Don, 63-74. (in Russian).
2. Avakov, P. A. (2006). *O vremeni osnovaniya i proiskhozhdenii nazvaniya Cherkasskogo gorodka* [About the time of foundation and the origin of the name of Cherkassy town] in Izvestiya Rostovskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya. Issue 13. Rostov-on-Don, 178-201. (in Russian).
3. Korolev, V. N. (2006). *Donskie kazach'i gorodki* [Don Cossack towns]. Rostov-on-Don, Information and publishing Center «Donchak». (in Russian).
4. Mininkov, N. A. (1998). *Donskoe kazachestvo v epokhu pozdnego srednevekov'ya (do 1671 g.)* [Don Cossacks in the Late Middle Ages (before 1671)]. Rostov-on-Don, Rostov University Publ. (in Russian).
5. Mininkov, N. A., Ryblova, M. A. (2020). *Formirovanie i popolnenie kazach'ikh soobshchestv na Donu* [Formation and replenishment of Cossack communities on the Don] in Istoriya donskogo kazachestva: kollektivnaya monografiya: v 3 t. Rostov-on-Don, Omega Publisher Vol., 1, Donskoe kazachestvo v seredine XVI – nachale XVIII v., 43-55. (in Russian).
6. Novosel'skiy, A. A. (1948). *Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoy polovine XVII veka* [The struggle of the Moscow state with the Tatars in the first half of the XVII century]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR. (in Russian).
7. *Obzor posol'skikh knig iz fondov, khranyashchikhsya v TsGADA (konets XV – nachalo XVIII v.)* (1990) [Review of embassy books from the funds stored in the TSGADA (late XV – early XVIII century.)], sost. i avtor vstup. st. N. M. Rogozhin. Moscow, Institut istorii SSSR AN SSSR. (in Russian).
8. Sukhorukov, V. D. (1869). *Istoricheskoe opisanie zemli Voyska Donskogo* [Historical description of the land of the Don Army]. Novocherkassk, Izdanie Voyskovogo Statisticheskogo Komiteta, vol. 1. (in Russian).
9. Trepavlov, V. V. (2020). *Istoriya Nogayskoy Ordy* [The history of the Nogai Horde]. Moscow, Quadriga. (in Russian).
10. Shalak, M. E. (2020). *Problemy organizatsii verkhovnogo upravleniya v Maloy Nogayskoy Orde v XVI-XVII vv.* [Problems of the organization of the Supreme Administration in the Little Nogai Horde in the XVI-XVII centuries] in Upravlenie gosudarstvennoe, munitsipal'noe i korporativnoe: teoriya i luchshie praktiki: materialy Pyatoy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (16-17 oktyabrya 2020 g.). Rostov-on-Don, FGBOU VO RGUPS, 311-317. (in Russian).

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Гаврилова Е. И.
(Воронеж)

УДК 94(47+57)

**ИЗ «МЕЩАНСКОГО МЫСЛИТЕЛЯ» В «НЕПОЗНАННЫЕ ГЕНИИ»:
Я. В. АБРАМОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XXI ВЕКА**

Статья посвящена истории изучения взглядов и деятельности известного идеолога правого народничества 80-90-х гг. XIX в. Я. В. Абрамова. Долгое время его имя ассоциировалось только с разработкой теории «малых дел» как ядра идеологии умеренно правого народничества. Устойчивый интерес к идейному наследию Абрамова пробудился только в 1990-е гг. на волне пересмотра отношения к сторонникам мирного общественного прогресса. А к настоящему времени из «второстепенного» писателя и публициста, каким считали Абрамова на рубеже XIX-XX вв., он уже дорос до «властителя дум» и «непознанного гения». Пытаясь разобраться в причинах данной метаморфозы, автор последовательно разбирает труды дореволюционных, советских и современных исследователей так называемой «абрамовщины» и приходит к выводу о том, что с самого начала отношение к Абрамову как теоретику «культурного» народничества было крайне идеологизированным и в его интеллектуальной биографии до сих пор много белых пятен. Особое внимание уделяется работам земляков Абрамова (Т. П. Агапкина, С. Я. Новак, В. В. Зверев, В. М. Головки и др.), которым удалось привлечь внимание современных исследователей к его идейному наследию. В заключении статьи определен круг вопросов, нуждающихся в дальнейшем изучении. И это не только пробелы в биографии народника-культурника, но и главный вопрос: был ли Абрамов «отцом» теории «малых дел» или его следует рассматривать как теоретика «великой культурной работы», на чем настаивают исследователи В. М. Головки и Г. Н. Мокишин.

Ключевые слова: Я. В. Абрамов, историография, народничество, народники-культурники, теория «малых дел».

The article is devoted to the history of research of views and activity of Y. Abramov, a well-known ideologist of right-wing populism in the 80-s - 90-s of the XIX century. For a long time his name has been associated only with the development of the theory of "small deeds" as the core of the ideology of moderate right-wing populism. A sustained interest in Abramov's ideological legacy was awakened only in the 1990s on the wave of revision of attitudes toward supporters of peaceful social progress. And by now Abramov has grown from a "minor" writer and publicist, as Abramov was considered to be at the turn of the 19th-20th centuries, to a "ruler of thoughts" and an "unknown genius". Trying to understand the reasons for this metamorphosis, the author consecutively examines the works of pre-revolutionary, Soviet and modern researchers of the so-called "Abramovshchina" and comes to the conclusion that from the very beginning the attitude to Abramov as a theorist of "cultural" populism was highly ideological and there are still many blank spots in his intellectual biography. Special attention is paid to the works of Abramov's countrymen (Agapkin, Novak, Zverev, Golovko and others), who managed to attract the attention of modern researchers to his ideological legacy. In the conclusion of article the circle of questions which need the further studying is defined. And these are not only the gaps in the biography of the populist-culturist, but also the main question: was Abramov the "father" of the theory of "small deeds"?

or should he be regarded as a theorist of "great cultural work", as the researchers Golovko and Mokshin insist.

Keywords: Y. V. Abramov, historiography, populism, populists-culturniks, the theory of "small deeds".

DOI: 10.24888/2410-4205-2023-34-1-81-93

Известный писатель и публицист культурно-народнического направления Яков Васильевич Абрамов (1858-1906) до недавнего времени не пользовался большой популярностью ни у филологов, ни у народниковедов. А причина тому – не очень благовидная репутация основоположника теории «малых дел», которую создал ему Н. В. Шелгунов в самом конце 1880-х гг. Якобы, став публицистом право-народнической «Недели», Абрамов отказался от идейного наследия русских демократов 1840-1860-х гг., примирился с действительностью и превратился в идеолога мещанства (образно говоря, в «мещанского мыслителя»¹). Данную мысль разовьет в начале XX века П. Б. Струве в заметке о Н. В. Шелгунове и его битвах с «абрамовщиной» [43, с. 24, 27]. В скором времени этот термин станет вторым названием теории «малых дел».

Понятно, что такие статьи не добавляли популярности Я. В. Абрамову, который на тот момент еще проживал у себя на родине в Ставрополе. От «абрамовщины» попытались отгородиться даже правые народники, когда в начале XX века взялись за написание истории «культурного» народничества. Так, Е. Д. Максимов – первый биограф С. Н. Кривенко, стремясь восстановить доброе имя своего покойного товарища, попытался доказать, что «культурническая» программа и тактика, которые этот публицист развивал в 1890-е гг. на страницах «Нового слова» и «Сына отечества» (где активно сотрудничал Абрамов), с так называемой теорией «маленьких дел» ничего общего не имеют [29, с. 294].

На рубеже XIX-XX вв., судя по статьям в тогдашней справочной литературе, Абрамов считался «второстепенным» писателем и публицистом, хотя и очень плодовитым. Однако пройдет сто лет и благодаря развитию отечественного народниковедения он уже дорастет до «властителя дум» и «непознанного гения» [45; 53]. Из всех народников-культурников 1880-1890-х гг. только Абрамов попал в «Российскую историческую энциклопедию» (как «отец» теории, давшей название целой эпохе – «малых дел») [52]. Ни И. И. Каблиц, ни С. Н. Кривенко не удостоились такой чести.

Задачи данной статьи – проследить эту удивительную метаморфозу и попытаться дать ей объяснение.

До 1917 года информацию о жизни и взглядах Абрамове можно было найти только в тогдашней справочной литературе. Например, в словаре С. А. Венгерова была помещена автобиография публициста и изложено его жизненное кредо: «энергическая» помощь народу в его «трудной борьбе с кулачеством и быстро нарождающейся... буржуазией» (в ущерб отодвигаемым на второй план общественно-политическим вопросам). Здесь же приводится наиболее полный перечень книг и статей Абрамова в различных печатных изданиях («Отечественные записки», «Слово», «Устой», «Неделя» и др.), свидетельствующий об устойчивом интересе народника к истории раскола, деятельности органов земского самоуправления и к жизни его родины – Северного Кавказа. Однако эти сведения доходят лишь до 1886 г. [7].

Похожую характеристику Абрамова как общественного деятеля (но уже более идеологизированную) мы находим в статье А. Г. Фомина для «Нового энциклопедического сло-

---

* Я. В. Абрамов происходил из мещан г. Ставрополя-Кавказского. «Мещанский мыслитель» – название одного из его автобиографических рассказов. Однако Н. В. Шелгунов понимал под «мещанством» не городское сословие, а уозсть мышления, сосредоточенного на задачах текущего дня.

варя». По мнению автора, Абрамов является представителем чересчур одностороннего течения в народничестве, которое по его имени получило название «абрамовщина». Ее суть – отказ от «больших дел» (стремления к «пересозданию общественного строя») и сосредоточение внимания и энергии интеллигенции на «малых делах» и «тихой культурной работе», а именно: призыв «идти в учителя, земские врачи, бороться с кулачеством и т.п.» [46].

В других работах данного периода Абрамов упоминается вскользь, но тоже в основном в контексте критики теории «малых дел». Например, С. Венгеров, М. Миклашевский, А. Потресов, делая анализ идеологической обстановки в российском обществе в 80-90-х гг. XIX в., указывали на теорию «малых дел» Абрамова как на отражение идейного кризиса народничества [8, с. 224; 30, с. 19; 39, с. 538].

Таким образом, еще с конца XIX в. Я. В. Абрамов позиционируется как основоположник теории «малых дел», провозглашенной им на страницах «Недели» и отражающей направление «серединой, умеренной, культуртрегирской интеллигенции» 1880-х гг. По замечанию М. Миклашевского, это направление лишь отчасти окрашено народничеством [30, с. 19]. Неслучайно в одной из статей о народничестве начала XX вв. будет замечено, что через Абрамова это направление незаметно сливается с консерватизмом [54]. «Либеральным» народником он станет уже в марксистской историографии.

После революции 1917 г. отношение в исторической литературе к Абрамову не менялось, как и к тому течению народнической мысли, к которому он принадлежал. Признание «абрамовщины» маркером «вырождения» русского народничества, которое к концу 1880-х гг. окончательно утратило «здоровое политическое чутье», стало основой для забвения общественно-политических взглядов Абрамова в советской историографии. Чего только стоит реплика одного «маститого» литературоведа 1920-х гг. о том, что Н. В. Шелгунов, осуществивший «идейный разгром» идеологии «восьмидесятничества», пригвоздил Абрамова к «позорному столбу» [24, с. 12].

В 1920-1930-х гг. имя Абрамова упоминалось лишь в немногих трудах, в основном затрагивающих его биографию на рубеже 1870-1880-х гг. Мы имеем в виду статью о нем в словаре «Деятели революционного движения в России», где приводятся данные о преследовании Абрамова со стороны полиции и когда он был народником-пропагандистом, и когда стал легальным народническим публицистом. Кстати, опубликованная здесь фотография молодого Абрамова – чуть ли ни единственное его изображение [2, стб. 3]. Ценные материалы о связях Абрамова с народолюбцами и поздними чернопеределцами представлены также в статье Б. И. Николаевского [36, с. 114]. И еще в сборнике статей по истории народничества Б. П. Козьмина впервые разбираются некоторые художественные и публицистические очерки Абрамова, опубликованные в начале 1880-х гг. в журнале «Устой» [25, с. 256-278].

В 1950-е годы, когда идеологическое давление на историческую науку несколько ослабло, возрождается изучение истории русского народничества, правда, в основном его левого, революционного крыла. Так, в монографии В. П. Крикунова, посвященной революционному движению на Северном Кавказе в конце 1870-х гг., впервые на архивных документах раскрывается участие в нем бывшего студента Медико-хирургической академии Якова Абрамова [26, с. 74-76].

С середины 1960-х гг. в работах Б. В. Банка, И. Г. Лиоренцевича, В. А. Твардовской, В. Г. Хороса вновь поднимается вопрос о вкладе Абрамова в становление теории «малых дел» и в разработку правыми народниками новой программы деятельности интеллигенции в деревне, в условиях политической реакции 1880-х гг. При этом распространение данной теории по-прежнему трактуется как выражение идейного кризиса позднего народничества и его либерального перерождения [6, с. 86; 28, с. 113; 44; 50, с. 78].

Среди исследований 1960-1970-х гг., затрагивающих общественные взгляды Абрамова, стоит также отметить монографию Б. И. Есина о Н. В. Шелгунове, где рассматривает-

ся полемика между ним и Абрамовым по вопросу о главных задачах русской интеллигенции 1880-х гг. Автор, в частности, обращает внимание на вредный и антиобщественный характер выступлений Абрамова в защиту «светлых явлений» и «бодрых впечатлений», т.е. «малых дел» [15, с. 55].

Кардинальный пересмотр отношения к народникам-культурникам начался лишь с конца 1970-х гг. В 1980 г. молодой историк В. И. Харламов – ученик М. Г. Седова – защищает первую у нас в стране кандидатскую диссертацию, посвященную идеологии «малых дел» («недельного» народничества) и конкретно И. И. Каблицу (Юзову). И хотя без критики с позиции ленинских оценок народничества тогда обойтись было нельзя, Харламов, тем не менее, отказался признавать культурническую доктрину поздних народников, включая Абрамова, «реакционной», чисто «мелкобуржуазной» и, безусловно, «несоциалистической» (правда, с определенными оговорками) [47, с. 18]. По словам Б. П. Балугина, без этого труда В. И. Харламова уже нельзя представить себе изучение истории «либерального» народничества [5, с. 18].

В. И. Харламов одним из первых обратил внимание на то, что к числу основоположников теории «малых дел» следует относить не только Абрамова. Его знаменитая статья «Правда ли, что нет дела?» была опубликована в «Неделе» в августе 1885 г. Но теоретическое обоснование необходимости сосредоточения внимания интеллигенции на удовлетворении практических нужд народа было дано в той же «Неделе» еще в начале 1880-х гг. в статьях И. И. Каблицы. Опираясь на этот факт, историк назвал его «ведущим создателем» теории «малых дел» [49, с. 111-112]. Роль же Абрамова – это разработка конкретной программы деятельности интеллигенции в деревне, вытекающей из упомянутой выше теории [48, с. 169]. Кстати, именно Харламов в своих статьях конца 1980-х гг. снял с Абрамова клеймо «реакционера», открыв дорогу для дальнейшего изучения его идейного наследия В. В. Звереву, Э. В. Кемпинскому и С. Я. Новаку [34, с. 40].

В 1981 г. была защищена еще одна диссертация о народниках «Недели» – Т. М. Канаевой (тоже под руководством М. Г. Седова). Культурная работа в ней, как и у Харламова, оценивается как в целом прогрессивное явление. В то же время отмечается, что призывы публицистов «Недели», включая Абрамова, к переселению интеллигенции в деревню уводили значительную часть интеллигенции от непосредственной борьбы за освобождение народа [20, с. 14].

В 1989 г. в первом томе «Словаря русских писателей» публикуется первая подробная литературно-общественная биография Абрамова (с солидным списком источников и литературы), подготовленная тоже его землячкой – Т. П. Агапкиной [4].

Итак, большую часть советского периода идейное наследие Абрамова воспринималось как «отрыжка» эпохи реакции 1880-х гг. И лишь в 1980-е гг. появляются первые работы о легальном народничестве, в которых понятие «реакционность» (теории «малых дел» Абрамова) начинает заменяться на более нейтральное – «консерватизм». Однако марксистская идеология еще не позволяет советским исследователям относиться к Абрамову и другим представителям «культурнического» народничества более объективно.

Первым шагом на этом пути стала монография Б. П. Балугина об идеологах «либерального народничества» [5]. Хотя автор рассматривает их взгляды и деятельность с позиции классового подхода (как и все историки-марксисты), он опирается не на одни только ленинские цитаты, но и на обстоятельный анализ трудов самих народников-культурников. И они для Балугина больше не реакционеры, а скорее «заблудшие» общественные деятели, которые искренне желали благо своему народу. К сожалению, Абрамову в этой работе уделяется сравнительно мало внимания. Для Балугина он по-прежнему «отец» теории «малых дел».

Заметное оживление внимания исследователей к нашему публицисту наблюдается во второй половине 1990-х годов. В 1996 г. ставропольцы Э. В. Кемпинский и С. Я. Новак в

совместной статье впервые в отечественной историографии рассказывают читателям о неожиданной радикализации взглядов Абрамова в начале XX в. и о его неудачной попытке сделать «политическую карьеру», став депутатом I Государственной думы от Ставропольской губернии [23].

В 1997 г. в «Отечественной истории» С. Я. Новак публикует статью «Абрамов – пионер «теории малых дел»» (в то время он работал над кандидатской диссертацией о своем земляке, которую, к сожалению, так и не завершил). В ней даются достаточно подробные сведения о жизни Абрамова (детстве, обучении в гимназии и духовной семинарии, о становлении характера и мировоззрения будущего теоретика «культурнического» народничества и о начале его писательской карьеры в журнале «Отечественные записки»). Затрагивался также вопрос о причинах перехода публициста на более умеренные позиции в народничестве (в молодые годы Абрамов был близок к революционному подполью) и его сотрудничества в газете «Неделя». [23; 37].

Еще одним исследователем 1990-х гг., который занялся изучением идейного наследия Абрамова, был другой его земляк – В. В. Зверев. В своей монографии, посвященной истории «реформаторского» народничества, он исследует основные проблемы, которые разрабатывались публицистом в период его сотрудничества с газетой «Неделя» (задачи и возможности интеллигенции по работе в провинции, экономические проблемы русской деревни, работа земских учреждений, социальная сфера жизни народа, помощь в организации здравоохранения и просвещения крестьянству), а также комплекс предложений Абрамова, вытекавших из анализа этих вопросов, которые, собственно, и составляли практическую программу теории «малых дел» [17]. Все эти вопросы автор изучает и оценивает с позиции новой интерпретации правого народничества – как идеологии радикальной модернизации России. Данный подход позволил в значительной степени «реабилитировать» Абрамова, как общественного деятеля, который знал, что действительно нужно народу [14], и привлечь внимание к изучению его взглядов др. исследователей (Г. Н. Мокшина, Б. Б. Сажина, В. В. Блохина).

В 2000-е гг. имя Абрамова появляется уже не только в вузовских, но и в школьных учебниках по истории России [27; 51].

Современные народниковеды не без основания доказывают, что только с обращением к практической, созидательной деятельности на ниве народного просвещения, здравоохранения, подъема общего благосостояния народа, к чему так настойчиво призывал Абрамов, значительная часть интеллигенции превратилась в созидательную общественную силу. Наибольшее развитие эта идея получила в диссертациях С. Н. Касторного и Г. Н. Мокшина [21; 31]. Их работы, где немалое место уделено анализу общественно-политических взглядов Я. В. Абрамова, безусловно, являются ценным вкладом в изучение истории народнической мысли 1880-1890-х гг.

Новый этап современной историографии Абрамова можно начать с 2008 года, когда на родине публициста в г. Ставрополе прошли первые научные «Абрамовские чтения». Инициатором данного мероприятия стал доктор филологических наук В. М. Головкин – автор первой монографии и первого учебного пособия об Абрамове как писателе [10; 11]. Под редакцией Головкина в 2008 г. были изданы библиографические материалы, а в 2013 г. большой сборник научных трудов, специально посвященные Абрамову [16; 56]. Между прочим, в упомянутом сборнике были опубликованы хранящиеся в Государственном архиве Ставропольского края документы о жизни и деятельности Абрамова, обнаруженные его ведущим археографом Е. Б. Громовой [13].

В настоящее время изучением народнического наследия Абрамова занимаются ученые из Ставрополя, Москвы, Орла, Ростова-на-Дону, Воронежа и др. российских городов. Исследуются темы, связанные с публицистикой Абрамова [38], с разрабатываемой им исто-

рией раскола [42], с деятельностью органов земского самоуправления [22], вопросом о воскресных школах [19] и мн. др.

В 2020 г. в Ставрополе под редакцией В. М. Головки вышла коллективная монография, целиком посвященная творческому наследию Абрамова как мыслителя, писателя и публициста. В ней, в частности, впервые опубликованы ранние драматургические опыты Абрамова, а также материалы служебного расследования по его «делу» в Кавказской духовной семинарии, где он учился. Есть в монографии и глава, в которой ставится вопрос об особенностях «культурного» народничества Абрамова, который никогда не считал себя теоретиком «малых дел», и его вкладе в развитие народнического движения в 80-90-е гг. XIX в. [12; 40].

Таким образом, в последние годы Я. В. Абрамов вошел в круг самых изучаемых писателей и публицистов правого народничества. Регулярно проводятся всероссийские «Абрамовские чтения» (в Ставрополе). Переизданы многие его художественные произведения и некоторые важные статьи [1; 55]. Г. М. Мокшиным составлен библиографический указатель Абрамова [3]. В первую очередь, это, конечно, заслуга его земляков во главе с проф. Северо-Кавказского федерального университета В. М. Головки, а также поддержавших эту инициативу современных историков правого народничества (В. В. Блохин, Г. Н. Мокшин, Б. Б. Сажин и др.).

Однако вклад мыслителя и общественного деятеля в развитие идеологии позднего народничества, на наш взгляд, изучен все еще недостаточно.

Дело в том, что до сих пор основные усилия ученых были сосредоточены на анализе деятельности Абрамова в газете «Неделя». Другие же аспекты его политической биографии 1870-1890-х гг. исследованы сравнительно мало. Целый ряд вопросов остается открытым. Так, до сих пор не решен вопрос об участии Абрамова в движении революционного народничества конца 1870-х гг. (был ли он вообще революционером, как считали в Департаменте полиции?). Практически не изучено сотрудничество публициста в журнале «Отечественные записки» первой половины 1880-х гг., а также не установлены обстоятельства последующего перехода Абрамова с левого фланга легального народничества в газету «Неделя» – цитатель умеренно правого народничества, где до него активно сотрудничал И. И. Каблиц – главный тогдашний «народолюб» и «интеллигентофоб». Нет четкого ответа и на вопрос о причинах неожиданного возвращения Абрамова на свою малую родину в мае 1890 г. и сохранении его культурно-просветительской деятельности в 90-е гг. XIX в., включая период постоянного проживания в Петербурге с конца 1896 до лета 1899 гг.

Остается открытым и самый важный вопрос – является ли Абрамов «отцом» теории «малых дел» 1880-1890-х гг.? Или он все-таки был идеологом «великой культурной работы», как считают В. М. Головки и Г. Н. Мокшин, и так называемая «абрамовщина» – это миф [35]?

Вообще, стоит заметить, что Я. В. Абрамов был необыкновенно деятельным человеком. В одном из неопубликованных писем В. Г. Черткову за 1896 г. он сообщал, что за свою жизнь (а на тот момент ему было всего 38 лет) перепробовал самые различные профессии. «Я, – пишет публицист, – сидел в кабаке, торговал в лавочке, ездил по степям с гуртами волов и отарами овец, занимался банковским делом, управлял имением, занимался садоводством, был сотрудником газет и журналов, работал наборщиком и корректором в типографиях, служил приказчиком на фабрике, занимался исследованием экономического быта населения в качестве земского статистика, был народным учителем, ораторствовал в думе в качестве гласного, выступал в качестве защитника по уголовным процессам, занимался подпольною адвокатурою и т.д., и т.п.» [41, л. 14].

К сожалению, до настоящего времени не предпринималось обобщающего исследования, которое свело бы вместе все основные факты жизни и деятельности интересующего нас народника. В итоге даже по вопросу о месте и роли Я. В. Абрамова в народническом

движении последней трети XIX по-прежнему существует множество различных, в т.ч. и взаимоисключающих, мнений. Так, одни историки говорят о типологической близости Абрамова к Каблицу (Юзову), как идеологу «Недели», и исключают их обоих из продолжателей социалистической традиции [18, с. 93]. Согласно другой точке зрения, Абрамов был гораздо ближе к «либеральному культурничеству» И. С. Тургенева, Л. А. Полонского и К. Д. Кавелина, чем к правым народникам «почвеннической» формации (И. И. Каблиц, В. П. Воронцов, С. Н. Кривенко), т.к. не разделял их общинных иллюзий [9]. Третьи доказывают, что Абрамов всегда оставался верен заветам народников 1870-х гг. и рассматривал культурную работу как деятельность по подготовке почвы для постепенного перехода к более совершенному общественному строю, основанному на принципах народнического (крестьянского) социализма [32, с. 13].

Автор данной статьи призывает исследователей не переходить из крайности в крайность. Очевидно, что Яков Абрамов, хотя и оказался на обочине русского освободительного движения, не был ни «мещанским мыслителем», ни «властителем дум», а тем более «гением». Не стоит отлучать Абрамова ни от умеренно правого народничества, ни от продолжателей социалистической традиции 1860-1870-х гг., т.к. отстаиваемая публицистом центристская позиция как раз и была призвана примирить всех тех общественных деятелей, кто желал работать на благо своего народа, во имя его лучшего будущего. Ведь через широкую «культурную работу» в деревне, по мнению не только Якова Васильевича, но и того же С. Н. Кривенко, и Е. Д. Максимова, и многих других их современников, можно было не только улучшить повседневную жизнь простого народа, но и создать почву для осуществления идеала более справедливого общественного устройства. И не их вина, что в конце XIX в. так называемая передовая русская интеллигенция окончательно развернулась от идеи мирного общественного прогресса с постепенным вовлечением в него основного населения страны в сторону подготовки радикальных политических переворотов и социальных экспериментов над собственным народом.

Список источников и литературы

1. Абрамов, Я. В. (2017). *В поисках за правдой: сб. рассказов*. Ставрополь; Кемерово: Технопринт. 192 с.
2. *Абрамов Яков Васильевич* (1929) // Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. Т. 2. Семидесятые годы. Вып. 1. Москва: ВopKисп. Стб. 2-3.
3. *Абрамов Яков Васильевич: биобиблиографический указатель (1880-2017 гг.)* (2017). Воронеж: Издат. дом ВГУ. 212 с.
4. Агапкина, Т. П. (1989). *Абрамов Я. В.* // Русские писатели. Биографический словарь. 1800-1917. Москва: БРЭ. Т. 1. С. 12–13.
5. Балуев, Б. П. (1995). *Либеральное народничество на рубеже XIX-XX веков*. Москва: Наука. 267 с.
6. Банк, Б. В. (1969). *Изучение читателей в России (XIX в.)*. Москва: Книга. 262 с.
7. Венгеров, С. А. (1889). *Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. 1*. Санкт-Петербург: Семеновская Типо-Литография. С. 21-23.
8. Венгеров, С. А. (1914). *Этапы неоромантического движения. Ст. вторая* // Русская литература XX века. (1890-1910). Кн. 6. Москва: Мир. С. 1-116.
9. Головкин, В. М. (2008). *И. С. Тургенев – Л. А. Полонский – Я. В. Абрамов: концепция для эволюционного развития общества как феномен интеллектуальной истории* // Незвестный Тургенев: мат-лы междунар. конф. Вып. 1. Орел: ОГУ. С. 3-10.
10. Головкин, В. М. (2008). *Яков Абрамов: самоактуализация в художественном творчестве*. Ставрополь: СГУ. 180 с.

11. Головкин, В. М. (2015). *Яков Васильевич Абрамов. Мироззрение. Метод. Поэтика: учеб. пособие*. Москва: Флинта. 303 с.
12. Головкин, В. М. (2020). «Дело Абрамова» в Кавказской духовной семинарии (на материалах архивных разысканий) // Идеино-творческое наследие Я. В. Абрамова в историко-культурной парадигме реформаторского народничества. Ставрополь: СКФУ. С. 84-103.
13. Громова, Е. Б. (2013). *Я. В. Абрамов: документальная память* // Я. В. Абрамов в истории культуры и общественной мысли России [сб. ст.]. Ставрополь: СКФУ. С. 224-249.
14. Данилова, Е., Зверев, В. (1995). *Отец теории малых дел знал, что делать* // Общественная газета. № 42. С. 9.
15. Есин, Б. И. (1977). *Н. В. Шелгунов*. Москва: Мысль. 176 с.
16. *За лучшую будущность России: к 150-летию со дня рождения Якова Васильевича Абрамова, общественного деятеля, публициста, критика: библиографические материалы* (2008). Ставрополь: СГКУНБ. 62 с.
17. Зверев, В. В. (1997). *Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX в.* Москва: Уникум-Центр. 366 с.
18. Зверев, В. В. (1997). *Эволюция народничества: «теория малых дел»* // Отечественная история. № 4. С. 86-94.
19. Зверев, В. В. (2016). *Я. В. Абрамов и воскресные школы* // НаукаПарк. № 8. С. 30-39.
20. Канаева, Т. М. (1981). *Газета «Неделя» в общественном движении пореформенной России (1875-1893 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук*. Москва. 15 с.
21. Касторнов, С. Н. (2002). *Народники-реформисты о социальных и общественно-политических проблемах России второй половины XIX – начала XX вв. Сравнительный анализ: автореф. дис. ... канд. ист. наук*. Орел. 23 с.
22. Касторнов, С. Н. (2019). *Я. В. Абрамов о роли земства в подъеме благосостояния народа* // Народники в истории России: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. Воронеж: Истоки. С. 212-222.
23. Кемпинский, Э. В., Новак, С. Я. (1996). *Общественно-политическая деятельность Я. В. Абрамова в конце XIX – начале XX вв.* // Страницы истории России: межвуз. сб. науч. ст. Ставрополь: СГУ. С. 32-39.
24. Коган, П. С. (1929). *Очерки по истории новейшей русской литературы. Т. 4*. Москва; Ленинград: Госиздат. 420 с.
25. Козьмин, Б. П. (1933). *От «Девятнадцатого февраля» к «Первому марта»: очерки по истории народничества*. Москва: ВспКисп. 289 с.
26. Крикунов, В. П. (1958). *Революционные разночинцы на Северном Кавказе*. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во. 144 с.
27. Левандовский, А. А. (2006). *История России, XIX век: учеб. для 8 кл. общеобразовательных учреждений. 2-е изд.* Москва: Просвещение. 303 с.
28. Лиоренцевич, И. Г. (1978). *Социологические теории народничества* // Социологическая мысль в России. Ленинград: Наука. С. 107-195.
29. [Максимов, Е. Д.] Слобожанин, М. (1908). *Черты из жизни и деятельности С. Н. Кривенко* // Минувшие годы. № 5-6. С. 278-296.
30. [Миклашевский, М. П.] Неведомский, М. (1911). *80-ые – 90-ые годы в нашей литературе* // История России в XIX в. Т. 9. Санкт-Петербург: Изд. т-ва бр. Гранат. С. 1-116.
31. Мокшин, Г. Н. (2010). *Идейная эволюция легального народничества во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... докт. ист. наук*. Саратов. 42 с.
32. Мокшин, Г. Н. (2018). *К вопросу о месте и роли Я. В. Абрамова в народническом движении 1880-1890-х гг.* // Вестник Сургутского гос. пед. ун-та. № 3. С. 9-17.

33. Мокшин, Г. Н. (2020). *Основы культурного народничества Я. В. Абрамова // Идеино-творческое наследие Я. В. Абрамова в историко-культурной парадигме реформаторского народничества*. Ставрополь: СКФУ. С. 104-115.
34. Мокшин, Г. Н. (2019). *Современная литература об идеологе культурного народничества Я. В. Абрамове // Народники в истории России: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3*. Воронеж: Истоки. С. 39-49.
35. Мокшин, Г. Н. (2015). *Что такое «абрамовщина»? (к истории одного мифа о Я. В. Абрамове) // НаукаПарк. № 8. С. 24-28*.
36. [Николаевский, Б. И.] Иванов, Б. (1931). *Н. Л. Сергиевский как историк «партии русских социал-демократов» (1884-1887 гг.) // Каторга и ссылка. № 1. С. 59-122*.
37. Новак, С. Я. (1997). *Я. В. Абрамов – пионер «теории малых дел» // Отечественная история. № 4. С. 80-85*.
38. Петренко, Д. И., Бондарева, Н. С. (2017). *Остросоциальная публицистика Я. В. Абрамова (1858-1906): актуальные проблемы общественной жизни в Российской империи на рубеже веков // Научный диалог. № 7. С. 58-69*.
39. Потресов, А. (1909). *Эволюция общественно-политической мысли в предреволюционную эпоху // Общественное движение в России в начале XX в. Т. 1*. Санкт-Петербург: Общественная польза. С. 538-640.
40. *Раннее литературно-художественное творчество Я. В. Абрамова (публикация, вступительная статья, комментарии В. М. Головки) (2020) // Идеино-творческое наследие Я. В. Абрамова в историко-культурной парадигме реформаторского народничества*. Ставрополь: СКФУ. С. 11-49.
41. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 552. Оп. 1. Д. 104. 14 л.
42. Сажин, Б. Б. (2017). *Проблема старообрядчества в публицистике Я. В. Абрамова // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. № 19. С. 27-33*.
43. Струве, П. (1901). *На разные темы // Мир Божий. № 6. С. 23-27*.
44. Твардовская, В. А. (1965). *«Малых дел теория» («абрамовщина») // Советская историческая энциклопедия. Т. 8. Москва: СЭ. Стб. 980*.
45. Тульская, Е. (2011). *Здания, окружающие нас...: забытый всеми «властитель умов» // Династия – недвижимость. 24 июня*.
46. Фомин, А. (1915). *Абрамов Я. В. // Новый энциклопедический словарь. Т. 1*. Санкт-Петербург: Тип. АО Брокгауз-Ефрон. С. 76-78.
47. Харламов, В. И. (1980). *Из истории либерального народничества в России в конце 70-х – начале 90-х годов XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук*. Москва. 18 с.
48. Харламов, В. И. (1990). *Публицисты «Недели» и формирование либерально-народнической идеологии в 70-х – 80-х годах XIX в. // Революционеры и либералы России*. Москва: Наука. С. 163-185.
49. Харламов, В. И. (1990). *Теория «малых дел» Юзова в оценке читателей-современников // Из истории общественно-политической мысли России XIX в.* Москва: Прометей. С. 93-112.
50. Хорос, В. Г. (1972). *Народническая идеология и марксизм*. Москва: Наука. 176 с.
51. [Цимбаев, Н. И.] (2006). *Народничество [Гл. 26. § 2] // История России XVIII-XIX веков*. Москва: Эксмо. С. 668-681.
52. Цыганкова, Л. А. (2011). *Абрамов Яков Васильевич // Российская историческая энциклопедия: в 18 т. Т. 1*. Москва: ОЛМА Медиа Групп. С. 40.
53. Чаблин, А. (2008). *Непознанный гений: ученые СГУ выводят из небытия великие имена Ставрополя // Открытая газета. № 51. 24-31 дек.*

54. [Южаков, С. Н.] [1904]. *Народничество* // Большая энциклопедия. Т. 13. Санкт-Петербург: Просвещение. С. 658.
55. Я. В. Абрамов (2011) // Опальные русские писатели открывают Кавказ. Антология: в 3 т. Т. 3. Ставрополь: СГУ. С. 11-171.
56. Я. В. Абрамов в истории культуры и общественной мысли России [сб. ст.] (2013). Ставрополь: СКФУ. 296 с.

References

1. Abramov, J. V. (2017). *V poiskah za pravdoj: sb. rasskazov* [In Search of the Truth: Collected Stories]. Stavropol, Kemerovo, Tehnoprint. (in Russian).
2. *Abramov Jakov Vasil'evich* (1929). [Abramov Yakov Vasilyevich] in *Dejateli revoljucionnogo dvizhenija v Rossii. Biobibliograficheskij slovar'*, t. 2. Semidesjatyje gody, 1. Moscow, VopKisp, 2-3. (in Russian).
3. *Yakov Vasilyevich Abramov: bibliographical index (1880-2017)* (2017). [Abramov Yakov Vasilyevich: bibliographical index (1880-2017)]. Voronezh, Izdat. dom VGU. (in Russian).
4. Agapkina, T. P. (1989). *Abramov J. V.* [Abramov Y. B.] in *Russkie pisateli. Biograficheskij slovar'*. 1800-1917. Moscow, BRE, T. 1. (in Russian).
5. Baluev, B. P. (1995). *Liberal'noe narodnichestvo na rubezhe XIX-XX vekov* [Liberal Populism at the Turn of the Twentieth and Twentieth Centuries]. Moscow, Nauka. (in Russian).
6. Bank, B. V. (1969). *Izuchenie chitatelej v Rossii (XIX v.)* [The Study of Readers in Russia (nineteenth century)]. Moscow, Kniga. (in Russian).
7. Vengerov, S. A. (1889). *Kritiko-biograficheskij slovar' russkih pisatelej i uchenyh. T. 1* [Critical and Biographical Dictionary of Russian Writers and Scholars. T. 1] St. Petersburg, Seme-novskaja Tipo-Litografija, 21-23. (in Russian).
8. Vengerov, S. A. (1914). *Jetapy neoromanticheskogo dvizhenija. St. vtoraja* [Stages of the neo-romantic movement. Art 2] in *Russkaja literatura XX veka. (1890-1910)*. Kn. 6. Moscow, Mir, 1-116. (in Russian).
9. Golovko, V. M. (2008). *I. S. Turgenev – L. A. Polonskij – J. V. Abramov: koncepcija dlja jevoljucionnogo razvitija obshhestva kak fenomen intellektual'noj istorii* [I. S. Turgenev - L. A. Polonsky - Y. V. Abramov: A Concept for the Evolutionary Development of Society as a Phenomenon of Intellectual History] in *Neizvestnyj Turgenev, mat-ly mezhdunar. konf.*, 1. Orel, OSU, 3-10. (in Russian).
10. Golovko, V. M. (2008). *Jakov Abramov: samoaktualizacija v hudozhestvennom tvorchestve* [Yakov Abramov: Self-Actualization in Artistic Creation]. Stavropol, SGU. (in Russian).
11. Golovko, V. M. (2015). *Jakov Vasil'evich Abramov. Mirovozzrenie. Metod. Pojetika: ucheb. posobie* [Yakov Vasilyevich Abramov. Worldview. Method. Poetics: textbook]. Moscow, Flinta. (in Russian).
12. Golovko, V. M. (2020). «*Delo Abramova*» v *Kavkazskoj duhovnoj seminarii (na materialah arhivnyh razyskanij)* ["The Abramov Case at the Caucasian Theological Seminary (based on archival research)] in *Idejno-tvorcheskoe nasledie Ja. V. Abramova v istoriko-kul'turnoj paradigme reformatorskogo narodnichestva*. Stavropol, SKFU, 84-103. (in Russian).
13. Gromova, E. B. (2013). *J. V. Abramov: dokumental'naja pamjat'* [Y. V. Abramov: Documentary Memory] in *J. V. Abramov v istorii kul'tury i obshhestvennoj mysli Rossii* [sb. st.]. Stavropol, SKFU, 224-249. (in Russian).
14. Danilova, E., Zverev, V. (1995). *Otec teorii malyh del znal, chto delat'* [The father of small deeds theory knew what to do] in *Obshhaja gazeta*, 42, 9. (in Russian).
15. Esin, B. I. (1977). *N. V. Shelgunov* [H. V. Shelgunov]. Moscow, Mysl'. (in Russian).

16. *Za luchshuju budushhnost' Rossii: k 150-letiju so dnja rozhdenija Jakova Va-sil'evicha Abramova, obshhestvennogo dejatelja, publicista, kritika: biobibliograficheskie materialy* (2008). [For the Better Future of Russia: 150th Anniversary of the Birth of Yakov Vasilievich Abramov, Public figure, Publicist, Critic: Bibliographical Materials]. Stavropol, СГКУНБ. (in Russian).
17. Zverev, V. V. (1997). *Reformatorskoe narodnichestvo i problema modernizacii Rossii. Ot sorokovyh k devjanostym godam XIX v.* [Reformist Populism and the Problem of Russia's Modernization. From the Forties to the Nineties of the 19th Century]. Moscow, Unikum-Centr. (in Russian).
18. Zverev, V. V. (1997). *Jevoljucija narodnichestva: «teorija malyh del»* [The Evolution of Populism: the "theory of small deeds" in Otechestvennaja istorija, 4, 86-94. (in Russian).
19. Zverev, V. V. (2016). *Ja. V. Abramov i voskresnye shkoly* [Y. V. Abramov and Sunday Schools] in NaukaPark, 8, 30-39. (in Russian).
20. Kanaeva, T. M. (1981). *Gazeta «Nedelja» v obshhestvennom dvizhenii poreformennoj Rossii (1875-1893 gg.)* [The Week newspaper in the social movement of post-reform Russia (1875-1893)] (doctoral dissertation abstract). Moscow. (in Russian).
21. Kastornov, S. N. (2002). *Narodniki-reformisty o social'nyh i obshhestvenno-politicheskikh problemah Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv. Sravnitel'nyj analiz* [Populists-reformists on the Social and Socio-Political Problems of Russia in the Second Half of the Nineteenth and Early Twentieth Centuries. Comparative Analysis] (doctoral dissertation abstract). Orel. (in Russian).
22. Kastornov, S. N. (2019). *J. V. Abramov o roli zemstva v pod#eme blagosostojanija naroda* [Y. V. Abramov on the role of the zemstvo in raising the welfare of the people] in Narodniki v istorii Rossii, mezhvuz. sb. nauch. tr., 3. Voronezh, Istoki, 212-222. (in Russian).
23. Kempinski, E. V., Novak, S. Y. (1996). *Obshhestvenno-politicheskaja dejatel'nost' Ja. V. Abramova v konce XIX – nachale XX vv.* [The social and political activities of Y. V. Abramov in the late nineteenth and early twentieth centuries] in Stranicy istorii Rossii, mezhvuz. sb. nauch. st. Stavropol, SGU, 32-39. (in Russian).
24. Kogan, P. S. (1929). *Oчерки по истории новейшей русской литературы. Т. 4* [Essays on the History of Modern Russian Literature. T. 4]. Moscow, Leningrad, Gosizdat. (in Russian).
25. Kozmin, B. P. (1933). *Ot «Devjatnadcatogo fevralja» k «Pervomu marta»: oчерки по истории народничества* [From the Nineteenth of February to the First of March: Essays on the History of Populism]. Moscow, VopKisp. (in Russian).
26. Krikunov, V. P. (1958). *Revoljucionnye raznochincy na Severnom Kavkaze* [Revolutionary Dissenters in the North Caucasus]. Nalchik, Kabardino-Balkarskoe kn. izd-vo. (in Russian).
27. Lewandowski, A. A. (2006). *Istorija Rossii, XIX vek: ucheb. dlja 8 kl. obshheobrazovatel'nyh uchrezhdenij. 2-e izd.* [History of Russia, the nineteenth century: textbook for eighth grade of secondary schools. 2nd ed]. Moscow, Prosveshhenie. (in Russian).
28. Lorentsevich, I. G. (1978). *Sociologicheskie teorii narodnichestva* [Sociological theories of Populism] in Sociologicheskaja mysl' v Rossii. Leningrad, Nauka, 107-195. (in Russian).
29. [Maximov, E. D.] Slobozhanin, M. (1908). *Cherty iz zhizni i dejatel'nosti S. N. Krivenko* [Traits from the life and work of S. N. Krivenko] in Minuvshie gody, 5-6, 278-296. (in Russian).
30. [Miklashevsky, M. P.] Nevedomsky, M. (1911). *80-ые – 90-ые годы в нашей литературе* [The 80s and 90s in our literature] in История России в XIX в. Т. 9. St. Petersburg, Izd. t-va br. Granat, 1-116. (in Russian).
31. Mokshin, G. N. (2010). *Idejnaja jevoljucija legal'nogo narodnichestva vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* [The Ideological Evolution of Legal Populism in the Second Half of the Nineteenth and Early Twentieth Centuries] (doctoral dissertation abstract). Saratov. (in Russian).

32. Mokshin, G. N. (2018). *K voprosu o meste i roli Ja. V. Abramova v narodnicheskom dvizhenii 1880–1890-h gg.* [On the Place and Role of Ya. V. Abramov in the Populists movement of the 1880s and 1890s.] in *Vestnik Surgutskogo gos. ped. un-ta*, 3, 9-17. (in Russian).
33. Mokshin, G. N. (2020). *Osnovy kul'turnogo narodnichestva J. V. Abramova* [Fundamentals of Cultural Populism Y. V. Abramova] in *Idejno-tvorcheskoe nasledie J. V. Abramova v istoriko-kul'turnoj paradigme reformatorskogo narodnichestva*. Stavropol, SKFU, 104-115. (in Russian).
34. Mokshin, G. N. (2019). *Sovremennaja literatura ob ideologe kul'turnogo narodnichestva J. V. Abramove* [Modern Literature on the Ideologist of Cultural Populism, Y. V. Abramov] in *Narodniki v istorii Rossii, mezhvuz. sb. nauch. tr.*, 3. Voronezh, Istoki, 39-49. (in Russian).
35. Mokshin, G. N. (2015). *Chto takoe «abramovshchina»? (k istorii odnogo mifa o J. V. Abramove)* [What is "Abramovshchina"? (To the history of a myth about Y. V. Abramov)] in *NaukaPark*, 8, 24-28. (in Russian).
36. [Nikolaevsky, B. I.] Ivanov, B. (1931). *N. L. Sergievskij kak istorik «partii russkih social-demokratov» (1884-1887 gg.)* [H. L. Sergievsky as a historian of the "Party of Russian Social-Democrats" (1884-1887)] in *Katorga i ssylka*, 1, 59-122. (in Russian).
37. Novak, S. Y. (1997). *J. V. Abramov – pioner «teorii malyh del»* [Y. V. Abramov - Pioneer of the Theory of Small deeds] in *Otechestvennaja istorija*, 4, 80-85. (in Russian).
38. Petrenko, D. I., Bondareva, N. S. (2017). *Ostrosocial'naja publicistika J. V. Abramova (1858-1906): aktual'nye problemy obshhestvennoj zhizni v Rossijskoj imperii na rubezhe vekov* [The Ostrosocial Publicism of Y. V. Abramov (1858-1906): topical problems of social life in the Russian Empire at the turn of the century] in *Nauchnyj dialog*, 7, 58-69. (in Russian).
39. Potresov, A. (1909). *Jevoljucija obshhestvenno-politicheskoj mysli v predrevoljucionnuju jepohu* [The Evolution of Social and Political Thought in the Pre-Revolutionary Era] in *Obshhestvennoe dvizhenie v Rossii v nachale XX v. T. 1*. St. Petersburg, Obshhestvennaja pol'za, 538-640. (in Russian).
40. *Rannee literaturno-hudozhestvennoe tvorcestvo J. V. Abramova (publikacija, vstupitel'naja stat'ja, kommentarii V. M. Golovko)* (2020). [The Early Literary and Artistic Work of Ya. V. Abramov (publication, introductory article, comments by V. M. Golovko)] in *Idejno-tvorcheskoe nasledie J. V. Abramova v istoriko-kul'turnoj paradigme reformatorskogo narodnichestva*. Stavropol, SKFU, 11-49. (in Russian).
41. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva (RGALI). F. 552. Op. 1. D. 104. (in Russian).
42. Sazhin, B. B. (2017). *Problema staroobryadchestva v publicistike J. V. Abramova* [The Problem of Old Believers in the Publicism of Y. V. Abramov] in *Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Politologija. Religiovedenie*, 19, 27-33. (in Russian).
43. Struve, P. (1901). *Na raznye temy* [On various topics] in *Mir Bozhij*, 6, 23-27. (in Russian).
44. Tvardovskaya, V. A. (1965). *«Malyh del teorija» («abramovshchina»)* ["Small deeds Theory" ("Abramovshchina")] in *Sovetskaja istoricheskaja jenciklopedija*, t. 8. Moscow, SE, 980. (in Russian).
45. Tulsckaya, E. (2011). *Zdanija, okružhajushhie nas...: zabytyj vsemi «vlastitel' umov»* [Buildings Surrounding Us...: The Forgotten "Ruler of Minds"] in *Dinastija – nedvizhimost'*, 24 ijunja. (in Russian).
46. Fomin, A. (1915). *Abramov J. V.* [Abramov Y. V.] in *Novyj jenciklopedicheskij slovar'*, t. 1. St. Petersburg, tip. AO Brokgauz-Efron, 76-78. (in Russian).
47. Kharlamov, V. I. (1980). *Iz istorii liberal'nogo narodnichestva v Rossii v konce 70-h – nachale 90-h godov XIX veka* [From the History of Liberal Populists in Russia in the late 1970s and early 1990s] (doctoral dissertation abstract). Moscow. (in Russian).
48. Kharlamov, V. I. (1990). *Publicisty «Nedeli» i formirovanie liberal'no-narodniceskogo ideologii v 70-h – 80-h godah XIX v.* [Publicists of "The Week" and the formation of the liberal-populist ideology in the 1970s-80s of the 19th century] in *Revoljucionery i liberaly Rossii*. Moscow, Nauka, 163-185. (in Russian).
49. Kharlamov, V. I. (1990). *Teorija «malyh del» Juzova v ocenke chitatelej-sovremennikov* [Yuzov's Theory of "Small deeds" as Evaluated by Contemporaries] in *Iz istorii obshhestvenno-politicheskoj mysli Rossii XIX v.* Moscow, Prometej, 93-112. (in Russian).

50. Khoros, V. G. (1972). *Narodnicheskaja ideologija i marksizm* [Populist Ideology and Marxism]. Moscow, Nauka. (in Russian).
51. [Tsimbaev, N. I.] (2006). *Narodnichestvo [Гл. 26. § 2]* [Populism (Ch. 26. § 2)] in *Istorija Rossii XVIII-XIX vekov*. Moscow, Jeksmo Publ., 668-681. (in Russian).
52. Tsygankova, L. A. (2011). *Abramov Jakov Vasil'evich* [Abramov Yakov Vasilyevich] in *Rossijskaja istoricheskaja jenciklopedija*, v 18 t., t. 1. Moscow, OLMA Media Grupp, 40. (in Russian).
53. Chablin, A. (2008). *Nepoznannyj genij: uchenye SGU vyvodjat iz nebytija velikie imena Stavropol'ja* [Unrecognized genius: scientists of the Stavropol State University bring from oblivion the great names of Stavropol] in *Otkrytaja gazeta*, 51. (in Russian).
54. [Yuzhakov, S. N.] [1904]. *Narodnichestvo* [Populism] in *Bol'shaja jenciklopedija*, t. 13. St. Petersburg, Prosveshhenie, 658. (in Russian).
55. *J. V. Abramov* (2011). [Y. V. Abramov] in *Opal'nye russkie pisateli otkryvajut Kavkaz. Antologija*, v 3 t., t. 3. Stavropol, SGU, 11-171. (in Russian).
56. *J. V. Abramov v istorii kul'tury i obshhestvennoj mysli Rossii (sb. st.)* (2013). [Y. V. Abramov in the History of Culture and Social Thought in Russia (collected articles)]. Stavropol, SKFU. (in Russian).

Ермакова О. К.
(Екатеринбург)

УДК 94(470)

**РОССИЙСКО-ФРАНЦУЗСКОЕ
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В КОНЦЕ XIX В.:
АГЕНТЫ И СЕТИ ДОВЕРИЯ ДЕЛОВЫХ ЭЛИТ***

В статье рассматривается российско-французское экономическое сотрудничество конца XIX в. через призму исследования сетей доверия деловых элит. Ставится цель выяснить, насколько представители крупнейших банковских структур и бизнеса влияли на динамику финансово-экономической стороны франко-русского политического альянса. Исследован круг агентов и контактеров, осуществлявших взаимодействие не только в среде финансистов и предпринимателей, но имевших связи во властных структурах. На основе изучения переписки представителей российской и французской деловых элит сделаны выводы о том, какие позиции они занимали в осуществлении совместных финансовых операций, и насколько важную роль играла внешнеполитическая конъюнктура в принятии коммерческих и инвестиционных решений. Представляется, что для профессиональных банкиров первоочередным являлся вопрос прибыли. Действуя в общей кооперации с правящими элитами, финансисты не всегда разделяли мнения политиков о методах достижения дипломатических целей посредством использования банковских институтов, поскольку такие пути порой вели к уменьшению доходов кредитных организаций. Банкиры же стремились, прежде всего, к получению выгоды. В то же время среди представителей делового мира были люди, вовлеченные в дипломатическую службу, для которых важными являлись и политические, и экономические стороны сотрудничества, а также научное изучение страны-союзницы.

Ключевые слова: франко-русский союз, сети доверия, экономическое сотрудничество, деловые элиты, Россия и Франция в конце XIX в.

The article considers Russian-French economic cooperation in the late 19th century through the prism of studying trust networks of business elites. The aim is to find out to what extent representatives of the largest banking structures and businesses influenced the dynamics of the financial and economic side of the Franco-Russian political alliance. The author reveals a circle of agents and contacters who interacted not only among financiers and entrepreneurs, but who had connections in power structures. Based on the study of the correspondence between representatives of the Russian and French business elites, the paper allows to make conclusions about the positions, which these people occupied in the implementation of joint financial operations, and to which extent the foreign policy environment was important in making commercial and investment decisions. It seems that for professional bankers the first priority was the issue of profit. Acting in general cooperation with the ruling elites, financiers did not always share the opinions of politicians on the methods of achieving diplomatic goals through the use of banking institutions, since such paths sometimes led to a decrease in the income of credit organizations. Bankers, on the other hand, sought, above all, to obtain benefits. At the same time, among the representatives of the business world there were people involved in the diplomatic service, for whom both the political and economic aspects of cooperation, as well as the scientific study of the ally country, were important.

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 20-78-10014 «От Соглашения к Пакту: франко-русские/франко-советские отношения в период 1890-1930-х гг.»

Keywords: Franco-Russian Alliance, networks of trust, economic cooperation, business elites, Russia and France in the late 19th century.

DOI: 10.24888/2410-4205-2023-34-1-94-101

Российско-французское экономическое взаимодействие последней четверти XIX в. осуществлялось в рамках создания совместных банковских структур, реализации крупных государственных займов, а также частных проектов и инициатив. Конструирование различных форм сотрудничества и их успешную реализацию во многом обеспечивали неформальные сети доверия, давние и вновь созданные клиентелы, дружеские и бизнес-контакты деловых элит. В центре клиентел находились представители правящих элит, непосредственно влиявшие на экономическую политику и финансовые стратегии государства. Важное значение для тех, кто входил в административный аппарат власти, имели коммуникации с определенным кругом лиц, осведомленных о состоянии мирового финансового рынка и имевших широкие международные связи делового характера. На их помощь и содействие (в том числе, информационного плана) опирались руководители министерства финансов, оценивая перспективы и риски тех или иных коопераций или даже проектов реформ. Реконструкция систем доверия приближает к пониманию механизмов и выявлению агентов (акторов) финансово-экономического сближения России и Франции в конце XIX столетия.

Одной из знаковых фигур делового мира России и Западной Европы последней четверти XIX в. можно считать банкира Адольфа Юльевича Ротштейна. Он родился в 1857 г. в Берлине, а в конце 1870-х гг. переехал в Россию. Еще до прибытия в Петербург Ротштейн некоторое время практиковался во Франции под покровительством банкирского дома Ротшильдов в Париже [4, с. 261]. Очевидно, что приобретенные во время стажировки связигодились Адольфу Юльевичу в дальнейшем. Именно он выступал одним из главных участников переговоров с парижской ветвью Ротшильдов в конце XIX в., когда российско-французское финансовое сотрудничество активно развивалось [13, л. 57-58]. В 1890 г. А. Ю. Ротштейн стал директором Петербургского Международного коммерческого банка, а в 1895 г. – одним из учредителей и директоров Русско-Китайского банка (организованного при участии российских и французских капиталов) [4, с. 261]. Именно Ротштейн, которого можно по праву считать сторонником привлечения французских инвестиций в Россию, проводил переговоры в Париже по поводу учреждения Русско-Китайского банка [10, с. 91].

Личность Адольфа Ротштейна в контексте исследования сетей доверия важна еще и потому, что он находился в дружеских отношениях с С. Ю. Витте. Устойчивые личные контакты завязались между ними в период, когда Сергей Юльевич занимал пост министра путей сообщения [18, с. 53]. После назначения Витте на должность министра финансов Ротштейн, обладавший обширными деловыми связями по всей Европе, и вовсе стал доверенным информатором и агентом политика. Примечательно, что в переписке 1890-х гг. А. Ротштейн использует официальные обращения к С. Ю. Витте: «Господин Министр» («Monsieur le Ministre») и «Ваше превосходительство» («Votre Excellence»), а в финале писем выражает чувства глубокого уважения и преданности [11, л. 1, 2об.]. При этом тон повествования и содержание текстов свидетельствуют о доверительных отношениях корреспондентов. Сообщения, передаваемые Ротштейном, помимо сведений о переговорах или условиях сделок, включали информацию о наблюдаемых банкиром интригах и его оценках тех или иных людей как потенциальных партнеров.

Важное место в переписке Ротштейна и Витте занимало обсуждение денежной реформы в России и отношения зарубежных контрагентов (в том числе, французских) к введению золотого стандарта. В ситуации с денежной реформой Ротштейн сыграл положительную роль, осведомив французских банкиров во главе с Ротшильдами о намерении Витте оставить занимаемые Россией средства на временном хранении во французских банках.

Это обеспечило министру финансов поддержку со стороны улицы Лафитт, хотя такая позиция банкиров (принятая после долгих колебаний), как отмечает В. И. Бовыкин, противоречила интересам французского казначейства [18, с. 56]. В своих воспоминаниях С. Ю. Витте рассказал о том, как нелегко ему приходилось «говорить и спорить» по вопросу денежной реформы «с такими крупными финансистами – крупными не столько в смысле практики, сколько в смысле ума, – как, например, знаменитый Альфонс Ротшильд, Леон Сэ, бывший министр финансов в начале Французской республики, сын знаменитого экономиста Сэ» [3, с. 417]. Ротшильд и Сэ, а также французский политик и экономист Мелин, выступали за денежное обращение, основанное на серебре. В целом же, отмечал С. Ю. Витте, французов больше всего устроило бы серебро в качестве основного металла, или, по крайней мере, биметаллический стандарт, основанный не только на золоте, но и на серебре. Министр финансов упоминал также о фактах, когда Мелин интриговал против российской денежной реформы. Записки Мелина по этому предмету попали к российскому императору через французского посла в Петербурге – графа Монтебелло [3, с. 418]. К слову, А. Ротштейн в одном из писем в ноябре 1896 г. информировал С. Ю. Витте о продолжении такого рода интриг со стороны Монтебелло, напоминая о том, что при прежнем императоре схожие попытки делались «со стороны французских министров Аното и Мелина» [11, л. 1].

Если С. Ю. Витте относился к «друзьям» Ротштейна более высокого ранга и положения, скорее – к патронам, то директор Петербургского Международного коммерческого банка Герман Спитцер занимал в профессиональном сообществе позиции, сопоставимые с положением Адольфа Юльевича. Впрочем, по совокупности связей и занимаемых должностей Ротштейн все же обладал *большим* влиянием. Финансистов связывали дружеские отношения, что отражалось в их переписке. Они обращались друг к другу одинаково неформально: «*Mon cher ami*» («Мой дорогой друг»), и использовали короткую неформальную подпись «*Votre dévoué*» («Преданный Вам») [13, л. 8, 9, 15, 18].

Г. Спитцер, как и А. Ротштейн, активно контактировал с представителями Ротшильдов, а также с С. Ю. Витте. Одним из главных контрагентов Спитцера и Ротштейна являлся представитель Ротшильдов, Ж. Арон. Также переговоры велись с бароном Альфонсом Ротшильдом. В конце 1898–1899 гг. Г. Спитцер находился в Париже с целью заручиться финансовой поддержкой Ротшильдов. О ходе переговоров он регулярно информировал Ротштейна. Из его писем следует, что обсуждения проходили в тот период не без затруднений. В частности, Спитцер сообщал, что недоверие европейцев относительно состояния российского рынка вызвано, в том числе, негативной информацией из германских газет [13, л. 2–2об., 57–58]. Тем не менее, в одном из писем 1899 г. А. Ротштейну Г. Спитцер, например, сообщал о благосклонности Альфонса Ротшильда к Русско-Китайскому банку [13, л. 7].

Впрочем, Альфонса Ротшильда хорошо знал и С. Ю. Витте [3, с. 931]. Отношения между ними можно считать благожелательными и с высоким кредитом доверия. Собственно, фигура Витте являлась для французских банкиров гарантом надежности совместных операций. Поэтому Г. Спитцер отмечал, что из-за слухов о возможном «перемещении» Сергея Юльевича на пост министра иностранных дел Ротшильды колебались в вопросах оказания финансовой поддержки России [6, с. 154–157], хотя барон Альфонс Ротшильд и выражал желание «быть во всем приятным Эмилю [С. Ю. Витте. – *Е.О.*]» [7, с. 160]. Добрые отношения укрепляли деловые связи, но не определяли в полной мере стратегий сотрудничества. Для банкирского дома приоритетным оказывался вопрос выгоды, причем выгоды весьма очевидной и ощутимой, а не гипотетической. Рассуждая о позиции Альфонса Ротшильда, Г. Спитцер подчеркивал: «Я слишком хорошо его знаю, чтобы не понимать, что он не любит вкладывать свои деньги туда, где не слишком много и скоро получишь» [5, с. 157]. Когда в конце 1890-х гг. главным звеном предприятий группы Ротшильдов в России стало нефтяное Общество «Мазут», А. Ю. Ротштейн снова играл важную роль уполномо-

ченного Ротшильдов [2, с. 85–86]. В Париже эту функцию выполнял зять Альфонса Ротшильда, Морис Эфрусси [2, с. 86; 20, с. 171].

Еще одним контактером и партнером как Ротштейна, так и Спитцера, выступал французский банкир Эдуард Нетцлин, директор Парижско-Нидерландского банка, один из учредителей и член правления Русско-Китайского банка, а с 1910 г. – Русско-Азиатского банка. Спитцер, например, вел переговоры с Нетцлином о вложениях в электроиндустрию [6, с. 156]. Кроме того, от Нетцлина Ротштейн и Спитцер могли получить разного рода неофициальную информацию [12, л. 189–190; 13, л. 60; 14, л. 2].

Адольф Ротштейн не только делился с С. Ю. Витте собственными наблюдениями, но и передавал некоторые конфиденциальные разговоры своих контактеров (например, между французским директором Русско-Китайского банка в Шанхае Верунгом и французским послом в Петербурге), хотя и признавался, что «испытывает крайнюю неприязнь к сплетням». Кстати, Верунг виделся Ротштейну прекрасно подходящим на роль посредника между Русско-Китайским банком и правительством Франции [11, л. 1–2об.]. Об этом же «новом директоре в Шанхае» в 1896 г. благосклонно отзывался в переписке с А. Ротштейном еще один корреспондент банкира, представитель правления банка с французской стороны – Огюст Шабриер [15, л. 15–16]. Представляется, что с Шабриером у Ротштейна сложились благоприятные отношения. Судя по стилистике писем, Шабриер не входил в число близких конфиденентов Адольфа Юльевича, но в определенной степени их взаимоотношения можно считать дружескими, во всяком случае – партнерскими и вполне доверительными. Шабриер обращается к Ротштейну более официально, чем Спитцер: «*Cher Monsieur*» («Дорогой ме-сье») и завершает письма развернутой формулой вежливости, например: «*Veuillez agréer, Cher Monsieur, l'expression de mes sentiments sympathiques et dévoués*» («Пожалуйста, примите, дорогой ме-сье, выражение моей симпатии и преданных чувств») [15, л. 42]. Через переписку Ротштейна с Шабриером раскрывается характер российско-французского сотрудничества в рамках функционирования Русско-Китайского банка. Прослеживаются непростые отношения между главными французскими и российскими акционерами. При этом, как представляется, Шабриер был из тех, кто стремился наладить взаимодействие сторон в наилучшем варианте.

Деятельность Русско-Китайского банка не обходилась без внутренних конфликтов и соперничества. Летом 1897 г. А. Ротштейн сообщал в письме одному из директоров Петербургского Международного коммерческого банка, Ф. Нотгафту, о том, что французский министр иностранных дел Аното «хочет прибрать Русско-Китайский банк к своим рукам». Но это намерение не страшило российских финансистов. По мнению А. Ротштейна, благосклонность французов в данном аспекте была не так уж важна: «Отдавая должное французам, мы все же не можем пойти на то, чтобы превратиться в дураков» [Цит. по: 1, с. 111]. Конкретные намерения французских управленцев, опасавшихся усиления влияния России на Дальнем Востоке, заключались в идее усилить свои позиции за счет открытия дополнительного отделения банка на юге Китая, включив в его название слово «французский / франко-», а также увеличить число французских служащих в банке [10, с. 484–485; 9, с. 172]. Примечательна в этом отношении позиция О. Шабриера, выраженная им в одном из писем А. Ротштейну, которую можно считать стремлением к компромиссу. Шабриер полагал очевидным тот факт, что «Франко-Китайский банк» сможет существовать и процветать лишь в том случае, если в реальности им будет управлять Русско-Китайский банк, поскольку уповать только на французскую торговлю бесперспективно. Поэтому он считал, что нужно создать формальный филиал, чтобы удовлетворить французское правительство, но «не вводить в наш совет большого количества иностранных членов, иначе вместо умиротворения мы только усилим напряженность» [15, л. 62]. Данное утверждение выглядит двояко. С одной стороны, Шабриер поддерживал негативную позицию Ротштейна (и Витте) относительно намерений французов. Но в то же время, практические меры предлагал, по

сути, выгодные своим соотечественникам. Правда, следует заметить, что Шабриер просил Ротштейна убедиться, действительно ли условия, касающиеся авансов за товары, прописаны в уставе банка таким образом, чтобы не зависеть от французского законодательства, которое «является препятствием для бизнеса такого рода за границей» [15, л. 62]. Предлагая компромиссное решение, чтобы не обострять отношений с французским правительством, Шабриер все же считал искусственно создаваемую конкуренцию нескольких банков в Китае пагубным явлением для бизнеса. В такой ситуации (при условии действия Франко-Китайского, Русско-Китайского и Индокитайского банков) о реальной прибыли, по его мнению, не могло быть и речи [15, л. 77, 81–81об.; 8, с. 373].

В целом, О. Шабриер симпатизировал идее российско-французского сотрудничества в сфере экономики и финансов. В письме Ротштейну из Лиона от 18 февраля 1898 г. он сообщал благоприятную, на его взгляд, новость, о том, что Санкт-Петербургский частный коммерческий банк поглотил банковский дом Rabin, Rondel & Cie (Рабэн, Рондель и К^о) в Лионе и Марселе и основал в двух этих городах новый банк с капиталом около 4 миллионов франков под названием «Banque Privée industrielle, commerciale et coloniale de Lyon et Marseille» (Частный промышленный, коммерческий и колониальный банк Лиона и Марселя). Шабриер подчеркивал, что банку предстоит заниматься российскими промышленными делами и проводить финансовые операции между Францией и Россией [15, л. 71–71об.].

Другой представитель французской деловой элиты, а также дипломатического аппарата – Морис Верстрат, принимал активное участие в развитии экономических отношений между Россией и Францией с 1890-х гг. В рамках Русско-Китайского банка его основная деятельность пришлась на период после ухода из жизни А. Ротштейна в 1904 г. Но служба Верстрата оказалась связана с Россией уже в последнее десятилетие XIX в. С 1894 г. он работал во французском консульстве в России, затем получил назначение на должность коммерческим атташе в Петербурге, а с созданием в 1901 г. Северного банка вошел в его правление. Важно отметить, что Морис Верстрат не только хорошо разбирался в финансовых делах, но и обладал обширными сведениями о состоянии российской промышленности. Дипломат участвовал в промышленной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде, а также совершал ознакомительные поездки по России. Он посвятил России две монографии, где подробно описал состояние ряда промышленных отраслей и предложил пути их модернизации [22, 23]. М. Верстрат был близко знаком с директором Северного банка Л. Доризоном, который, в свою очередь, хорошо знал французского министра финансов (с 1899 г.) Жозефа Кайо, а также С. Ю. Витте [19, с. 377]. По согласованию с Л. Доризоном, Ж. Кайо и Э. Д'Уассэль, М. Верстрат стал руководителем Северного банка в Петербурге, имея полномочия вице-президента. Главным корреспондентом дипломата в Париже был его родной брат, Жорж Поль Верстрат, назначенный секретарем Луи Франсуа Доризона [21, с. 312]. В 1899 г. Морис Верстрат вошел в правление Русско-Китайского банка как дипломат и эксперт по промышленным и торговым операциям [21, с. 307]. Постепенно М. Верстрат старался принимать все более активное участие в делах банка, стремился оптимизировать его работу. В 1908 г. он представил свои предложения по реорганизации работы банка для повышения эффективности управления и улучшения результатов деятельности. Особенно Верстрата заботило управление филиалом на Дальнем Востоке. Он предлагал создать постоянную дирекцию, подразделяющуюся на: «Персонал», «Контроль по делам и рискам» и «Бухгалтерский контроль», а кроме того, сформировать группу инспекторов в главном офисе [17, л. 1–7; 16, л. 3–4об.].

В изучаемый период развитие экономических отношений между странами во многом зависело не только от решений государственных деятелей, но и от действий профессиональных финансистов и крупных инвесторов. Задумывались ли они о политических интересах и стремлениях властей? Хотели, например, французы модернизировать Россию? Рефлексируют деловые элиты на подобные темы или нет? Конечно, прежде всего, следует

учитывать, что элиты были неоднородны по составу. Вероятно, отношение к происходящему на международной арене и мировом рынке зависело от места каждого отдельного представителя в этой большой игре. К примеру, Морис Верстрат, который являлся не только членом правления Русско-Китайского, Северного и Русско-Азиатского банков, но и определенное время занимал пост коммерческого атташе Франции в Петербурге, рассматривал экономические связи с точки зрения дипломатии и выгоды для своей страны в целом, а не только в контексте конкретных прибылей кредитных организаций. Он использовал аналитический, расширенный подход к данному вопросу, создал монографические исследования и предложил пути модернизации ряда отраслей российской промышленности. Основным средством для достижения обозначенных целей он считал привлечение иностранных капиталов и укрепление позиций французских банкиров и предпринимателей в обеспечении необходимых инвестиций [23, с. 44–50].

Представителям правящей элиты (как французской, так и российской) такие финансовые институты, как Русско-Китайский банк, виделись рычагами политического влияния. Но им противостояли интересы профессиональных банкиров. Для квалифицированных финансистов-управленцев на первом месте всегда стояла собственная выгода. Нельзя отрицать ориентирование банкиров на международную конъюнктуру. Они, безусловно, зависели от неё, хотя бы с точки зрения открывающихся коммерческих возможностей при политическом сближении государств. Но в то же время, их представления о методах и средствах достижения целей сотрудничества могли различаться с действиями властей. В итоге, профессиональные финансисты искусно лавировали между интересами правительств собственной страны, страны-союзницы и тех бизнес-партнеров, с которыми сотрудничали в коммерческих целях. Первичными оставались вопросы прибыли представляемых ими банков. Такому положению вещей способствовало то, что среди крупных банкиров и финансистов можно считать интернациональной.

Наконец, материалы переписки крупнейших финансистов позволяют заключить, что при внешней картине успешного и масштабного сотрудничества, внутри совместных российско-французских организаций существовали противоречия и конкуренция между участниками за превосходство в принятии решений, господство на определенных территориях (проведение финансовых операций, займов, торговли), иными словами – борьба за сферы влияния. Взаимозависимость внешнеполитических условий и экономической дружбы заключалась в том, что, когда дипломатические отношения между одними странами портились, а между другими улучшались – это открывало путь для реформирования схем сотрудничества в сфере государственных займов, создавало условия для деятельности крупных банкирских домов. Последние же, как представляется, будучи во многом космополитичны, стремились уловить нужный момент и выгодно вложиться в перспективное дело. Несмотря на некоторые противоречия, в конце XIX – начале XX в. сотрудничество России и Франции в сфере экономики имело твердые основы. Российские правящие элиты и деловые круги, помимо дипломатических целей, видели перспективу в привлечении французских капиталов, а во Франции страну-союзницу воспринимали как сильного политического актора и набирающего мощь экономического игрока на международной арене.

Список источников и литературы

1. *А. Ротштейн – Ф. Нотгафту. Енхаузен, 28 июля / 9 августа 1897 г.* // Россия и мировой бизнес: дела и судьбы. Альфред Нобель, Адольф Ротштейн, Герман Спитцер, Рудольф Дизель / Под ред. В. И. Бовыкина. Москва: РОССПЭН, 1996. С. 111.
2. Бовыкин, В. И. (1999). *Французские банки в России. Конец XIX – начало XX в.* Москва: РОССПЭН. 256 с.

3. Витте, С. Ю. (2010). *Воспоминания. Полное издание в одном томе*. Москва: Издательство АЛЬФА-КНИГА. 1247 с.
4. Вишняков-Вишневецкий, К. К. (2004). *Иностранцы в структуре петербургского предпринимательства в начале XX в.* // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Т. 4. № 7. С. 258-270.
5. Г. Спитцер – А. Ротштейну. *Версаль, 21 марта / 2 апреля 1899 г.* // Россия и мировой бизнес: дела и судьбы. Альфред Нобель, Адольф Ротштейн, Герман Спитцер, Рудольф Дизель (1996) / Под ред. В. И. Бовыкина. Москва: РОССПЭН, 1996. С. 157-158.
6. Г. Спитцер – А. Ротштейну. *Париж, 20 марта / 1 апреля 1899 г.* // Россия и мировой бизнес: дела и судьбы. Альфред Нобель, Адольф Ротштейн, Герман Спитцер, Рудольф Дизель / Под ред. В. И. Бовыкина. Москва: РОССПЭН, 1996. С. 154-157.
7. Г. Спитцер – А. Ротштейну. *Париж, 24 марта / 5 апреля 1899 г.* // Россия и мировой бизнес: дела и судьбы. Альфред Нобель, Адольф Ротштейн, Герман Спитцер, Рудольф Дизель / Под ред. В. И. Бовыкина. Москва: РОССПЭН, 1996. С. 160-161.
8. Лебедев, С. К. (2016). *Адольф Ротштейн и Русско-Китайский банк* // Азиатская Россия: люди и структуры империи. Сборник научных трудов. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского. Омск: ООО «Полиграфический центр КАН». С. 365-378.
9. Лукоянов, И. В. (2008). *«Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв.* СПб.: Нестор-История. 668 с.
10. Романов, Б. А. (1928). *Россия в Манчжурии (1892-1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма*. Ленинград: Ленинградский восточный институт им. А. С. Енукидзе. 605 с.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 560. Оп. 22. Д. 200.
12. РГИА. Ф. 626. Оп. 1. Д. 87.
13. РГИА. Ф. 626. Оп. 1. Д. 88.
14. РГИА. Ф. 632. Оп. 1. Д. 4.
15. РГИА. Ф. 632. Оп. 1. Д. 6.
16. РГИА. Ф. 632. Оп. 1. Д. 44.
17. РГИА. Ф. 632. Оп. 1. Д. 45.
18. *Россия и мировой бизнес: дела и судьбы. Альфред Нобель, Адольф Ротштейн, Герман Спитцер, Рудольф Дизель* (1996) / Под ред. В. И. Бовыкина. Москва: РОССПЭН. 312 с.
19. Belhoste, J.-F. (2011). *De l'industrie à la banque, la Société général en Russie (1870-1900)* // La France et les Français en Russie. Nouvelles sources et approches (1815-1917) / Etudes réunies par A. Charon, B. Delmas et A. Le Goff. Paris : École nationale des chartes : Archives nationales. P. 361-379.
20. Claeys, T. (2015). *Les investissements français en Russie de 1857 à 1914 : conseils, expertises et stratégies* // Quaestio Rossica. № 4. P. 163-179.
21. Claeys, T. (2013). *Un diplomate, écrivain et banquier en Russie : le parcours de Maurice-Paul-Alfred Verstraete* // Французы в научной и интеллектуальной жизни СССР в XX веке = Les Français dans la vie intellectuelle et scientifique en URSS au XX siècle / Под ред. А. О. Чубарьяна, Ф.-Д. Лиштенан, С. Кèре, О. В. Окуневой. Москва: ИВИ РАН. С. 301-328.
22. Verstraete, M.-P.-A. (1897). *La Russie industrielle, étude sur l'Exposition de Nijni-Novgorod*. Paris: Hachette. II-320 p.
23. Verstraete, M.-P.-A. (1899). *L'Oural*. Paris: Hachette. 262 p.

References

1. *A. Rotshteyn – F. Notgaftu. Enkhauzen, 28 iyulya / 9 avgusta 1897 g.* in *Rossiya i mirovoy biznes: dela i sud'by. Al'fred Nobel', Adol'f Rotshteyn, German Spittser, Rudol'f Dizel'* (1996) / Pod red. V. I. Bovykina. Moscow, ROSSPEN. (in Russian).
2. Bovykin, V. I. (1999). *Frantsuzskie banki v Rossii. Konets XIX – nachalo XX v.* [French banks in Russia. Late 19th – early 20th century]. Moscow, ROSSPEN. (in Russian).
3. Vitte, S. Yu. (2010). *Vospominaniya. Polnoe izdanie v odnom tome* [Memories. Complete edition in one volume]. Moscow, Izdatel'stvo AL'FA-KNIGA. (in Russian).
4. Vishnyakov-Vishnevetskiy, K. K. (2004). *Inostrantsy v strukture peterburgskogo predprinimatel'stva v nachale XX v.* [Foreigners in the structure of St. Petersburg entrepreneurship in the early 20th century] in *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, t. 4, 7, 258-270. (in Russian).
5. *G. Spittser – A. Rotshteynu. Versal', 21 marta / 2 aprelya 1899 g.* in *Rossiya i mirovoy biznes: dela i sud'by. Al'fred Nobel', Adol'f Rotshteyn, German Spittser, Rudol'f Dizel'* (1996) / Pod red. V. I. Bovykina. Moscow, ROSSPEN, 157-158. (in Russian).
6. *G. Spittser – A. Rotshteynu. Parizh, 20 marta / 1 aprelya 1899 g.* in *Rossiya i mirovoy biznes: dela i sud'by. Al'fred Nobel', Adol'f Rotshteyn, German Spittser, Rudol'f Dizel'* (1996) / Pod red. V. I. Bovykina. Moscow, ROSSPEN, 154-157. (in Russian).
7. *G. Spittser – A. Rotshteynu. Parizh, 24 marta / 5 aprelya 1899 g.* in *Rossiya i mirovoy biznes: dela i sud'by. Al'fred Nobel', Adol'f Rotshteyn, German Spittser, Rudol'f Dizel'* (1996) / Pod red. V. I. Bovykina. Moscow, ROSSPEN, 160-161. (in Russian).
8. Lebedev, S. K. (2016). *Adol'f Rotshteyn i Russko-Kitayskiy bank* [Adolf Rothstein and the Russian-Chinese Bank] in *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii. Sbornik nauchnykh trudov. Omskiy gosudarstvennyy universitet im. F. M. Dostoevskogo. Omsk, OOO «Poligraficheskiy tsentr KAN»*, 365-378. (in Russian).
9. Lukoyanov, I. V. (2008). «*Ne otstat' ot derzhav...»*. *Rossiya na Dal'nem Vostoke v kontse XIX – nachale XX vv.* [Keeping up with the powers...]. Russia in the Far East in the late 20th – early 20th centuries]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ. (in Russian).
10. Romanov, B. A. (1928). *Rossiya v Manchzhurii (1892-1906). Ocherki po istorii vneshney politiki samodержaviya v epokhu imperializma* [Russia in Manchuria (1892-1906). Essays on the history of the foreign policy of the autocracy in the era of imperialism]. Leningrad, Leningradskiy vostochnyy institut im. A. S. Enukidze. (in Russian).
11. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv [Russian State Historical Archive] (RGIA). F. 560. Op. 22. D. 200. (in Russian).
12. RGIA. F. 626. Op. 1. D. 87. (in Russian).
13. RGIA. F. 626. Op. 1. D. 88. (in Russian).
14. RGIA. F. 632. Op. 1. D. 4. (in Russian).
15. RGIA. F. 632. Op. 1. D. 6. (in Russian).
16. RGIA. F. 632. Op. 1. D. 44. (in Russian).
17. RGIA. F. 632. Op. 1. D. 45. (in Russian).
18. *Rossiya i mirovoy biznes: dela i sud'by. Al'fred Nobel', Adol'f Rotshteyn, German Spittser, Rudol'f Dizel'* (1996) [Russia and world business: deals and destinies. Alfred Nobel, Adolf Rothstein, Hermann Spitzer, Rudolf Diesel], pod red. V. I. Bovykina. Moscow, ROSSPEN. (in Russian).

Лантев В. А.
(Москва)

УДК 93-94

СОЗДАНИЕ И БОЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УДАРНЫХ ЧАСТЕЙ И РЕВОЛЮЦИОННЫХ БАТАЛЬОНОВ РУССКОЙ АРМИИ ПО МАТЕРИАЛАМ ВОЕННОЙ ПЕЧАТИ 1917 г.

Статья посвящена вопросу освещения в военной периодической печати ударных частей и революционных батальонов – особых боевых формирований, которые возникли в русской армии весной 1917 года. Первые набирались исключительно из военнослужащих действующей армии, вторые же комплектовались как из состава тыловых частей, так и гражданскими добровольцами. В процессе исследования автор анализирует то, какая информация об ударных частях и революционных батальонах публиковалась в военных газетах и приходит к выводу о том, что за счет ее разносторонности удавалось достаточно подробно освещать вопросы их создания, существования и боевой деятельности. С одной стороны, в газетах была представлена подробная информация об особенностях организации революционных батальонов: печатались материалы о процедуре вступления в состав этих формирований, вопросах материального обеспечения волонтеров. Кроме того, публиковались письма и телеграммы военнослужащих, в которых они изъявляли желание вступить в состав «частей смерти». Также регулярно публиковались ответные телеграммы и приказы высшего командования, касавшиеся возникновения новых ударных формирований и функционирования существовавших. С другой стороны, в военной печати внимание уделялось и отражению полемики о целесообразности существования подобных боевых частей, разгоревшейся в русской армии. В связи с этим, на страницах армейских газет появлялись публикации коллективных решений групп военнослужащих, личных писем солдат и офицеров, интервью волонтеров женских батальонов смерти, в которых они рассказывали о своих мотивах вступления в состав этого добровольческого движения. Наконец, в армейской печати была предоставлена богатая информация об особых боевых формированиях – женских батальонах смерти.

Ключевые слова: Первая мировая война, Великая российская революция, военная пресса, русская армия 1917 г., ударные части, революционные батальоны из волонтеров тыла

The article is devoted to the issue of the coverage in the military periodical press of attack units and revolutionary battalions - special combat formations that arose in the Russian Army in the spring of 1917. The former were recruited exclusively from the active army, while the latter were recruited from both logistic units and civilian volunteers. In the course of the study, the author analyses what information about the attack units and the revolutionary battalions was published in the military newspapers and concludes that its versatility made it possible to cover their establishment, existence and combat activity in sufficient detail. On the one hand, the newspapers provided detailed information on the organization of the revolutionary battalions. In particular, materials were printed about the procedure for joining these groups and support for volunteers. Moreover, letters and telegrams of military personnel were published in which they expressed their desire to join «parts of death». In addition, counter-insurgency telegrams and orders from the High Command were regularly published concerning the emergence of new attack units and the activities of existing ones. On the other hand, attention was paid in the military press to reflecting the controversy over the advisability of the existence of such combat units, which had flared up in the Russian army. In this connection, military newspapers have published collective decisions by groups of soldiers, personal letters from soldiers and officers, and interviews with

women's death battalion volunteers on their motives for joining the volunteer movement. Finally, a wealth of information was provided in the army press about special combat forces - the women's death battalions.

Keywords: First world war, Great Russian revolution, military press, Russian army 1917, shock units, revolutionary battalions.

DOI: 10.24888/2410-4205-2023-34-1-102-108

Зарождение ударнического движения, включившее в себя как формирование ударных частей из соединений действующей армии, так и создание революционных батальонов, набравшихся из волонтеров тыла, стало заметным событием в жизни русской армии. Первые идеи о специальных добровольческих формированиях стали звучать весной 1917 года на Юго-Западном фронте. Именно там, в начале мая возникли офицерско - солдатские группы, выступавшие за восстановление дисциплины в армии и продолжение войны до победного конца. Одна из таких армейских групп, возглавляемая подполковником Генерального штаба В. К. Манакиным и капитаном 122-го пехотного Тамбовского полка М. А. Муравьевым, выпустила воззвание, в котором заявляла о необходимости формирования особых добровольческих частей, которые будут повышать морально-боевой дух армии в процессе наступления.

В заявлении, в частности, говорилось о том, что, «поставленные на стратегически важных участках фронта, ударные части должны поднимать войска в наступление» [13, с. 34].

В то же время аналогичную идею высказал старший адъютант разведывательного управления отделения генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии капитан М. О. Неженцев. В середине мая он докладывал командующему 8-й армией генерал-лейтенанту Л. Г. Корнилову о необходимости формирования особых «частей смерти», которые «явились бы ярким примером для остальной армии» [14, с. 36].

Следует отметить, что информация о зарождении ударнической кампании в военной прессе периода апреля-мая 1917 г. отсутствовала. Основная причина этого факта кроется в том, что эксперименты с подобными добровольческими частями не имели большой популярности в среде высшего военного командования, особенно в то время, когда пост Верховного главнокомандующего занимал генерал от инфантерии М. В. Алексеев [15, с. 66-67]. Ситуация изменилась с приходом на его должность генерала от кавалерии А. А. Брусилова, который был активным поборником идей ударничества и волонтерства, называя при этом себя «первым ударником» [13, с. 35].

Первые упоминания о батальонах смерти и революционных батальонах из волонтеров тыла появились в военных газетах в начале июня 1917 г. в период набравшей обороты идеологической кампании, имевшей своей целью подготовить солдатские массы и общество к предстоящему крупному наступлению на фронте.

Примечательно, что деятельность ударных частей и революционных батальонов в военной периодической печати освещалась с разных сторон. Одним из видов публиковавшейся информации были сообщения об особенностях организации революционных батальонов из волонтеров тыла. Например, в номере от 18 июня газеты «Известия Севастопольского Совета депутатов армии флота и рабочих» вышла заметка о порядке действий, которому должен был следовать волонтер, вступавший в ряды революционных батальонов.

В газетном сообщении отмечалось, что, в первую очередь, доброволец должен был записаться у местного представителя Центрального Исполнительного комитета по формированию революционных батальонов из волонтеров тыла: «запись волонтеров производится дежурным комиссаром по формированию революционных батальонов в Севастопольском Центральном Исполнительном комитете». После этого он должен был получить необходимые документы и кормовые деньги для проезда к месту общего сбора: «каждый волонтер в

отдельности должен получить вербовочную карточку у комиссара Исполнительного Комитета по формированию революционных батальонов, по получении вербовочной карточки волонтеры должны снабжаться literой –А” для проезда до станции Балик Ю[жной] ж[елезной] д[ороги] и кормовыми деньгами на пять суток – солдаты своими частями, а гражданские лица воинскими начальниками» [10].

Кроме того, в заметках в армейской печати можно найти информацию о материальном содержании волонтеров: за военнотружущим запасных частей и гражданским, вступившими в состав революционных батальонов, сохранялись их должности и содержание на протяжении всего времени службы. Например, в статье, опубликованной в номере от 21 июня «Известий Севастопольского Совета», были предоставлены следующие сведения: «согласно параграфа второго, п[ункта] 3, Плана формирования революционных батальонов из волонтеров тыла, утвержденного Верховным главнокомандующим генералом от кавалерии Брусиловым от 23 мая 1917 года, при призыве добровольцев из революционной молодежи, как то: юнкеров, рабочих, офицеров и вообще, граждан, за волонтерами сохраняются их должности и содержание» [11].

Помимо всего прочего, в военной периодической печати публиковались документы, касающиеся организации работы с личным составом революционных батальонов. Например, в номере от 2 августа газеты «Армейский вестник» - официального печатного органа Штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта, были опубликованы положения об инструкторах революционных батальонов и присяга революционера-волонтера [3].

В разгар ударнического движения в военной печати стала появляться информация и об ударных частях, набравшихся исключительно из военнотружущих действующей армии. Одним из видов материалов стали письма солдат и офицеров, публично изъявивших желание вступить в ряды «частей смерти». В номере от 4 июля «Армейского вестника» вышла заметка о телеграмме группы военнотружущих 4-го стрелкового полка на имя Верховного главнокомандующего, в котором они «принимали единодушное решение грудью защищать дорогую Родину, не щадя жизни и связывали себя свободной клятвой «смерти» [2].

В той же газете, в номере от 18 августа, была напечатана телеграмма от солдат и офицеров 2-ой батареи N мортирного артиллерийского дивизиона, которые «ходатайствовали о зачислении батареи в ударные части фронта с наименованием «Батареи смерти»». «В полном составе, обсудив вопрос о переживаемом Родиной в настоящее время бедствия и идя навстречу призыву военного министра тов[арища] Керенского и Верховного Главнокомандующего, вынесли единогласно резолюцию, что все офицеры и солдаты батареи, готовы по первому требованию военного министра, командующего армией или другого начальства, в зависимости от обстоятельств, пойти в наступление куда будет приказано и честно исполнить свой долг перед дорогой Родиной» - заявляли военнотружущие батареи [5].

Также, в номере от 29 июня газеты «Вестник Особой Армии» - печатного органа Особой Армии Западного фронта, была опубликована телеграмма командира 15-го понтонного батальона полковника (?)Кукеля на имя военного и морского министра А. Ф. Керенского, в которой сообщалось «о единодушном решении батальона всем записаться в штурмовой отряд, дабы защищать завоеванную свободу и дорогую пострадавшую Родину». Вместе с тем, он «просил переименовать свою часть в «штурмовой понтонный батальон»» [7].

Вскоре, в том же печатном органе, в номере от 4 июля, была опубликована телеграмма, адресованная А. Ф. Керенскому. В ней офицеры и солдаты гарнизона города Осташков, принявшие решение войти в состав батальона смерти 38-ой пехотной дивизии заявляли следующее: «Солдаты Осташковского гарнизона, добровольно записавшиеся в ударный батальон смерти 38-й пехотной дивизии, приветствуют великого вождя революционной армии и клянутся ему умереть за светлое будущее дорогой родины [8].

Следует отметить, что на страницах военных газет печатались заметки и об ответных телеграммах Верховного главнокомандующего, в которых он приветствовал все созданные «части смерти» и революционные батальоны из волонтеров тыла. Так, в телеграмме, опубликованной в номере от 11 июня «Известий Севастопольского Совета», А. А. Брусилов «приветствовал и давал добро на то, чтобы всем чинам славного гвардейского 4-го стрелкового полка нашить на обшлага красно-черный шеврон и на фуражку вместо кокарды Адамову голову со скрещенными костями, как части, связанной свободной клятвой «смерти»» [9]. Позже, в номере от 25 июня той же газеты, была опубликована телеграмма, в которой Верховный главнокомандующий «приказал предоставить списки всех охотников-волонтеров, чтобы лично ходатайствовать перед Учредительным собранием об увековечивании имен волонтеров» [12].

Большой поток писем и телеграмм от солдат и офицеров побудил высшее командование нормативно урегулировать ритуал вступления в состав ударных частей. Информация об этом также нашла свое отражение в военной прессе. Так, в сообщении, напечатанном в номере от 25 июня «Армейского вестника», было опубликовано заявление от Исполнительного бюро Всероссийского Военного Союза, прописывавшее порядок действий солдат-ударников. Согласно нему, сначала военнотружущим-добровольцам следовало сообщить в бюро при Ставке наименование частей для доклада Верховному главнокомандующему, предоставив списки личного состава, «для внесения имен их в ряды борцов революции», затем предоставить текст доклада и прислать делегацию ударной части для встречи с Верховным главнокомандующим, при этом отмечалось, что «полки, батареи, батальоны, эскадроны и роты «смерти» с разрешения Верховного главнокомандующего получают на обшлага красно-черные шевроны и вместо кокарды на фуражку символ бессмертия Адамову голову со скрещенными мечами» [1].

Следует отметить, что формирование ударных частей и революционных батальонов из волонтеров тыла вызвало острую полемику среди солдат и офицеров Русской армии. Она нашла свое отражение и в военной периодической печати. В номере «Известий Севастопольского Совета» от 21 июня была опубликована резолюция Совета военных и рабочих депутатов Севастополя о «вредности формирования ударных батальонов для всей революционной демократической России». Заявлялось, что «по мнению большинства присутствовавших на заседании, революционная армия должна быть единой и выделять какие-то особые формирования нет необходимости» [11]. В том же номере было опубликовано решение общекорпусного собрания судна «Евстафий» со следующим содержанием: «революционные батальоны отрицательны, как отдельные формирования, желательнее, чтобы те, кто желает поспособствовать делу свободы, вступили в те части, которые уже имеются» [11].

Вскоре в той же газете, в номере от 25 июня, было опубликовано коллективное решение команды линейного корабля «Три святителя», в котором говорилось о том, что она «относится отрицательно к созданию ударных батальонов, как обособленных от всей армии отрядов, но приветствует желание записавшихся и предлагает им вливаться в существующие уже полки добровольцами, но не образовывать отдельных частей» [12].

Аналогичная информация содержалась в номере от 29 июля петроградской газеты «Солдатская мысль», где была опубликована резолюция Военной секции Исполнительного комитета Румынского фронта «О женских батальонах смерти» со следующим содержанием: «женские батальоны, как боевая единица, не увеличивают сколько-нибудь значительно боеспособности армии ни в количественном ни в качественном отношении, а энергия женщин может быть использована в войсках тыла и ближайшего фронта» [17].

Следует также упомянуть и о газетных публикациях, выпущенных после того, как ударные части и, в меньшей степени, революционные батальоны, героически проявили себя во время Июньского наступления русской армии. В военной периодике стали появляться сообщения и репортажи, в которых высоко оценивалась боевая работа «батальонов смер-

ти». Например, в номере от 2 августа «Армейского вестника», был опубликован отчет военного корреспондента газеты с места боевых действий. В нем он писал, что «военнослужащие с черно-красными шеvronами ударных батальонов проявили самое активное участие в занятии двух линий обороны противника и, тем самым, принесли огромную пользу наступлению» [3]. В следующем номере этой газеты был опубликован репортаж немецкого военного журналиста газеты «Berliner Tageblatt». Немецкий корреспондент был впечатлен боевой работой одного из батальонов смерти: «Батальон дрался с холоднокровием преступников, или со слепотой фанатиков. Офицеры, стоя по пояс в болоте, стреляли из винтовок, как простые рядовые, не обращая внимания на то, что германцы их засыпали градом шрапнелей [...] русские сражались с храбростью наполеоновских героев, с увлечением средневековых фанатиков – в одиночку, группами, целыми отрядами, словно сгорая от охватившего их пламени патриотизма» [4].

Подобная информация содержалась в номере от 18 августа «Армейского вестника». Здесь была опубликована заметка о военнослужащих ударных частей с таким содержанием: «Они принимали участие в наших наступлениях и их солдаты и офицеры гибли безропотно за свободу России. И на горячий призыв откликнулось много народа. Откликнулись те, для которых честь и слава родины стоит выше личной жизни. Батальонов у нас не так уж много, но они сильны духом и могут служить примером» [5].

Важное место среди публикаций о добровольческих формированиях занимали и материалы, касавшиеся женских батальонов смерти. В военной прессе публиковались письма солдат и офицеров, в которых они высказывали свое мнение о женских батальонах смерти. В номере от 22 августа «Армейского вестника» было напечатано письмо неизвестного, в котором он обращался к военнослужащим женских батальонов смерти: «К вам, женские «батальоны смерти», обращаюсь: гражданки, сестры, бросьте вы играть в солдатиков, дело не шуточное, идите в деревню; там много голодных, оборванных детей, матери их убирают сено, хлеб; обмойте их, обшейте их, согрейте любовно. Без любви нет братства; без братства нет равенства» [6].

Весьма интересными представляются интервью с военнослужащими женских батальонов смерти, напечатанные в номере от 25 июля «Солдатской мысли», в которых они, в частности, объясняли свои мотивы, побудившие их записаться в данные добровольческие формирования. Так, женщины-добровольцы отвечали на вопрос о мотивах сражаться на передовой следующим образом: «Ведь мы хотели равноправия и добились его. Если нам дали равные с мужчинами права, значит, мы должны взять на себя и равные с ними обязанности». Одна из военнослужащих, в частности, добавляла к этому следующие слова: «Нас, женщин, часто упрекают в узости взглядов [...] пусть же теперь эта односторонность пригодится [...] Мы будем только солдатами и будем исполнять свой солдатский долг – будем воевать, и как нам воевать, это уж пусть диктуют нам Корнилов и Керенский, те, кто этим ведают» [16].

Помимо всего прочего, печаталась информация о контингенте, которым комплектовались женские батальоны смерти. Например, в номере от 29 июля «Солдатской мысли», в одной из заметок сообщалось: «женский батальон комплектуется большей частью беженками и народными учительницами, деревня дает около 60 проц[ентов] остальную часть дает городская интеллигенция, среди которых много слушательниц высших учебных заведений, много поступает также и сестер милосердия, побывших уже на фронте и получивших боевые награды». Отмечалось и то, что большая часть присылаемых женщин не удовлетворяла условиям приема по какой-либо болезни, поэтому отбор производился четко по инструкции, в которой указывалось, что «принимаются женщины-добровольцы от 18-ти до 20-ти лет, моложе только по особому разрешению Организационного Комитета, серьезно взвесившие свой шаг и принявшие твердое решение вступить в ряды армии» [17].

На страницах «Солдатской мысли» печатались и заметки о посещениях женских батальонов общественными и государственными деятелями. В номере от 30 июля упоминалось о визите военного и морского министра А. Ф. Керенского в расположение 1-го Петроградского женского батальона под командованием М. Л. Бочкаревой. Отмечалось, что приезд военного и морского министра оказался полной неожиданностью, и его приняли за постороннего, едва не задержав [18]. А в номере от 3 августа была напечатана заметка о посещении батальона смерти Бочкаревой известным агитатором за продолжение войны, матросом Черноморского флота Ф. И. Баткиным, «произнесшим перед выстроившимися «товарищами» речь, покрытую несмолкаемыми криками ура». Там же сообщалось и о визите жены Г. В. Плеханова - Р. М. Плехановой, которая «осталась под большим впечатлением от личного состава женского батальона смерти и крайне интересовалась их жизнью» [19].

Подытоживая вышеизложенное, можно говорить о том, что процесс освещения ударных частей и революционных батальонов в военной периодической печати был весьма разносторонним. Во-первых, объяснялись особенности организации и функционирования революционных батальонов. Во-вторых, публиковались письма и телеграммы военнослужащих, изъявлявших желание вступить в состав ударников, а также и ответные телеграммы высшего командования. В-третьих, свое отражение в военных газетах нашла и острая полемика относительно целесообразности создания этих добровольческих формирований. В-четвертых, в военной прессе публиковались статьи о том, как ударные части и революционные батальоны сражались на передовой. Наконец, в военной печати активно освещалась деятельность женских батальонов смерти: публиковалась информация о контингенте батальонов и о визитах в их расположения известных лиц. Таким образом, разносторонность представленной информации позволила достаточно подробно осветить вопросы их создания, существования и боевой деятельности.

Список источников и литературы

1. Армейский вестник. 1917. 25 июня.
2. Армейский вестник. 1917. 4 июля.
3. Армейский вестник. 1917. 2 августа.
4. Армейский вестник. 1917. 3 августа.
5. Армейский вестник. 1917. 18 августа.
6. Армейский вестник. 1917. 22 августа.
7. Вестник Особой Армии. 1917. 29 июня.
8. Вестник Особой Армии. 1917. 4 июля.
9. Известия Севастопольского Совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 11 июня.
10. Известия Севастопольского Совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 18 июня.
11. Известия Севастопольского Совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 21 июня.
12. Известия Севастопольского Совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 25 июня.
13. Кибовский, А. В. (1998). *Революцией призванные // Цейхгауз*. № 8. С. 34-42.
14. Левитов, М. Н. (2015). *Корниловский ударный полк*. Москва: Посев. 872 с.
15. *Разложение армии в 1917 году (1925)* / Центрархив, подгот. к печати Н. Е. Какуриным. Москва; Ленинград: Гос. Изд-во. 190 с.
16. Солдатская мысль. 1917. 25 июля.
17. Солдатская мысль. 1917. 29 июля.
18. Солдатская мысль. 1917. 30 июля.
19. Солдатская мысль. 1917. 3 августа.

References

1. Armeiskii vestnik [Army newsletter]. 1917, 25 june. (in Russian).
2. Armeiskii vestnik [Army newsletter]. 1917, 4 july. (in Russian).
3. Armeiskii vestnik [Army newsletter]. 1917, 2 august. (in Russian).
4. Armeiskii vestnik [Army newsletter]. 1917, 3 august. (in Russian).
5. Armeiskii vestnik [Army newsletter]. 1917, 18 august. (in Russian).
6. Armeiskii vestnik [Army newsletter]. 1917, 22 august. (in Russian).
7. Vestnik Osoboi Armii [Special Army bulletin]. 1917, 29 june. (in Russian).
8. Vestnik Osoboi Armii [Special Army bulletin]. 1917, 4 july. (in Russian).
9. Izvestiya Sevastopol'skogo Soveta deputatov armii, flota i rabochikh [News of the Sevastopol Council of Army Deputies, Navy and Workers]. 11 june, 1917. (in Russian).
10. Izvestiya Sevastopol'skogo Soveta deputatov armii, flota i rabochikh [News of the Sevastopol Council of Army Deputies, Navy and Workers]. 18 june, 1917. (in Russian).
11. Izvestiya Sevastopol'skogo Soveta deputatov armii, flota i rabochikh [News of the Sevastopol Council of Army Deputies, Navy and Workers]. 21 june, 1917. (in Russian).
12. Izvestiya Sevastopol'skogo Soveta deputatov armii, flota i rabochikh [News of the Sevastopol Council of Army Deputies, Navy and Workers]. 25 june, 1917. (in Russian).
13. Kibovskiy, A. V. (1998). *Revolutsiyey prizvannye* [Who called upon by the revolution] in Tseighauz, 8, 34-42. (in Russian).
14. Levitov, M. N. (2015). *Kornilovskiy udarnyy polk*. [The Kornilov shock regiment]. Moscow, Posev Publ. (in Russian).
15. *Razlozhenie armii v 1917 godu* (1925). [The disintegration of Russian army in 1917]. Ed. by N. E. Kakurin. Moscow, Leningrad, State Publ. (in Russian).
16. Soldatskaya mysl' [Soldier's thought]. 1917, 25 july. (in Russian).
17. Soldatskaya mysl' [Soldier's thought]. 1917, 29 july. (in Russian).
18. Soldatskaya mysl' [Soldier's thought]. 1917, 30 july. (in Russian).
19. Soldatskaya mysl' [Soldier's thought]. 1917, 3 august. (in Russian).

Лямин С. К.,
Олейникова С. Д.
(Тамбов)

УДК 128

«СМЕРТЬ» В МЕНТАЛИТЕТЕ КРЕСТЬЯН РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Рассматривается связь категории смерти в контексте природного, хозяйственно-го, социального, духовного существования крестьянина. Анализируются субъективные и объективные факторы, воздействующие на представление о смерти. Раскрывается зависимость крестьянской жизнедеятельности от окружающей среды, так как в структуре крестьянского менталитета природа занимала особое место. В статье приведены пословицы, поговорки, примеры из сказок, подтверждающие, что жизнь отдельного человека была зыбкой, постоянно находилась под угрозой смерти. Затрагивается тема православной интерпретации смерти, где мирское и духовное трактуется как своеобразное противостояние. Дан анализ восприятия взглядов крестьян на детскую смертность, где акцент делается на то, что крестьянка была в ответственности за выживание всей семьи в целом, всех детей, а не каждого отдельного ребенка. Затрагивается категория «покоя» как высшего наслаждения. Воплощением этой высшей ценности является рай, а путь к её достижению лежит через смерть, которая избавляет человека от груза ответственности. Делается вывод о том, что основные аспекты крестьянского образа смерти связаны с конкретно-практической жизнедеятельностью крестьянина, крестьянской семьи и крестьянской общины, которая должна была заботиться о жизни общины в целом, а не унывать в связи со смертью конкретного человека.

Ключевые слова: крестьянин, смерть, природа, фатальность, религия, язычество, ребёнок, менталитет, община, болезнь, покой, жизнедеятельность.

The connection of the category of death is considered in the context of the natural, economic, social, spiritual existence of a peasant. Subjective and objective factors influencing the idea of death are analyzed. The dependence of peasant life on the environment is revealed, since nature occupies a special place in the structure of the peasant mentality. The article contains proverbs, sayings from fairy tales, confirming that the life of an individual was unsteady, was constantly under the threat of death. The theme of the Orthodox interpretation of death is touched upon, where the worldly and spiritual are interpreted as a kind of confrontation. An analysis of the perception of peasant views on child mortality is given, where the emphasis is on the fact that the peasant woman was responsible for survival of the whole family as a whole, all children, and not each individual child. The category of «peace» is affected as the highest pleasure. The embodiment of this highest value is paradise, and the way to achieve it lies through death, which relieves a person of the burden of responsibility. It is concluded that the main aspects, of the peasant way of death are connected with the concrete practical life of the peasant, the peasant family and the peasant community, which was supposed to take care of the life of community, as a whole, and not lose heart due to the death of a particular person.

Keywords: peasant, death, nature, fatality, religion, paganism, child, mentality, community, disease, peace, vitality.

DOI: 10.24888/2410-4205-2023-34-1-109-121

Существование крестьянина в Российской империи определялось двумя событийно-временными циклами, которые различались по размеру: во-первых, ритмом сезонных работ, во-вторых – повторяющейся из поколения в

поколение динамикой основных жизненных этапов. Повседневное существование крестьянской семьи не предполагало новаций. Смена отдельных жизненных этапов от детства и юности к созданию семьи и собственного хозяйства, а затем к старости и смерти представляла собой единый для всех воспроизводимый сценарий, в основе которого лежали традиция и обычай. Эта «схема бытия» воспроизводилась без каких-либо существенных изменений в каждом новом поколении. Поэтому для крестьянина его будущее не являлось неизвестным и непредсказуемым, а, напротив, представлялось точной копией предшествующего цикла жизни старшего поколения. Ведущую роль в формировании такого образа жизни играла крестьянская семья. В этой связи очень характерно наблюдение известного этнографа С. В. Максимова: «...мы вошли в избу, когда там родилась новая живая душа, крестьянский сын, будущий поилец-кормилец семьи, вечный труженик, и непременно хлебопашец» [10], т.е. крестьянин даже не мог представить себя в какой-то иной роли. Жизненный путь не был инвариантным. Иначе говоря, по словам Н. Н. Козловой: «временной цикл подобен природному: здесь господствует представление о «времени-круге», вечном возвращении» [9].

Таким образом, время крестьян было циклично. Любое отклонение от нормы воспринималось как грех. Смерть рассматривалась как неотъемлемый компонент жизненного цикла. Неприятие смерти было столь же немислимо, как отрицание, например, наступления зимы вслед за осенью.

Среди русских пословиц, собранных В. И. Далем, можно встретить пословицы, отражающие циклическую необходимость смерти. Все они отражают одно и то же отношение к ней: то, что неизбежно, «суждено», с тем следует смириться. «Смерть да жена - Богом суждена» - здесь женитьба такой же этап жизненного цикла, как и смерть. «Сим молитву деет, Хам пшеницу сеет, Афет власть имеет, смерть всем владеет» - смерть - логическое завершение всякой земной деятельности. «Прежде смерти не умрешь» - «всему свой черед» [5, с. 285-286].

Как замечает А. В. Гордон, «крестьянское мировосприятие во всех своих этнокультурных проявлениях выражает слитость способа производства с образом жизни, единство производства средств существования с самим существованием. Извечно в глазах крестьян земледелие выступало космическим процессом, соединяющим время и пространство, духовную и материальную сферы, человеческий мир и природу, жизнь и смерть» [3, с. 59]. Как мы полагаем, цикличность сельскохозяйственной деятельности, и цикличность жизни оказывали существенное воздействие на формирование крестьянского представления о смерти как о нечто само собой разумеющемся - гармонично вписанным во всеобщий социальный и природный круговорот явлений.

Крестьянская жизнедеятельность в значительной мере зависела от окружающей среды. Наряду с цикличностью, в крестьянском сознании отражалось и другое качество природного окружения – господство неведомых непредсказуемых сил над жизнью человека. Фатальность традиционной зависимости крестьянского хозяйства от природных процессов оборачивалась фатализмом крестьянского мировоззрения. Крестьянин в этом смысле, как указывают Л. В. Данилова и В. Г. Данилов, «выступал как «естественный человек» - вся его жизнь протекала в непосредственном общении с природой и с ограниченным кругом таких же земледельцев, составлявших замкнутое сообщество. Прямым следствием локализма общины и зависимости от природных условий являлось растворение личности в коллективе и господство представлений о человеке как о марионетке в руках могущественных неизвестных сил» [6, с. 25-26]. Н. Н. Козлова уточняет эту мысль: «Крестьянское существование – жизнь на краю. Крестьянин живёт на границе природы и общества. Природа... постоянно грозит погубить крестьянские надежды на урожай и изобилие» [9].

В структуре крестьянского менталитета природа занимала особое место. Непрерывно взаимодействуя с природой, испытывая её влияние на свою жизнь, здоровье и благополучие, крестьяне накапливали опыт её познания. Результаты этих влияний приводили к тому, что «общая ёмкая формула всеохватывающего господства над миром и людьми Высшего Существа – Бога совмещается в крестьянском миропонимании с тягой к архаическим дохристианским трактовкам Природы («огонь - царь», «вода - царица», «земля - матушка», «небо - отец», «ветер - господин», «дождь - кормилец», «солнце - князь», «луна - княгиня»))» [11, с. 44]. Отождествляя силы природы, ежедневно вмешивающиеся в его жизнь и хозяйство, с потусторонними силами, с Судьбой, крестьянин воспринимал смерть как непонятную сверхъестественную волю, безраздельно господствующую над ним. Здесь так же, как и в случае с цикличностью, из осознания неизбежности смерти вытекает смирение с ней.

Крестьянскому сознанию свойственен фатализм, поскольку с неблагоприятными условиями среды отчасти могла бороться лишь община в целом, но не каждый человек в отдельности. Эта социально-хозяйственная «беспомощность» отдельного индивида переносилась и на представления о его «беспомощности» перед смертью. Община наделялась свойствами устойчивости и постоянства. Напротив, жизнь отдельного человека была зыбкой, постоянно находилась под угрозой смерти. Народная мудрость гласила: «Дума за горами, а смерть за плечами» [8, с. 356]. И. И. Дубасов, изучивший огромное количество архивных источников, отражающих повседневную жизнь крестьянства, так описывает ежеминутную близость смерти к крестьянину: «Крайне неприглядна была наша крестьянская жизнь. Для многих наших крестьян самая смерть, этот всеобщий примиритель, нередко являлся при особых и чрезвычайных обстоятельствах. Иной, например, провалился в колодезь и утонул там, другого, задавил воз с сеном, третий погиб под глыбой глины, которую копал он, или под деревом, неосторожно срубленным; иного разорвали волки, или медведь задавил, или бык забодал, или конь убил копытом, или свинья съела, кого зацепило крылом мельницы-ветрянки, кто умер от излишнего употребления горячего вина или от неудачного оскорбления, кто безвременно лёг на кулачном бою...» [7, с. 138-139].

Аналогичную картину можно наблюдать в русских народных сказках, которые записывал А. Н. Афанасьев. Например, в сказке про смерть петушка этот самый петушок подавился зернышком и умер, в некоторых других сказках главный герой то в яму провалится, то кобыла лягнёт насмерть, то баба яга упадет в огненную реку и умрет, дочь Чувилихи будет съедена ей же по глупой ошибке [14, с. 38, 42, 68, 105].

Таким образом, можно сделать вывод, что непрерывная угроза со стороны окружающей среды и беспомощность человека перед этой угрозой естественным образом способствовали формированию в крестьянском сознании фатального отношения к смерти. Ведь А. Н. Афанасьев записывал сказки со слов крестьян, очевидно, что все герои сказок имеют прямую связь с ощущениями русского народа.

О том, что крестьяне относились к смерти как к само собой разумеющемуся, можно извлечь из количественного анализа сборника А. Н. Афанасьева: в 62 сказках из 117 кого-то убивают или съедают, либо он умирает сам своей смертью, либо по случайности, а это немногим больше половина сказок. Ведь мы не можем игнорировать тот факт, что сказки были неотъемлемой частью жизни крестьянина, следовательно, типичные предрассудки и убеждения произвольно находили свое отражение в них.

В тексте очерка С. В. Максимова присутствуют диалоги крестьян, в которых они активно используют сказки, поговорки и загадки, что является еще одним доказательством вышесказанного, например: «...жили да были баран да овца: поставили они стог сенца, - не начать ли-де сказку опять с конца» [10, с.219] или «Не еще, - продолжал разговорившийся загадчик, - два стоят, два лежат, один ходит, другой водит» [10, с. 219].

«Неугомонный шутник рассказывал потом настоящие сказки, предварив, что это бывальщина и случилась от него по соседству. Рассказанная сказка воодушевила не только

баб, но даже и остальных певцов, из которых каждый рассказал также по бывальщине. Невестки только слушали, дивились диковинкам и искренне верили рассказываемому. Одна только свекровь заметила, что песня – быль, а сказка – ложь; но тотчас же рассказала про лешую, которую сама видела, когда...мыла белье в реке» [10, с. 220].

В течение столетий у крестьян отсутствовала связь между трудовыми затратами и эффективностью труда (количеством полученного урожая). Это не могло не повлиять на формирование своеобразного скептицизма по отношению к собственным хозяйственным усилиям в сложных природно-климатических условиях. В рамках менталитета всё это формировало некое безразличие к собственной жизни и жизни своей семьи [11, с. 52-55].

Таким образом, всемогущая и неизбежная смерть воспринималась не с ужасом, а с безразличием, поскольку бороться с превратностями окружающего мира представлялось бессмысленным и даже греховным.

По подсчётам Б. Н. Миронова, в собрании русских пословиц В. И. Даля в 39 пословицах выражена идея, что «всё в мире творится не нашим умом, а Божьим судом», в 21 – «Чему быть - тому не миновать», в 3 – «Всё во власти Божьей и государевой» и лишь в 7 – «на Бога надейся, а сам не плошай» [12, с. 330]. Вот некоторые примеры: «Человек рождается на смерть, а умирает на жизнь», «От смерти не посторонишься», «Смерть на жизнь дана», «И всяк умрет, как смерть придёт», «Двум смертям не бывать, а одной не миновать», «Это вернее смерти» [4, с. 285-286].

Фатальность смерти, как демонстрируют источники, отражалась также в распространённых среди крестьян суевериях. Наступление смерти зависело не от воли человека или земных обстоятельств его жизни, но от воли неких сверхъестественных сил, которую можно было предугадать средствами обрядовой магии. «Младенец не переживёт детских годов, если во время крещения волосики его, закатанные в воск и оброненные в купель крестным отцом, пойдут ко дну» [18, с. 228-234]. «Увидать домового – к беде, к смерти» [4, с. 285-286]. «Под новый год можно узнать, кто умрёт в течение года. Для этого надо около полуночи сесть одному на церковную паперть. В самую полночь, пока сторож ударяет в колокол, пойдут друг за другом в церковь люди. Надо постараться их узнать и слушать, что запоют каждому из них, когда он входит в церковь. Кому запоют свадебный стих, тот женится или выйдет замуж в течение года, а кому «со святыми упокой» - тот непременно умрёт» [18, с. 228-234].

Таким образом, объективные условия крестьянского существования (давление окружающей среды, цикличность жизнедеятельности) вносили в крестьянские представления о неизбежности смерти ярко выраженный фатализм.

Спокойное смиренное отношение крестьян к смерти соответствовало не только объективным условиям их жизнедеятельности, но и православной интерпретации смерти. Мирское и духовное здесь трактуется как своеобразное противостояние: «Земное неустройство тяготит, а на Суде, как считали тогда, будет восстановлена справедливость – Правда... Царство Небесное получают праведники, заслужившие его муками и страданиями в земной жизни. К смерти относились как к величайшему моменту духовного освобождения» [21, с. 411, 419]. После смерти расходятся пути праведников и грешников. Перед лицом смерти теряли значение как земные тяготы, так и земные блага. Так, в собрании русских народных сказок А. Н. Афанасьева подобные сюжеты весьма многочисленны. Вот пример такого рода сюжета: почувствовав приближение смерти, старик-скряга стал глотать нажитые им деньги и ассигнации... Появившийся ночью нечистый поднял мёртвого старика на плечо и начал его трясти – деньги и ассигнации посыпались наружу. Присутствовавшему в комнате дьячку нечистый сказал: «Деньги твои, а мешок мой!» [14, с. 82]. Вариантов только этой сказки известно одиннадцать. Вот ещё один подобный сюжет. Мужик попадает в ад за то, что при жизни, накопив много денег, не раздавал их нищим.

Избавление от адских мук он получает лишь тогда, когда сыновья раздали эти деньги нищим и построили мост [14, с. 82].

Смерть воспринималась как переход к лучшей – небесной – жизни. Это являлось ещё одной причиной спокойного отношения православного крестьянина к своему уходу из жизни и своих близких, которые теперь безмятежно пребывают в раю [12, с. 205]. «Мать не должна плакать по своему умершему младенцу, поскольку ему хорошо и светло в раю – её же слёзы капают на него и жгут его» [18, с. 231].

Один из известных русских писателей, собирателей фольклора И. И. Железнов (1824-1863) приводит рассказ крестьянина о смерти женщины: «Родные потужили, погоревали, однако не плакали, не рыдали. Зачем плакать-рыдать? Праведная душонка оставила сей бранный свет, сию юдоль печальную, и переселилась в райскую обитель, где нет ни плача, ни въздыхания, но жизнь вечная. И в Святом писании, заметил рассказчик сказано, что де немалый грех, плакать по покойникам, а что-де радоваться должно» [13, с. 342].

Христианская интерпретация смерти примеряла человека с этим событием. Несмотря на то, что многие исследователи указывают на значительный элемент язычества в мировоззрении крестьянства, необходимо отметить, что в целом это мировоззрение (и, в частности, представление о смерти) формировалось под воздействием православной этики и космогонии.

В действительности два пласта: пласт языческой религии и пласт православной веры смешались в сознании крестьян, образовав некий симбиоз. Об этом показывают сведения XIX - начала XX века. Несмотря на то, что христианство вошло в жизнь русских людей девять веков назад, языческое все еще оставалось сильно в их представлениях о «мифическом», «незримом», «неизведанным», «духовном». По-прежнему крестьяне верят в домовых, в леших, в то же время в случае мистического, назовём так, курьёза приглашается священник для «отчитки» [10, с. 220].

Известно, что в XIX веке в рамках потаковщины была распространена форма неписанного договора между крестьянином и священником, суть которого выходила за рамки христианских канонів. Эти договоры имели отношение к выполнению языческих ритуалов: например, вырывание из земли тел самоубийц и бросание их в воду для вызова дождя, обливание водой или погружение священника в водоем для той же цели, катание его по полю для плодородия, забивание с его помощью осинового кола в тело мертвого колдуна и т.п. [1, с. 72].

Опыт сравнительного анализа двух символических систем (языческой и христианской), оформлявших кардинальные вехи человеческого бытия в единстве жизни и смерти, может помочь конкретнее ответить на вопрос о представлениях крестьян. Вот высказывание одного выдающегося церковного деятеля богослова архиепископа Михаила: «как показывает исторический опыт Церкви, именно миряне оказываются той питательной почвой, на которой... расцветают обрядоверие, суеверие, начетничество...». Одно название главы публицистической статьи Г. П. Федотова «...смесь религиозного минимализма (то бишь обрядности) с рационализмом и суеверием» говорит о том, что язычество наряду с православием оказывало важное влияние на представления крестьян о смерти, болезни и старости.

Народно-христианские и православные представления в крестьянском менталитете смыкались. Вот некоторые примеры:

1. Каждому человеку положен свой предел земной жизни, которого он не знает (если не считать прозрений святых (пророков и т.п.). ср.: «Никто живой предела своего не изведal» [4, с. 548].

2. Человек должен быть готов к смертному переходу в любом возрасте – в любую «стражу»; ср.: «Живи надвое: и до веку, и до вечеру» [4, с. 544].

3. Смерть – переход в иное бытие: «Великое таинство рождения... в вечность»; ср.: «Земной быт не всему предел» [4, с. 561].

4. Характер смерти и загробная жизнь – «состояние души» (церк.) – зависят от качества земной жизни; ср.: «Каково житье, такова и смерть» [2, с. 182].

Представители обоих миров – люди и умершие (души) – составляют сообщество и находятся в постоянном взаимодействии: у каждого христианина «есть свое предопределенное место в Церкви Христовой, в которой он связан с живыми и умершими» [2, с. 182]. Священник П. Флоренский называл это «соборностью», О. С. Булгаков – «наследием Церкви невидимой, которую составляют живущие, отошедшие в мир иной и ангелы» [2, с. 182]. Народ, как известно, жил в тесном сообществе с предками, к которым он относил своих родовых духов, духов природы и всех святых.

Церковному опыту известен и феномен, который принято относить к язычеству народной веры: живое общение с умершими, т.е. признание за душами способности чувственного восприятия земных дел и участия в них (Евангелие от Луки 16:19-31 – притча о богаче и бедном Лазаре). В качестве примера можно привести предсмертное напутствие Серафима Саровского духовным детям, оправдывающее народный обычай общения с умершими на кладбище в поминальные дни: «Когда меня не станет, вы ко мне на гробик приходите... Припав к земле как к живому, все и расскажете, и услышу я вас... Как вы с живыми всегда говорили, так и тут...» [1, с. 182].

Имеются сходные взгляды у Церкви и народа на один из самых трудноразрешимых для богословия вопросов – о телесности умерших, несмотря на разное понимание ее материи [12, с. 182, 183].

Анализируя отношение крестьян к смерти в XIX в., следует отметить их особое отношение к ней. На данном историческом рубеже в силу религиозных и общинных устоев, смерть представлялась большинству как неотъемлемая часть жизни и необходимый элемент перехода в новый, «лучший» мир. Следовательно, спокойное отношение к смерти в мышлении крестьян сформировано многовековым ходом развития тесно связанных сфер культуры и религии Европейской России.

Особое место в восприятии и взглядах крестьян на смерть – детская смерть. Известно, что высокая детская смертность не являлась причиной отчаяния и воспринималась как повседневное стандартное явление. Существуют сведения, что к смерти детей относились спокойно, не проявляя большой заботы об их выживании. Общая схема отношения крестьянских женщин к смертности детей была такова: «Жив, так и не тронь – живёт, а умер, так Бог прибрал – святая душенька будет», «Если ребёнок родился на живое, то выживет; если на мёртвое – то умрёт» [12, с. 199], «Бог дал – Бог взял», «Если ртов много, а хлебушка мало, то поневоле скажешь: –Лучше бы не родился, а если умрет, то и слава Богу, что прибрал, а то все равно голодать пришлось бы»» [12, с. 199]. Деревенские женщины того времени были далеки от понятия гигиены: ребенок мог часами лежать в собственных экскрементах при долгом отсутствии матери. А во время ее присутствия дитя она могла перевернуть в сутки всего лишь раз-два, а также подложить тряпки, чтобы он не «промок». Мыли младенца раз в неделю, белье не стирали, а просто высушивали. Не трудно догадаться, что подобные обстоятельства активно привлекали мух и других насекомых, особенно летом в жару. Нередко подобный «уход» приводил к болезням. Протоирей Гиляровский нередко наблюдал подобные картины: «кожа под шейкой, под мышками и в паху сопревает, получают язвы, нередко наполняющиеся червями», что является неувидительным [15, с. 4].

Подобный феномен крестьянского менталитета можно, на наш взгляд, объяснить несколькими факторами. Смерть была привычным явлением, и люди относились к ней как к таковой. Кроме того, крестьянки не могли уделять особого внимания выживанию детей в период полевых работ, носящих циклический характер. Главное здесь в том, что крестьянка

была в ответственности за выживание всей семьи в целом, всех детей, а не каждого отдельного ребёнка. С этой точки зрения полевые работы, обеспечивающие выживание семьи в целом, имели куда более важное эмоциональное значение, нежели смерть ребёнка. Ритм сезонных работ и первостепенная ответственность за всю семью, а не за отдельных её членов диктовали отношение крестьян к смерти детей.

Так же на деревенскую женщину влияли и домочадцы. Нередко появление лишнего рта принималось с недовольством и раздражением с их стороны: «Ишь ты, плодливая, облакалась детьми, как зайчиха. Хоть бы подошли твои щенки» [17, с. 8].

Еще один момент: невозможно не уделить внимание демографическим исследованиям, которые оказывают посильную помощь в изучении менталитета крестьян XIX века.

Например, изучив губернскую статистику г. Тамбова, можно увидеть, что коэффициент смертности в начале века был значительно выше, чем в конце (с 39% в 1834 г. до 29% в 1857 г. и до 18,7% в 1868 г.) [3, с. 128-139]

Однако Н. В. Стрекалова и Д. В. Стрекалов утверждают, что источники данных до середины XIX века были весьма недостоверными и невозможно отследить точный коэффициент рождаемости и смертности вследствие того, что запись данных была неточной и недобросовестной [19, с. 128-139].

Ко всему прочему, были и другие причины эмоционально сдержанного отношения к высокой детской смертности. Так, например, если крестьянке казалось, что кто-то из её детей способен выжить и вносить свою лепту в работу в хозяйстве, то на основе этих соображений она могла прийти к решению приложить больше усилий для выживания такого ребёнка, нежели других [16, с. 109]. Это один из способов выживания группы в неблагоприятных условиях - тактика неравномерного распределения ограниченных ресурсов.

В связи с проблемой детской смертности в крестьянской среде, исследователи часто поднимают вопрос о таком явлении, как детоубийство. Большинство современных историков отрицают широкое распространение подобного явления. Б. Н. Миронов приводит следующие возражения: «Если бы детоубийство практиковалось в больших размерах, то логично предположить, что в первую очередь устранялись бы дети с крупными и явными физическими дефектами, которые в условиях деревни обрекали семью на бедность и страдания. Между тем, число инвалидов и лиц с психическими отклонениями среди русских и других народов, исповедующих православие, было велико... По-видимому, о намеренном плохом уходе и детоубийстве речь может идти лишь в отношении безнадежных инвалидов, а также незаконнорожденных детей» [12, с. 203, 205-206].

Сельский коллектив всегда настороженно воспринимал выкидыши и смерть некрещеных детей, но отношение к матери зависело от ее репутации и поведения. Обвинять убитую горем мать считалось грехом, особенно для женщины: она могла получить наказание того же рода; например, вот свидетельство материнской халатности: по рассказу жителей одной орловской деревни, соседка обругала плачущую женщину, приспавшую свое дитя, и на следующий день приспала своего ребенка [12, с. 203, 205-206].

Отношение крестьян к смерти ребенка, безусловно, имело свою специфику, однако, в целом, оно было вписано в общее представление крестьян о смерти.

Безусловно, в формировании крестьянских представлений о смерти огромную роль играл духовно-культурный фактор – православная религиозная картина мира. Смерть здесь рассматривалась, как момент духовного освобождения от греховности и соблазна мирской жизни и поэтому носила позитивную эмоциональную окраску. Однако крестьянское сознание часто интерпретировало многие догматические религиозные положения в соответствии с объективными условиями своего существования, отчасти переплетая их с язычеством. Так, рай отождествлялся с категорией покоя как основной ценностью в

ежегодном интенсивном трудовом цикле. Поэтому смерть порой воспринималась как долгожданное событие.

Специалисты в области исторической психологии, изучая менталитет российского крестьянства XIX века, приходят к выводу о существовании в сознании крестьянина двух своего рода «ментальных пространств», в которых может пребывать живой человек. Специфику разделения этих двух категориальных систем мы рассмотрим во второй и третьей главах. Здесь же дадим лишь их краткую характеристику в контексте рассматриваемой проблемы. Первое пространство - сфера ответственности общины – пространство живых. Второе пространство – сфера ответственности Бога – пространство старых и больных. Именно фатальное отношение к смерти, свойственное крестьянскому мировоззрению, позволяет разделять эти пространства. Человек, ещё физически живой, но уже обречённый на смерть, выключается окружающими из потусторонней жизни общины и всецело поручается заботе Всевышнего. Это та ситуация, которая в русских пословицах характеризуется как «Смерть за порогом», «Смерть на носу» [5, с. 285-286].

Американский русист Д. Рэнсел рассматривает это разделение «ментальных пространств» как «тот же вид перекаладывания ответственности на Бога – своего рода «эмоциональное дистанцирование», сбережение эмоций. Мы читаем об этом относительно поведения крестьян с критически больными членами их семей» [16, с. 112]. Доктор, который долгое время имел практику в деревне, и писал о народной медицине, сообщал в начале 1880-х гг. о таком поведении. Он рассказывал: «Если у крестьянина возникнет идея, что у его дочери, жены, сына и так далее неизлечимая болезнь, и если обычное лечение не приносит улучшения, то несчастного пациента оставляли вполне на произвол судьбы. Без присмотра, одетый в грязные лохмотья он лежит где-нибудь в сыром углу или на голом кутнике, лишённый возможности найти удовлетворение своим, хотя и незатейливым, но насущным потребностям больного человека. Он становится лишней обузой экономике семьи, и все тягостятся им и смотрят на него с плохо скрываемым отвращением; и, если только форма болезни затяжная, то до слуха больного нередко долетают пожелания скорее переселиться в лоно Авраамово» [20, с. 841].

Такое поведение - вынесение человека за рамки ответственности - является своего рода механизмом преодоления чувства ужаса перед неизбежностью смерти у людей, для которых смерть была ежедневным опытом. В данном случае проявляется феномен социальной эксклюзии, в рамках которой тяжело больной человек перестает выполнять свои функции в общине и становится буквально за пределами крестьянского социума.

По современным представлениям физическая смерть человека наступает до того, как мы придаём его символической смерти через похороны и другие ритуалы. В крестьянской среде наблюдалось обратное явление. Например, «когда крестьяне отмечали детей, больных и стариков определёнными знаками как «нежилец», то помещали их таким образом в ту ментальную категорию, которая снимала ответственность за то, что произойдёт с ними с плеч семьи и общины» [16, с. 112]. Такие люди были символически вытеснены из мирской жизни до того, как они умирали физически. Они были помещены «ближе к Богу», обладали неким ореолом святости.

Исследователи указывают на характерные особенности этой границы между пространством, принадлежащим живым, и пространством, принадлежавшим старым и больным, которые скоро уйдут в мир иной. Напомним, что пространство последних — это пространство «промеж жизни и смерти», за которое ответственен Бог; а пространство живых — это пространство за которое ответственны община и семья. «Понятия «молодой жизнеспособный» и «старый нежизнеспособный», применявшиеся для того, чтобы позволить людям смириться с огромным количеством смертей вокруг них, могли быть расширены силами народных целителей, которые могли увидеть, почувствовать знаки смерти или выздоровления и могли убедить родственников не терять надежды, когда надежда ещё есть» [16, с. 113].

Таким образом, выражение крестьян, смотрящих в лицо серьёзной болезни или даже смерти своих родных — это нечто иное, нежели оставление на произвол судьбы. Здесь остаётся надежда на то, что человек может быть помещён из этого промежуточного положения, то есть из пространства старых и больных назад к жизни или же дальше — к Богу. «Народная медицина и народные категории мышления скорее, чем городская медицина, поняли и приспособились к этому положению промежуточного статуса, даже в том, что касается методов лечения» [16, с. 114]. Одним из таких случаев возвращения назад к жизни, являлись случаи исцеления после соборования. В народном представлении соборование приобрело значение предсмертного помазания, породившее представления о «нежизненном» статусе людей, выздоровевших после него: они считались как бы мертвецами, вернувшимися с того света. Однако, в большинстве русских регионов соборования избегали, а сподобившиеся его давали суровые обеты — никогда не есть мяса, прекратить супружеские отношения и т.п. [1, с. 162].

Символическая смерть, предшествующая смерти физической, не являлась проявлением жестокости и равнодушия общества. Крестьянин был убеждён, что неизбежность скорой смерти передаёт человека под покровительство Всевышнего. С другой стороны, можно предположить, что таким образом происходила бессознательная борьба человеческого разума с естественным страхом смерти.

Среди категорий, которыми оперировали крестьяне, размышляя о смерти, одной из главных является категория «покоя». Образ рая, как воздаяния за праведную жизнь, подменяется образом безмятежного покоя как высшего наслаждения.

Интенсивный ритм работы, постоянная угроза природных и социальных катаклизмов выдвигали покой в центр аксиологической системы. Естественно, воплощением этой высшей ценности являлся рай, а путь к её достижению лежал через смерть. И крестьянское сознание, и крестьянская община в целом имели своей главной задачей избежание существенных изменений, нарушающих состояние стабильности, то есть покоя.

Отсутствие возможности «прервать цепь земных тягот», по словам Л. В. Милова, приводило к «нервному срыву, ожесточению, отчаянию. В итоге крестьяне — божия наказания, голоду, бед, болезней и самой смерти не чувствуют», а «в воскресении мёртвых, о Страшном Суде и о воздаянии каждому по делам думать не хотят и смерть свою за покой (!) считают» [11, с. 52-55].

Смерть, приносящая с собой покой, интерпретировалась как награда, что нашло своё отражение в народной прозе: «Тётушка вдовство своё соблюла в должном порядке и в чистоте целомудренной... Одним словом от младости до старости вела жизнь воздержную и благочестивую, и за это сам Господь Бог и взыскал её таким счастьем, сподобил, значит, зарань увидеть рай и муку и уготовленное для неё самой место на том свете» [13, с. 352].

Как показывает анализ пословиц, во многих из них смерть имеет положительную эмоциональную окраску: «Бога прогневишь — и смерти не даст», «Лучше смерть, чем злая жизнь», «Смерть русскому солдату — свой брат». Привлекательность смерти — в одномоментном разрешении всех земных проблем: «Горя много, а смерть одна». Довольно часто понятие смерть употреблялась даже в уменьшительно-ласкательной форме: «Смерточка (!) моя пришла». Дальше приводит обширный список подобных форм: «смёртушка», «смерётка», «смерёточка», «смерётушка», «смерёдущка», «смёрточка», «семерёточка» [5, с. 285-286].

Во многих районах России XIX века не полагалось плакать по умершим, а, наоборот, за поминальным столом пели, звучала свирель. «Люди считали, что нужно радоваться, когда человек умирает, ибо он приобретает вечный покой» [18, с. 296]. Однако более распространённо было другое правило: оплакивать покойного можно и нужно, но унывать не следует.

С христианской точки зрения, плач был греховен, так как незаслуженно превозносил грешное бытие и земные дела/качества ушедшего, а оставшимся близким давал повод вы-

сказывать кощунственное нежелание жить без него (независимо от того, было ли это естественным порывом или сакральной обязанностью). Церковное сетование, не исключая скорби расставания, призывало людей обратить мысли и души к горнему миру, молиться о грехах покойного и своих собственных, чтобы и самим достойно подготовиться к переходу в мир иной, о чем говорится в одной из песен панихиды: «...и образом Твои Божественным почтй... на еже по подобию возведи» [1, с. 166].

Б. Н. Миронов приводит сведения о том, что «смерть воспринималась крестьянами как подобие сна, а сон и сновидения – как зона контакта со смертью, в силу чего сон и сновидение наделялись магическими функциями обережного (предохранительного) характера» [12, с. 205]. Смерть после жизни, таким образом, мыслилась как спокойный сон после долгого трудового дня.

Показательно в этом смысле представление о загробном мире, которое можно найти в уже упомянутом рассказе, записанном И. И. Железновым. Здесь в качестве наказания за тяжкие грехи фигурирует ад, а за незначительные – лишение покоя в некоем «третьем месте», помимо рая и ада. «...Пошли в третье место, где нет ни рая, ни муки, это место так и слывёт под прозванием: ни рай, ни мука, иль-бо: между раем и мукой. Тут обитают души в половине праведные, в половине грешные... И живут они... не то, чтобы в большом удовольствии, не то чтобы в большой изневаги, а так себе, ни то, ни сè, середка наполовину» [13, с. 344]. Здесь хотелось бы добавить, что страх перед смертью присутствовал только у особо грешных/нехороших людей: «Неповинная душа непристрашна к смерти» [4, с. 546].

Покой, таким образом, представлялся как перекладывание забот о человеке на Бога; смерть избавляла человека не только от груза «житейских проблем», но и от груза ответственности.

Представления крестьян о смерти формировались под влиянием целого ряда объективных факторов. Иначе говоря, сама категория смерти была вписана в контекст природного, хозяйственного, социального, духовного существования крестьянина. Крестьянский менталитет формировался в определённой объективной среде. Воздействие разнообразных факторов этой среды на сознание крестьянина, преломлялось в его восприятии и порождало весь комплекс представлений о мире, в том числе и о смерти.

Следовательно, основные аспекты крестьянского образа смерти связаны с конкретно-практической жизнедеятельностью крестьянина, крестьянской семьи и крестьянской общины.

К объективным факторам крестьянского хозяйствования можно отнести цикличность сельскохозяйственных работ, неблагоприятные природно-климатические условия, постоянно угрожавшие поставить крестьянина на край гибели и др. Именно они способствовали формированию чувства беспомощности и смирения индивида перед лицом смерти, представление о смерти как о фатальном событии включённым в жизненный цикл.

Среди субъективных социальных факторов, воздействующих на представления о смерти, необходимо особо отметить общинную организацию, господство групповых форм деятельности, а также высокую смертность как среди взрослого, так и среди детского населения. В сочетании эти факторы порождали ощущение того, что существование индивида, в противоположность существованию общины, зыбко и неустойчиво. Такое качество, как прочность, способность бороться за выживание приписывалось целому (общине), а не частному (индивиду). Отсюда спокойное отношение к смерти человека, жизнь которого мистическое крестьянское сознание рассматривало как игрушку в руках сверхъестественных сил. Смерть была предрешена, и следовало заботиться о жизни общины в целом, но не впадать в уныние в связи со смертью конкретного человека. Таковая фатальность смерти приводила к выделению своего рода двух ментальных сфер пребывания человека: «пространство живых» и «пространство старых и больных».

За «пространство живых» отвечала община, а «пространство старых и больных» было поручено заботе Всевышнего, поскольку предрешённость смерти автоматически снимала ответственность с общины и семьи за жизнь человека.

Таким образом, символическая смерть – переход в потусторонний мир - наступала раньше физической. Вероятно, поэтому больные, юродивые, старики всегда были окружены ореолом святости, они располагались к Богу ближе, чем обычные живые люди.

Список источников и литературы

1. Бернштам, Т. А. (2000). *Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян. Опыт и учение Церкви в народном христианстве*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение. 400 с.
2. Бернштам, Т. А. (1988). *Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX - начала XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры*. Ленинград: Санкт-Петербургская издательско-книготорговая фирма "Наука". 278 с.
3. Гордон, А. В. (1996). *Хозяйствование на земле – основа крестьянского мировосприятия // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.): Материалы международной конференции, 14.06.1994 – 15.06.1994*. Москва: Российская политическая энциклопедия. С. 51-74.
4. Даль, В. И. (2007). *Пословицы русского народа: в 2 т. Т. 1*. Москва: Азбука, 2007.
5. Даль, В. И. (1994). *Толковый словарь живого великорусского языка [Текст]: в 4-х т. Т. 4*. Москва: Русский яз.
6. Данилова, Л. В., Данилов, В. Г. (1996). *Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.): Материалы международной конференции*. Москва. С. 22-39.
7. Дубасов, И. И. (1993). *Очерки из истории Тамбовского края*. Тамбов: Тамб. гос. пед. ин-т, 445 с.
8. *Живая вода: Сборник рус. нар. песен, сказок, пословиц, загадок: [Для сред. и ст. возраста]* (1977) [Сост., вступ. статья и примеч. В. П. Аникина]. Москва: Дет. лит., 367 с.
9. Козлова, Н. Н. (1999). *Социально-историческая антропология*. Москва: Ключ. 48 с.
10. Максимов, С. В. (1987). *Куль хлеба и его похождения*. Москва: Художественная литература. 392 с.
11. Милов, Л. В. (1996). *Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.): материалы международной конференции*. Москва: Наука, 1996. С. 40-56.
12. Миронов, Б. Н. (1999). *Социальная история России периода империи (XVIII - начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин. 548 с.
13. *Народная проза* (1992). Сост., вступ. ст. подгот. текстов и коммент. С. Н. Азбелева. Москва: Русская книга. 608 с.
14. *Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. Т. 3*. (1957-1958). Подготовка текста, предисловие и примечания В. Я. Проппа. Москва: Государственное Издательство Художественной литературы (Гослитиздат).
15. Попов, Г. (1991). *Русская народно-бытовая медицина* (Репринт. воспроизведение изд. 1903 г.). Москва: Малое предприятие "Глобус". 404 с.
16. Рэнсел, Д. (1996). *«Старые младенцы» в русской деревне // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.): материалы международной конференции*. Москва: Наука, С. 106-114.

17. Семенова-Тян-Шанская, О. П. (2010). *Жизнь «Ивана»: очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний*. Москва: ЛомоносовЪ.
18. Семенова, О. П. (1898). *Смерть и душа в поверьях и рассказах крестьян и мещан Рязанского, Раненбургского и Данковского уездов Рязанской губернии // Живая старина*, вып. 2; кн. XXX. СПб.: типография князя В. П. Мещерского.
19. Стрекалов, Д. В., Стрекалова, Н. В. (2019). *К проблеме рождаемости в Провинциальном Российском городе в конце XVIII – в первой половине XIX века (на материалах Тамбова) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. Т. 24. С. 128-139.
20. Шидловкий, К. (1883). *К характеристике народных воззрений на этиологию, сущность и терапию болезней. Из наблюдений земского врача // Медицинский вестник*. № 52. С. 841-842.
21. Юрганов, А. Л. (1998). *Категории русской средневековой культуры*. Москва: МИРОС. 448 с.

References

1. Bernshtam, T. A. (2000). *Molodost' v simvolizme perekhodnykh obryadov vostochnykh slavyan. Opyt i uchenie Tserkvi v narodnom khristianstve* [Youth in the symbolism of the transitional rites of the Eastern Slavs. Experience and teaching of the Church in popular Christianity]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie. (in Russian).
2. Bernshtam, T. A. (1988). *Molodezh' v obryadovoy zhizni russkoy obshchiny XIX - nachala XX v. Polovozrastnoy aspekt traditsionnoy kul'tury* [Youth in the ritual life of the Russian community in the 19th - early 20th centuries. Gender and age aspect of traditional culture]. Leningrad, Sankt-Peterburgskaya izdatel'sko-knigotorgovaya firma "Nauka". (in Russian).
3. Gordon, A. V. (1996). *Khozyaystvovanie na zemle – osnova krest'yanskogo mirovo-spriyatiya* [Managing the land is the basis of the peasant worldview] in *Mentalitet i agrarnoe razvitiye Rossii (XIX-XX vv.)*, Materialy mezhdunarodnoy konferentsii, 14.06.1994 – 15.06.1994. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 51-74. (in Russian).
4. Dal', V. I. (2007). *Poslovitsy russkogo naroda: v 2 t. T. 1.* [Proverbs of the Russian people: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Azbuka. (in Russian).
5. Dal', V. I. (1994). *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]: v 4-kh t., t. 4. Moscow, Russkiy yaz. (in Russian).
6. Danilova, L. V., Danilov, V. G. (1996). *Krest'yanskaya mental'nost' i obshchina* [Peasant mentality and community] in *Mentalitet i agrarnoe razvitiye Rossii (XIX-XX vv.)*, materialy mezhdunarodnoy konferentsii. Moscow, 22-39. (in Russian).
7. Dubasov, I. I. (1993). *Ocherki iz istorii Tambovskogo kraya* [Essays from the history of the Tambov region]. Tambov, Tamb. gos. ped. in-t. (in Russian).
8. *Zhivaya voda: Sbornik rus. nar. pesen, skazok, poslovits, zagadok: [Dlya sred. i st. vozrasta]* (1977) [Living water: Collection of Russian. nar. songs, fairy tales, proverbs, riddles: [For middle and older], Compiler, introductory article and notes V. P. Anikina. Moscow, Det. lit. (in Russian).
9. Kozlova, N. N. (1999). *Sotsial'no-istoricheskaya antropologiya* [Socio-historical anthropology]. Moscow, Klyuch. (in Russian).
10. Maksimov, S. V. (1987). *Kul' khleba i ego pokhozhdeniya* [A sack of bread and its adventures]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. (in Russian).
11. Milov, L. V. (1996). *Prirodno-klimaticheskii faktor i mentalitet russkogo krest'yanstva* [Natural and climatic factor and the mentality of the Russian peasantry] in *Mentalitet i agrarnoe razvitiye Rossii (XIX-XX vv.)*, materialy mezhdunarodnoy konferentsii. Moscow, Nauka, 40-56. (in Russian).

12. Mironov, B. N. (1999). *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII - nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva*. [Social history of Russia in the period of the empire (XVIII - early XX century): Genesis of personality, democratic family, civil society and the rule of law]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ. (in Russian).
13. *Narodnaya proza* [Folk prose]. (1992). Compiler, introductory article and notes S. N. Azbeleva. Moscow, Russkaya kniga. (in Russian).
14. *Narodnye russkie skazki A. N. Afanas'eva: v 3 t., t. 3.* [Folk Russian fairy tales by A. N. Afanasyev: In 3 vols. T. 3.] (1957-1958). Preparation of the text, preface and notes by V. Ya. Propp. Moscow, State Publishing House of Fiction (Goslitizdat). (in Russian).
15. Popov, G. (1991). *Russkaya narodno-bytovaya meditsina (Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya SPb., 1903)*. [Russian folk medicine (A reprint of the Saint-Petersburg issue of 1903)]. Moscow, Globus. (in Russian).
16. Rensel, D. (1996). «*Starye mladentsy*» v russkoy derevne ["Old babies" in the Russian village] in *Mentalitet i agrarnoe razvitie Rossii (XIX-XX vv.)*, materialy mezhdunarodnoy konferentsii. Moscow, Nauka, 106-114. (in Russian).
17. Semenova-Tyan-Shanskaya, O. P. (2010). *Zhizn' «Ivana»: ocherki iz byta krest'yan odnoy iz chernozemnykh guberniy* [The life of "Ivan": essays from the byte of the peasants of one of the Chernozem provinces]. Moscow, Lomonosov. (in Russian).
18. Semenova, O. P. (1898). *Smert' i dusha v pover'yakh i rasskazakh krest'yan i meshchan Ryazanskogo, Ranenburgskogo i Dankovskogo uezdov Ryazanskoy gubernii* [Death and soul in the beliefs and stories of the peasants and philistines of the Ryazan, Ranenburg and Dankovsky districts of the Ryazan province] in *Zhivaya starina*, vyp. 2; kn. XXX. St. Petersburg, tipografiya knyazya V. P. Meshcherskogo. (in Russian).
19. Strekalov, D. V., Strekalova, N. V. (2019). *K probleme rozhdaemosti v Provint-sial'nom Rossiyskom gorode v kontse VIII – v pervoy polovine XIX veka (na materialakh Tambova)* [On the problem of fertility in a provincial Russian city at the end of the VIII - in the first half of the 19th century (based on Tambov materials)] in *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarne nauki*, 24, 128-139. (in Russian).
20. Shidlovkiy, K. (1883). *K kharakteristike narodnykh vozzreniy na etiologiyu, sushchnost' i terapiyu bolezney. Iz nablyudeniy zemskogo vracha* [To the characterization of popular views on etiology, essence and therapy of diseases. From the observations of a zemsky doctor] in *Meditsinskiy vestnik*, 52, 841-842. (in Russian).
21. Yurganov, A. L. (1998). *Kategorii russkoy srednevekovoy kul'tury*. [Categories of Russian Middle Age Culture]. Moscow, MIROS. (in Russian).

Хамицаева А. А.
(Владикавказ)

УДК 336.62

«ПЕРВЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ»: ОСЕТИНЫ В РУССКО-ТУРЕЦКИХ ВОЙНАХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В статье исследуется многогранный процесс добровольного вхождения Осетии в состав Российского государства. На основе многочисленных архивных источников автор делает вывод о том, что присоединение Осетии к России было для нее единственно возможным позитивным вектором развития. На раннем этапе формирования русско-осетинских отношений во второй половине XVIII века особенно плодотворным было взаимодействие в военной сфере. Во время Семилетней войны в 1760 году по указу императрицы Елизаветы Петровны был сформирован отряд из кавказских горцев, среди которых были и осетины. В 1763 году в Моздоке была образована из осетин и крещеных черкесов горская команда «Моздокских казачьих братьев», численностью в 214 человек. Значительный по численности военный отряд из осетин в составе регулярных частей русской армии принял участие в русско-турецкой войне 1768-1774 гг. В начале XIX века в Петербурге был сформирован Кавказский эскадрон, в котором наряду с другими горцами были и осетины. В 1828 году по инициативе самих осетин был сформирован военный отряд, участники которого героически проявили себя в ходе русско-турецкой войны. Создание осетинского военного отряда было первым событием подобного рода на Кавказе, что придает этому факту особое значение в контексте всей истории русско-кавказских отношений.

Ключевые слова: Россия, Осетия, добровольцы, Крымская война, горцы, долг, Северный Кавказ.

The article examines the multifaceted process of voluntary entry of Ossetia into the Russian state. Based on numerous archival sources, the author concludes that the annexation of Ossetia to Russia was the only possible positive vector of development for it. At an early stage in the formation of Russian-Ossetian relations in the second half of the 18th century, cooperation in the military sphere was especially fruitful. During the Seven Years' War in 1760, by decree of Empress Elizabeth Petrovna, a detachment was formed from the Caucasian highlanders, among whom were Ossetians. In 1763, in Mozdok, a mountain team of "Mozdok Cossack Brothers" was formed from Ossetians and baptized Circassians, numbering 214 people. A significant military detachment of Ossetians as part of the regular units of the Russian army took part in the Russian-Turkish war of 1768-1774. At the beginning of the 19th century, the Caucasian squadron was formed in St. Petersburg, in which, along with other highlanders, there were Ossetians. In 1828, on the initiative of the Ossetians themselves, a military detachment was formed, the members of which heroically proved themselves during the Russian-Turkish war. The creation of the Ossetian military detachment was the first event of its kind in the Caucasus, which makes this fact of particular importance in the context of the entire history of Russian-Caucasian relations.

Keywords: Russia, Ossetia, volunteers, Crimean War, highlanders, duty, North Caucasus.

DOI: 10.24888/2410-4205-2023-34-1-122-129

Присоединение Осетии к России было для нее единственно возможным позитивным вектором развития как экономического, так и культурно-этнического. Оно создало условия, пусть не всегда гладкие и полностью приемлемые, для ликвидации разобщенности осетинских обществ, оградило от внешних врагов, определило дальнейшие пути трансформации и прогресса.

Одним из ярких и показательных примеров, иллюстрирующих тенденции, в русле которых развивались русско-осетинские отношения, является активное участие осетин в боевых действиях в составе российских войск.

Один из первых фактов участия горцев Северного Кавказа в боевых действиях русской армии относится к 1756 г. Во время Семилетней войны боевые действия происходили за границей Российской империи, и императрица Елизавета Петровна пожелала иметь при регулярных армейских частях кавказских горцев. С этой целью в сентябре 1756 г. к горцам был прислан «Высочайший указ императрицы Елизаветы Петровны» о вызове добровольцев в поход в Пруссию [1, с. 261]. Для раздачи в качестве «подъемного жалования» добровольно поступающим на военную службу горцам правительство прислало значительную по тем временам сумму в размере 20 006 руб. [1, с. 262]. Правительственными эмиссарами были сформированы команды из калмыков, ногайцев, терских казаков, осетин и других горцев. Отряд был сформирован и выступил в поход в 1760 г., но в июне того же года, после кончины Елизаветы Петровны, последовал приказ о возвращении отряда обратно [14, л. 76].

В 1763 г. в Моздоке из осетин и крещеных черкесов была образована горская команда «Моздокских казачьих братьев», насчитывавшая 214 человек, в числе которых были осетины Николай Жангобеков, Варфоломей Васильев, Тарас Габитаев, Михайла Томаев, Гаврила Бугулов, Гаврила Абаев, Афанасий Афанасьев, Константин Тулаев, Андрей Данилов и другие. Горская команда находилась в распоряжении моздокского коменданта, несла охранную службу и сопровождала торговые караваны и путешественников по Военно-Грузинской дороге. Многие осетины, служившие в Горской казачьей команде, получили награды за свою службу, среди них Семен Хабалов, Дмитрий Буглов и другие [14, л. 18].

На основе «высочайшей конфирмации» 1765 г., подтвержденной в 1770 г., в Моздоке была организована команда из 205 человек из осетин, ингушей и представителей других горских народов, принявшая участие в русско-турецкой войне 1768-1774 гг. В это время российские войска под командованием генерала Тотлебена впервые появились в Осетии [5, с. 393, 440]. При переходе отряда российских войск через Осетию, местные жители построили для них шесть мостов на реке Терек. Совместно с грузинскими войсками, в рядах которых было много осетин, отряд российских войск принял участие в боевых операциях против турок, освободив ряд крепостей и городов Грузии [15, с. 89].

Еще до начала военных действий с Османской империей грузинский царь Ираклий II призвал осетин на помощь в борьбе против турок. Первыми вступили в ряды грузинских войск жители Куртатинского и Нарского обществ Осетии, много осетин было мобилизовано из владений помещиков Мачабели, Эристави, Палавандишвили и Цициановых в Южной Осетии.

При взятии Хертвинской крепости российскими войсками в отряде капитана Львова было 800 воинов-осетин, ими было взято в плен 75 человек. В боевых действиях под Ахалкалаком в 1772 г. принимало участие 700 осетин [3, с. 292].

Во время русско-турецкой войны осетины принимали участие в походах в составе Моздокского полка. 28 февраля 1772 г. нарские старшины Парий Мамиев, Егор Матвеев и Алдат Битаров подали прошение, «чтоб об них представили в военную команду куда надлежит и их жизнь была безопасна под покровом Российской империи». 10 июля 1774 г. в деревне Кючук-Кайнарджи был подписан мирный договор, согласно которому Осетия вошла в состав Российского государства [15, с. 80].

После подписания Георгиевского трактата и окончания русско-турецкой войны 1787-1791 гг. военная служба осетин в рядах российской армии стала активнее. Многие осетины стали отбывать воинскую повинность, например, поручик Мусса и капитан Айтек Тугановы с 1782 г. служили в Кавказской армии [15, с. 159].

14 января 1785 г. воспитанники Моздокской осетинской школы Василий Фидаров, Андрей Биценов и Кузьма Кешетов просили командующего Моздокского полка принять их на военную службу. Полковник Савельев удовлетворил их просьбу. Окончивший ту же школу куртатинский осетин Михаил Козатов в 1783 г. по собственному желанию поступил на военную службу [8, с. 27].

Представители Северной и Южной Осетии приняли активное участие в боевых действиях против персидских завоевателей, вторгшихся на территорию Грузии в 1795 г. На Крцанисском поле, у восточных ворот Тбилиси, произошло решающее сражение. Войска Ага-Магомет-хана ворвались в Тбилиси и подвергли его жесточайшему разорению. Были опустошены также несколько деревень в равнинных районах Южной Осетии. За героизм, проявленный в Крцанисском сражении многие осетины получили награды, в том числе грамоты от грузинского царевича Иоанна [18, с. 102].

Российское правительство не отказывалось от намерения привлечь горцев на службу в российскую армию и позднее. Особенную настойчивость в этом отношении проявлял светлейший князь Г. А. Потемкин. Наряду с другими, он имел титул главнокомандующего всей регулярной и иррегулярной конницей. Иррегулярные войска состояли из казачьих отрядов и национальных формирований. Однако, в конце XVIII в. они еще не имели определенной системы комплектования и порядка прохождения службы.

Князь Г. А. Потемкин предложил проект создания иррегулярных частей из кавказских горцев. Предполагалось комплектовать эти части из осетин, кабардинцев и ингушей. По проекту князя, милиция из осетин состояла из 500 человек, а из ингушей – 300 человек [1, с. 173]. Их предполагалось использовать на службе при Владикавказской крепости, построенной в 1784 г. у въезда в Дарьяльское ущелье «для военных действий в их стороне». В случае надобности начальству разрешалось формировать и большее число сотен из осетин для военных действий в кавказском крае. Добровольцы должны были получать жалованье по 2 руб. в месяц и по 2 рубашки в год. Князь Г. А. Потемкин был так заинтересован своим проектом, что решил осенью 1786 г. посетить Кавказ, но начавшаяся война с турками помешала его намерению. При нем находилось много кавказских горцев, которые приняли участие в войне с турками и шведами. Всего их было 24 человека, в том числе 6 осетин, - Кирман Кубатиев, капитаны Айтек Туганов и Кайтук Байгирнев, поручики Соломон Гуриев, Григорий Арисханов и Петр Цаликов. 16 мая 1787 г. Кирман Кубатиев был окрещен в Херсоне и наречен Александром, восприемницей его стала сама императрица Екатерина II. Кубатиев был произведен в секунд-майоры. Позднее, в 1790 г. также приняли крещение Арисханов, Гуриев и Цаликов, восприемником их был сам князь Потемкин. После смерти князя Потемкина в 1792 г. осетины возвратились на родину [14, л. 11].

В 1802 г. главнокомандующим на Кавказе был назначен князь П. Д. Цицианов, в руках которого была сосредоточена вся военная и гражданская власть. В письме к императору Александру I князь писал о пользе «содержания в Санкт-Петербурге лейб-гвардейского кавказского эскадрона» и предлагал набрать его из осетин, кабардинцев и представителей других горских народов. Стоимость проекта оценивалась в 30 тыс. руб. в год, однако осуществлен он был позднее.

В конце первого десятилетия XIX в. Александр I высказал пожелание иметь при себе особую гвардию из почетных дворянских фамилий Кавказа, о чем и были даны соответствующие указания кавказской администрации. В 1811 г. при Дворянском полку был сформирован Кавказский эскадрон, в котором наряду с другими горцами, были и осетины. В 1855 г. Дворянский полк был переименован в Константиновский кадетский корпус.

Начавшаяся в 1812 г. Отечественная война вызвала большое патриотическое воодушевление среди населения Кавказской губернии, так же как и повсюду в России. Известно, что только в Моздоке в 1812 г. было собрано и израсходовано на военные нужды 9355 руб. 98 коп., в том числе «собрано с купцов, грузин, армян, осетинцев и католиков по 4 руб. 98

коп., с дворовых и отставных казаков по 1 руб. 89 коп. с души» [15, с. 75]. Кроме того, осетины приняли непосредственное участие в боевых действиях 1812 г., в частности, Сидамон Кснисховели и Николай Сокуров. Осетин генерал Бибилури был тяжело ранен в Бородинском сражении [4, с. 59].

С 1816 по 1827 гг. главнокомандующим на Кавказе был генерал А. П. Ермолов, сыгравший важнейшую роль в привлечении осетин на военную службу в ряды российской армии. В 1816 г. Ермолов писал генералу Дельпоццо, что надо «приготовить осетин самым осторожным образом к тому, чтобы со временем составить из них некоторые ополчения первоначально для внутренней стражи, дабы испытать их способности, а потом для охранения кордона».

С начала 20-х гг. XIX в., после того как осетины стали массово переселяться на равнинные земли, они стали активно привлекаться для охраны Военно-Грузинской дороги, строительство которой было начато в 1803 г.

Летом 1826 г. персидская армия без объявления войны перешла границу и вторглась в пределы Закавказья, намереваясь овладеть Тифлисом и отбросить русские войска за Терек. Персы также рассчитывали на удар кавказских горцев с тыла по частям российской армии, не располагавшей резервами. Главнокомандующий А. П. Ермолов оказался в весьма затруднительном положении. В этих критических обстоятельствах было решено сформировать ополчение из представителей кавказских народов, в состав которого вошли и осетины Квишетского приставства численностью в 200 конных и 150 пеших милиционеров [4, с.82].

В марте 1827 г. вместо А. П. Ермолова командующим Отдельным Кавказским корпусом был назначен генерал от инфантерии И. Ф. Паскевич. В 1829 г. им было утверждено положение об организации иррегулярных частей (милиции – А. Х.) из армян, кабардинцев и осетин [4, с. 29].

Первый осетинский военный отряд был сформирован в 1828 г. Владикавказский комендант генерал-майор Скворцов в своем рапорте командующему войсками на Кавказской линии генерал-лейтенанту Эмануэлю от 11 мая 1828 г. доносил, что к нему явились тагаурские старшины и объявили, что они «желая доказать правительству свою преданность охотно будут в предстоящую ныне с турками войну служить в Грузии при действующих войсках наших противу турок». Единственным условием осетин-добровольцев было то, «чтобы во все их пребывание на службе время определено им было содержание от казны, ибо по отдаленности от своих жилищ они с будущими при них подвластными продовольствоваться себя будут не в состоянии» [1, с. 275]. В списке тагаурских старшин, выразивших желание «быть в действии противу турок» было 24 человека – представителей феодальных фамилий Тагаурии: это Уари, Ахло, Шафук и Беслан Тулатовы, Азо Шанаев, который впоследствии был одним из руководителей восстания тагаурцев в 1830 г. Кроме того, принять участие в войне с Турцией изъявили желание Дуда, Осман, Магомет, Мамсур, Джанхот и Сафарали Мамсуровы, Папин и Папин же Алдатовы, Темурко Кундухов, Инус, Габис, Каз-Магомет, Берт и Темурко Дударовы, Пацы, Хотажуко, Хойса, Хатана и Гелжеруко Кануковы. Поскольку все они принадлежали к аристократической верхушке осетинского общества, то при них находились еще и сопровождающие их подвластные, и, таким образом, общая численность отряда составила 50 человек.

Создание осетинского военного отряда было первым событием подобного рода на Кавказе. Информировав об инициативе осетин командира Отдельного Кавказского корпуса командующий войсками на Кавказской линии генерал-лейтенант Эмануэль особо подчеркивал, что до этого времени «не было еще примера на линии (Кавказской – А.Х.), чтобы азиатцы добровольно решались подобным образом сблизиться с войсками, ни подобным образом доказать свое усердие к правительству...» [12, с. 91].

О «весьма отличной службе» тагаурских старшин свидетельствует тот факт, что семью из них – Темурко Дударов, Шафук Тулатов, Дуда Мамсуров, Уари Тулатов, Азо Шанаев,

Сафарали Мамсуров и Темурко Кундухов «в воздаяние отличной храбрости и истинного усердия к службе... при разбитии турецких войск по «Высочайше предоставленной главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом графу Паскевичу-Эриванскому власти» были уже через год – в августе 1829 г., были удостоены чина прапорщиков [3, с. 56]. В списке чиновников, отличившихся при покорении крепости Карс, значился и осетинский старшина подпоручик Султан Дударов, награжденный орденом Св. Анны 4-й степени [15, с. 112]. Этим орденом награждались за проявленную храбрость офицеры иррегулярных войск. Четвертая степень его представляла собой крест, который носили на эфесе сабли, укрепленной темляком из орденской ленты [16, с. 201].

В марте 1829 г. генерал И. Ф. Паскевич высказал мнение о пользе учреждения «земского ополчения для содержания караулов и против горских народов и в случае надобности для содействия нашим войскам в войне» [14, л. 67].

Во время русско-турецкой войны 1828-1829 гг. части горской милиции использовались в военных действиях самым активным образом. В войсках, подчиненных генералу Гессе, например, милиция составляла более половины всего состава.

В 1831 г. была сформирована Грузинская пешая дружина «Джар», в составе которой постоянно служили осетинские крестьяне (Южная Осетия находилась в административном подчинении Грузии – А. Х.), численностью в мирное время 30-40 человек, а в военное время состояла из 500-600 воинов. Дружина принимала активное участие во всех военных действиях на Кавказе и была награждена Георгиевским знаменем. В феврале 1839 г. тифлисский гражданский губернатор Ахлестышев по приказу командующего Отдельным Кавказским корпусом Е. А. Головина собрал в Грузии 600 милиционеров, в числе которых было 100 осетин. 22 февраля этот отряд принял участие в походе против войск имама Шамиля. Летом 1845 г. осетинская милиция вместе с регулярными частями российской армии под командованием И.Ф. Паскевича вновь приняла самое действенное участие в военных действиях против Шамиля. В 1845 г. в ознаменование боевых заслуг осетинам Владикавказского округа было высочайше пожаловано императором Николаем I почетное знамя за храбрость [2, с. 76]. На его лицевой стороне была сделана надпись: «Нашим верноподданным, осетинам Владикавказского округа, за преданность и храбрые действия» [13, л. 19].

Следующей знаменательной страницей участия осетин в боевых действиях российской армии стала Крымская война 1853-1856 гг. Как только развернулись боевые действия, кавказская администрация объявила местному населению о наборе добровольцев в ополчение для участия в войне против Османской империи [18, с. 280]. Вскоре из грузин, армян, азербайджанцев, осетин и кабардинцев, откликнувшихся на призыв были сформированы иррегулярные части. В состав Кавказского корпуса вошли пятисотенная охранная стража из горцев Терской области и конно-иррегулярный полк из осетин и кабардинцев, численностью в 600 человек. В октябре 1853 г. в состав корпуса было зачислено осетинское конное ополчение, сформированное из жителей Дигорского общества Осетии. Осетины-добровольцы находились в таких иррегулярных частях, как Кавказский горский полуэскадрон, Горский казачий полк, Горская конная милиция и других [14, л. 21].

В июне 1853 г. Тифлиским военным губернатором было дано распоряжение осетинскому окружному начальству о сборе двух сотен милиции из населения Джавского, Нарского и Малолиахвского участков. Добровольцев оказалось гораздо больше необходимого: так, из Джавского участка прибыло 120 человек, из Малолиахвского участка – 95 человек, кроме того, из деревень Нарского участка дополнительно прибыло еще 25 человек [14, л. 18]. Командиром 1-й сотни осетинской милиции был назначен поручик Георгий Эристов, командиром 2-й подпоручик Георгий Палавандов. Позднее были сформированы еще две сотни осетинской милиции. Примечателен факт обращения к главнокомандующему жителей Нарского участка Осетинского округа Петра, Таги и других, с просьбой разрешить им сформировать конную сотню из представителей только одной фамилии Хетагуровых. Тиф-

лиссский генерал-губернатор решил удовлетворить просьбу Хетагуровых и «возложить выборы людей в эту сотню на поименованных просителей и затем удостоверившись лично комплектная ли ими сформированная сотня», отправить к 20 мая в Ардаган [13, л. 2 об.].

Осетинские сотни героически проявили себя в сражениях под Ахалцихом, Башкадык-ляром, Кюрук-Дара, осаде Карса и других важнейших сражениях Крымской кампании. О героической храбрости осетин и их верности воинскому долгу свидетельствовали многие участники событий Крымской войны. Вот что писал о сражении у Кюрук-Дара известный военный историк Н. М. Демидовский: «Все были впереди, каждый подавал пример как нужно жертвовать собой Отечеству. Когда замялись гренадеры, командир полка их полковник Тарханов выхватил у знаменосца знамя и бросился вперед. Капитан Дударов получил смертельную рану, его относят назад, но он отталкивает несших его солдат, идет шатаясь к своим орудиям, командует «пли», а затем падает мертвым около орудий» [3, с. 56]. В боях под Ахалцихом отличилась и осетинская конная милиция, двадцать четыре человека получили боевые награды [12, л. 79]. Среди них Мириман Джюев, Бега Кокоев, Гача Санакоев, Михаил Шавлохов, Гири Тедеев, Иван Кулумбегов, Таймураз Хетагуров, Михаил Кочиев, Соломон Чибиров, Георгий Тибилев и другие. Парс Санакоев получил золотую медаль с надписью «За храбрость», Соломон Хетагуров, Мате Кумаритов и Бега Тедеев получили звание юнкеров. Ноне Цховребов и Михаил Гассиев получили знаки отличия военного ордена и пенсию за него по 24 рубля в год, поручик Хетагуров был награжден орденом св. Владимира 4-й степени [13, л. 21]. Отличился в боях с турками и Горский казачий полк, в котором служило много осетин из станиц Чернойорской, Новоосетиновской и Луковской, многие из них были награждены орденами и медалями [14, л. 268, 271].

Общая численность кавказских национальных ополчений в годы Крымской войны 1853-1856 гг. достигла 24 500 человек, почти половину этого числа составляли отряды из народов Северного Кавказа и самыми многочисленными из них были именно осетинские формирования. Героизм и мужество народов Северного Кавказа сыграли важную роль в срыве планов Османской империи, Англии и Франции в годы Крымской войны.

Список источников и литературы

1. Бутков, П. Г. (1869). *Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год*. Ч. 1. СПб.: Типография Императорской Академии наук. 525 с.
2. Георгиев, В. А. (1975). *Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х – нач. 40-х годов XIX в.* Москва: Издательство Московского университета. 200 с.
3. Демидовский, Н. М. (1895). *Записки о кавказско-турецкой войне 1853-1856 гг.* СПб.: Типография В. С. Балашова. 323 с.
4. Дружинина, Е. М. (1955). *Кучук-Кайнарджийский мир*. Москва: Издательство Академии наук СССР. 384 с.
5. Дубровин, Н. Ф. (1871). *История войны и владычества русских на Кавказе*. Т. 1. СПб.: Типография Департамента Уделов. 476 с.
6. Золотарев, А. М. (1889). *Материалы по военной статистике России. Население России как источник комплектования ее армии. (На основе данных за первое 10-летие отбывания воинской повинности)*. СПб.: Типография Департамента Уделов. 85 с.
7. *История Осетии в документах и материалах*. (1961). Т. 2. Цхинвали: Издательство Юго-Осетинского научно-исследовательского института. 213 с.
8. *История Юго-Осетии в документах и материалах (1864-1900)*. (1961) Т. 3. Цхинвали: Издательство Юго-Осетинского научно-исследовательского института. 223 с.
9. Киняпина, Н. С. (1974). *Внешняя политика России первой половины XIX века*. Москва: Издательство Московского университета. 288 с.

10. Кузнецов, А. А. (1985). *Ордена и медали России*. Москва: Издательство МГУ. 176 с.
11. Нерсесян, М. Г. (1965). *Отечественная война 1812 г. и народы Кавказа*. Ереван: Издательство Академии наук Армянской ССР. 188 с.
12. *Осетия в кавказской политике Российской империи. (2018). Сборник документов и материалов / сост. А. А. Хамицаева*. Владикавказ: Издательство «Ир». 271 с.
13. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 13454. Оп. 2. Д. 46.
14. РГВИА. Ф. 14719. Оп. 1. Д. 54.
15. Санакоев, М. П. (1987). *Из истории боевого содружества русского и осетинского народов (XVIII – нач. XX вв.)*. Цхинвали: Иростон. 161 с.
16. Тарле, Е. В. (1959). *Крымская война*. Москва: Наука. 234 с.
17. Федоров, В. А. (1959). *Русская армия в 50-70 гг. XIX в.* Ленинград: Издательство ЛГУ. 291 с.
18. Цховребов, И. Н. (1963). *Осетины на военной службе в русской армии в XVIII-XIX веках // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института Академии наук Грузинской ССР*. Вып. XII. 223 с.

References

1. Butkov, P. G. (1869). *Materialy dlja novej istorii Kavkaza s 1722 po 1803 god*. [Materials for the new history of the Caucasus from 1722 to 1803]. Ch. 1. St. Petersburg, Typography Imperial Academy of Sciences. (in Russian).
2. Georgiev, V. A. (1975). *Vneshnjaja politika Rossii na Blizhnem Vostoke v konce 30-h – nach. 40-h godov XIX v.* [Russia's foreign policy in the Middle East in the late 30-s - early 40s XIX century]. Moscow, Publishing House of Moscow University. (in Russian).
3. Demidovskij, N. M. (1895). *Zapiski o kavkazsko-tureckoj vojne 1853-1856 gg.* [Notes on the Caucasian-Turkish War 1853-1856]. St. Petersburg, Typography of V. S. Balashov. (in Russian).
4. Druzhinina, E. M. (1955). *Kuchuk-Kajnardzhijskij mir*. [Kuchuk-Kainarji world]. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. (in Russian).
5. Dubrovin, N. F. (1871). *Istorija vojny i vladychestva russkih na Kavkaze*. [The history of the war and domination of Russians in the Caucasus]. St. Petersburg, Printing House of the Department of Destinys. (in Russian).
6. Zolotarev, A. M. (1889). *Materialy po voennoj statistike Rossii. Naselenie Rossii kak istochnik komplektovanija ee armii. (Na osnove dannyh za pervoe 10-letie otbyvanija voinskoj povinnosti)*. [Materials on the military statistics of Russia. The population of Russia as a source of manning its army. (Based on data for the first 10 years of military service)]. St. Petersburg, Printing House of the Department of Destinys. (in Russian).
7. *Istorija Osetii v dokumentah i materialah* (1961). [History of Ossetia in documents and materials]. Vol. 2. Tskhinvali, Publishing House of the South Ossetian Research Institute. (in Russian).
8. *Istorija Jugo-Osetii v dokumentah i materialah (1864-1900)*. (1961) T. 3. [History of South Ossetia in documents and materials (1864-1900)]. Tskhinvali, Publishing House of the South Ossetian Research Institute. (in Russian).
9. Kinjapina, N. S. (1974). *Vneshnjaja politika Rossii pervoj poloviny XIX veka*. [Foreign policy of Russia in the first half of the 19th century]. Moscow, Moscow University Publ. (in Russian).
10. Kuznecov, A. A. (1985). *Ordена i medali Rossii*. [Orders and medals of Russia]. Moscow, MSU Publishing House. (in Russian).

11. Nersesjan, M. G. (1965). *Otechestvennaja vojna 1812 g. i narody Kavkaza*. [Patriotic War of 1812 and the peoples of the Caucasus]. Erevan, Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR. (in Russian).
12. *Osetija v kavkazskoj politike Rossijskoj imperii*. (2018). Sbornik dokumentov i materialov// sost. A. A. Hamicaeva. [Ossetia in the Caucasian policy of the Russian Empire. Collection of documents and materials], compiled by A. A. Khamitsaeva. Vladikavkaz, Ir Publishing House. (in Russian).
13. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (RGVIA). F. 13454. Op. 2. D. 46. (in Russian).
14. RGVIA. F. 14719. Op. 1. D. 54. (in Russian).
15. Sanakoev, M. P. (1987). *Iz istorii boevogo sodruzhestva russkogo i osetinskogo narodov (XVIII – nach. XX vv.)*. [From the history of the military commonwealth of the Russian and Ossetian peoples (XVIII - early XX centuries)]. Tskhinvali, Iriston Publ. (in Russian).
16. Tarle, E. V. (1959). *Krymskaja vojna*. [Crimean War]. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).
17. Fedorov, V. A. (1959). *Russkaja armija v 50-70 gg. XIX v.* [The Russian army in 50-70 years. 19th century]. Leningrad, Idatel'stvo LGU. (in Russian).
18. Chovrebov, I. N. (1963). *Osetiny na voennoj sluzhbe v russkoj armii v XVIII-XIX vekah*. [Ossetians in military service in the Russian army in the 18th-19th centuries] in *Izvestija Ju-go-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta Akademii nauk Gruzinskoj SSR*, vyp. XII. Tskhinvali, Iriston Publ. (in Russian).

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Оришев А. Б.

(Москва)

Ряполов В. В.

(Елец)

УДК 94

**АБВЕР-3: МЕТОДЫ КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НА ТЕРРИТОРИИ СССР (июнь 1941 – февраль 1942)**

Залогом успешной деятельности любой армии является налаженная работа ее подразделений, ответственных за контрразведку. В вермахте эта функция была возложена на абвер-3 – один из отделов абвера (германской военной разведки и контрразведки). В основу источниковой базы положены трофейные германские документы, комплект которых был обнаружен в фондах Центрального архива Министерства обороны. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в научный оборот вводятся документы, ранее недоступные для научных кругов и общественности. В статье анализируются методы, применяемые абвер-3 в период с июня 1941 г. по февраль 1942 г. на оккупированных советских территориях. Рассматриваются: деятельность германской контрразведки по пресечению вражеской пропаганды, абверовская методика сохранения государственной тайны, действовавшие в годы Второй мировой войны инструкции о поведении в плену солдат вермахта. Подробно рассматривается такой метод абвер-3, как конспирация, приведены основные требования к хранению секретных документов в вермахте. Показано, что офицеры абвер-3 выполняли в нацистской Германии роль цензоров. Главный научный результат: авторы показали, что работа германской контрразведки была строго регламентирована и поставлена на довольно высокий методический уровень. Данный вывод подчеркивает то, что на полях тайной войны советской разведке противостоял серьезный противник, одержать победу над которым оказалось возможным только при условии высокого профессионализма и верности долгу.

Ключевые слова: контрразведка, вермахт, абвер-3, пропаганда, поведение в плену, секретные документы, конспирация.

The key to the successful operation of any army is the well-organized work of its units responsible for counterintelligence. In the Wehrmacht, this function was assigned to abwehr-3 - one of the departments of abwehr (German military intelligence and counterintelligence). The source base is based on captured German documents, a set of which was found in the funds of the Central Archive of the Ministry of Defense. The scientific novelty of the study lies in the fact that for the first time documents are introduced into scientific circulation that were previously inaccessible to the scientific community and the public. The article analyzes the methods used by the Abwehr-3 in the period from June 1941 to February 1942 in the occupied Soviet territories. The activities of the German counterintelligence to suppress enemy propaganda, the Abwehr method of preserving state secrets, and instructions on the behavior of Wehrmacht soldiers in captivity that were in force during the Second World War are considered. Such an Abwehr-3 method as conspiracy is considered in detail, the main requirements for the storage of secret documents in the Wehrmacht are given. It is shown that officers of the Abwehr-3 performed the role of censors in Nazi Germany. The main scientific result: the authors showed that the work of the German counterintelligence was strictly regulated and placed on a fairly high methodological level. This conclusion emphasizes

es the fact that on the fields of the secret war, Soviet intelligence was confronted by a serious enemy, which was possible to defeat only with high professionalism and devotion to duty.

Keywords: counterintelligence, wehrmacht, abwehr-3, propaganda, behavior in captivity, secret documents, conspiracy.

DOI: 10.24888/2410-4205-2023-34-1-130-139

Настоящая работа представляет собой продолжение предыдущей статьи, опубликованной в журнале «История: факты и символы» еще в 2019 г. [14, с. 59-67]. С тех пор отечественная историография обогатилась несколькими исследованиями по истории германской военной разведки и контрразведки. Краткий сравнительный анализ абвера и Смерша дан в работе Н. И. Котляра и В. В. Дзюбана [7, с. 306-308]. Методам выявления агентов абвера, внедренных противником в партизанское движение, посвящено исследование С. А. Лукьянова [12, с. 75-87]. Вопросы сотрудничества абвера с украинскими националистами были подняты А. В. Козловым [6, с. 67-74]. Сотрудничеством абвера с финскими спецслужбами занимался С. Г. Веригин [2, с. 163-172]. Информацию о германских диверсионных школах на оккупированных территориях мы находим в исследованиях С. В. Кулинок и Л. П. Халяпиной [9, с. 347-355; 10, с. 215-219].

Наряду с вышеперечисленными, в плане получения эмпирического материала для настоящего исследования оказались полезными и некоторые другие публикации отечественных историков [3, с. 43-67; 4, с. 73-80; 5, с. 275-280; 8, с. 67-69; 13, с. 52-60; 15, с. 11].

Что касается работ зарубежных авторов, то можно назвать исследование Стивена Бунеса – профессора Университета Тромес, посвященное операциям германской контрразведки против норвежских партизан [1, с. 132-142].

Таким образом, за последние три года историография пополнилась работами по истории спецслужб третьего рейха. Вместе с тем, тема абвер-3 осталась практически не раскрыта. Следовательно, она по-прежнему остается актуальной и требующей новых подходов.

Абвер-3 (третий отдел абвера) – орган разведки и контрразведки в составе германских вооруженных сил (нем. Abwehr – оборона, отражение). Прежде чем говорить о методах контрразведывательной деятельности этой организации, скажем несколько слов о ее структуре. В каждой немецкой роте имелся офицер или унтер-офицер, в задачи которого входило обеспечение контрразведывательной работы, соблюдение конспирации и т.д. При каждом штабе, начиная с батальона и выше, назначался «офицер для контрразведывательной службы», в обязанности которого наряду с его повседневной деятельностью, входило проведение контрразведывательных мероприятий, главным образом против действий тайной службы противника. Возглавлял абвер-3 в изучаемый нами период полковник Франц Бентивеньи.

Офицеры контрразведывательной службы имели право: вносить предложения командованию о необходимых мероприятиях действующей армии; возбуждать полицейские дела в тылу действующей армии, привлекая сюда офицеров Генштаба, специально предназначенных для работы в тылу; вносить предложения по конспирированию донесений разведки, а также проводить мероприятия, ведущие к ослаблению разведки противника.

Важнейшая задача, которую выполнял абвер-3 – пресечение шпионажа. Согласно методическим инструкциям, шпиона следовало задержать, а не убивать, если он пойман с поличным. Только в случае самообороны и при попытке к бегству против него могло быть применено оружие. То же относилось и к жителям военных зон, уличенных в преступной деятельности. Инструкция также требовала не убивать партизан, если только их смерть не последует в ходе столкновения. Милицейские и добровольческие отряды рассматривались не как партизаны, а как солдаты, если они открыто носили оружие или определённые, издали заметные, знаки и при обыске соблюдали обычаи и законы войны [16, л. 179-180]. Заметим, что английская контрразведка (Управление военной разведки (DMI), отдел MI-5 –

контрразведка) вследствие своей военной структуры рассматривалась абвер-3 как милиция. Правовым основанием того служила Гаагская конвенция 1907 г.

Абвер-3 определил несколько категорий подозрительных лиц, входящих в группу риска как «шпионы». Это представители прессы; лица, делавшие солдатам подарки (особенно тщательно следили за отпускниками и солдатами-резервистами); незнакомые женщины, которые вступали в переписку с солдатами действующей армии; иностранцы, прежде всего, представители нейтральных стран. По сути, любое проявление любопытства могло привлечь к себе внимание со стороны контрразведки.

Под подозрение в шпионаже также попадали лица, находящиеся вблизи фронта и не имеющие на то удостоверений; не имеющие определённого места жительства, или пытающиеся незаметно проскользнуть мимо часового; без надобности находящиеся на важных транспортных объектах, железнодорожных и автомобильных путях, на дорожных и водных строениях, заводских сооружениях и занимающиеся там фотосъёмкой, зарисовкой, различными набросками. Особое внимание уделялось тем, кто пытался ловить почтовых голубей и воздушные шары.

В каждом случае германскому солдату надлежало немедленно сообщить ближайшему начальнику, отдать найденный материал и при неминуемой опасности сообщить ближайшему офицеру или полевому жандарму. Если вблизи никого нет, то военнослужащий был обязан задержать подозрительное лицо и доставить его в ближайшую войсковую часть или к ближайшему часовому. При задержке надлежало тщательно обыскать, отобрать оружие, не дать задержанному возможности что-либо бросить, разорвать, проглотить. Отобрать предметы-улики (прежде всего, печатные и написанные документы) и сдать их вместе с задержанным. Также требовалось изъять спички и табачные изделия, с задержанным не разговаривать.

Одной из задач абвер-3 было не дать противнику возможности получить сведения, составляющие государственную тайну. Несмотря на подробное разъяснение всем военнослужащим об опасности шпионажа, предательства и саботажа, разглашение военных тайн солдатами и офицерами вермахта приняло значительные размеры. «Нельзя избежать того, что во время войны по целому ряду причин расширяется круг законспирированных людей. Военные события никогда нельзя абсолютно скрыть. Но объём, цели и течение этих событий должны быть оставлены в секрете. Только таким образом могут быть предотвращены нездоровая склонность некоторых слоёв оглашать военные тайны», – говорилось в так называемых «наставлениях» войсковым частям от абвер-3 [16, д. 216, л. 196-197]. В этом же документе отмечалось, что возможности для разглашения секретов предоставляются, в первую очередь, в дороге, гостинице, в письмах и дневниках, во время отдыха дома, в разговорах по телефону. Поэтому от офицеров и военных чиновников требовалось хранить военную тайну в устных и телефонных разговорах, в письмах и дневниках, даже по отношению к товарищам и родным, сослуживцам и случайным знакомым. И неукоснительно следовать указаниям:

- «осторожность в приказах, касающихся оперативной работы, в особенности, если они относятся к нижестоящим органам. Не указывать сроков проведения данных мероприятий. Приказы давать отдельными распоряжениями;
- выдачу приказов производить самому ограниченному кругу людей. За список рассылки приказов лично отвечает не только составляющий, но и подписывающий приказ;
- телеграфный и телефонный вызов отпускников из отпуска, полученного на определённый срок, может повлечь за собой неправильные толкования. Поэтому запрещается вызов отпускников, также и офицеров из отпуска. Штабы и войска должны обойтись без отпущенных солдат;

- если гражданские учреждения имеют какое-либо отношение к секретным делам, то надо ограничить их количество;
- на время приготовления военных мероприятий можно потребовать отстранения гражданских учреждений. Создавшиеся вследствие этого затруднения и пробелы в работе должны быть приняты во внимание. Они будут восполнены, как только разрядится конспиративная атмосфера;
- во время телефонных разговоров необходимо считаться с возможностью подслушивания. Поэтому по телефону не должны быть названы ни секретные даты, ни какие-либо другие сведения, касающиеся обороны страны. То же относится к частной почтовой и телеграфной корреспонденции;
- при всех частных разговорах, в кругу друзей и семьи не должно быть речи о мероприятиях по обороне страны. Особенно сдержанным нужно быть в отношениях с иностранцами, представителями иностранных миссий и посольств;
- при служебных разговорах нужно предварительно проверить все предпринятые мероприятия против подслушивания. Количество участников секретных совещаний должно быть сведено до минимума;
- при отправлении секретных документов курьеры должны иметь при себе оружие и зажигательные средства» [16, л. 194-196].

В абвере-3 исходили из того, что для противника ничего не существует в войне неважного. Поэтому каждое разглашение государственной военной тайны каралось военным судом. Правовой базой для этого был Закон о предательстве и другие нормативные акты.

В результате Московской битвы вермахт потерял убитыми 25 443 солдат и офицеров, 5045 числились как пропавшие без вести [11, с. 121]. Часть последних попала в советский плен, что сразу же отразилось в методических рекомендациях, разработанных абвер-3.

В абвере-3 от каждого немецкого солдата ожидали, что он предпочтёт плену смерть в бою с оружием в руках. Но при известных обстоятельствах боя учитывалось, что может случиться то, когда тот «будет иметь несчастье попасть в руки противника». Поэтому он должен помнить, что клятва также связывает и пленного солдата и обязывает его к дальнейшей преданности своей родине.

Пленному надлежало действовать следующим образом: немедленно уничтожить или спрятать служебные бумаги (приказы, донесения, карты, наброски, письма, блокноты и т.д.), и сделать это незаметно. Личный опознавательный знак следовало оставить.

Регламентировалось поведение при допросе: можно называть только время, место рождения и чин. На вопрос о номере части следует предъявить личный опознавательный знак, без каких бы то ни было устных дополнений. Запрещалось не только передавать какие-либо военные сведения, но и отвечать на вопросы политического или хозяйственного характера. Абвером-3 была дана четкая установка: «на всякий другой вопрос не отвечать, потому что во всех случаях эти ответы могут быть полезны противнику, подвергнут опасности жизнь многих товарищей и являются предательством, которое по окончании войны карается самым строгим образом. Никакие угрозы или пытки не должны изменить что-либо в поведении пленного. Болтливость может стоить жизни многим товарищам».

Если допрашивающий офицер делал вид, что он уже во все посвящён и утверждал, что другие пленные уже всё сказали, то следовало не давать ответа. Хорошее обращение (предлагают курить, хорошее питание и жилищные условия) – это уловка врага! Хорошее обращение длится до тех пор, пока у пленного ещё можно выудить какие-либо сведения. Солдат, дающий показания, является предателем даже в глазах самого противника и после показаний рассматривается как таковой. И если в контрразведку поступали какие-либо сведения о том, что германский солдат, находясь в плену, давал показания, то об этом факте докладывалось главному военному поверенному при военном суде в Берлине.

В самом общем виде при нахождении в плену надлежало руководствоваться следующими принципами: необщительность по отношению к другим незнакомым пленным (подозрение, что они шпионы. Считалось, что среди немецких военнопленных можно нередко встретить шпионов, подосланных русскими); осторожность во время бесед в закрытых помещениях (скрытые звукоулавливатели); никогда не давать честного слова.

Важным источником сведений для советской разведки были не только показания военнопленных, но и найденные у них во время обыска письма. Руководство абера-3 было вынуждено признать, что найденные у пленных письма сказываются самым неблагоприятным образом. Дело в том, что наряду с обычными хозяйственными заботами в них сквозило стремление к скорейшему окончанию войны. И надо сказать, что эти письма советская пропаганда умело использовала в своих целях, демонстрируя упаднический дух среди солдат вермахта после поражения под Москвой. В качестве примера приведем один из подобных документов – краткую выдержку из дневника капитана, командира 1-го батальона 22-го пехотного полка Эрнста Поната: «4.2.1942 г. Я по-прежнему живу на командном пункте майора Бума (1-ый лыжный батальон 423 пп). Батальон выполняет различные лёгкие задачи и находится всегда в полной боевой готовности. Я потею от страха при мысли, что наши сдадут свои позиции и мой штаб отсекут от батальона. Наши блиндажи всё еще строятся. Атаки русских снова довольно ожесточенные» [17, л. 74]. Из письма пленного унтер-офицера Отмара Лергера: «Мы очень боимся русской зимы. Здешние морозы не идут ни в какое сравнение с нашими. Эта война ведется, как говорится, за жизненное пространство. Я против этой войны, т.к. жизненное пространство нельзя искать за тысячи километров от своей территории» [16, л. 5]. Еще более жесткие признания мы находим в письме командира 7-й пехотной дивизии (имя неизвестно – авторы): «Если противник продолжит свои атаки, то поражения не исключены; разве только придут свежие силы, которые, наконец, смогут сменить наиболее уставшие пехотные соединения. Я говорю здесь не по поводу своей дивизии, которая находится еще в лучшем состоянии, чем многие другие соединения, а вообще. Если большие потери будут продолжаться, я вижу решительную опасность для дальнейшего ведения войны и для нации вообще. Наш народ не обладает жизнеспособностью русских» [17, л. 27].

В абвер-3 признавали, что из психологических соображений невозможно абсолютно запретить брать с собой письма. Однако нужно вести воспитательную работу с личным составом в таком направлении, чтобы они не брали с собой на передовую линию то, что может быть использовано пропагандой противника. Иными словами, руководство абвер-3 в данном случае, понимая бессмысленность запретов, пыталось воздействовать на солдат убеждениями и уговорами. Поэтому им строго предписывалось не брать на фронт только письма, в которых говорилось о тяжелом положении на родине, о потерях, о желании прекратить войну. Так или иначе, но солдаты вермахта, которые брали с собой на передовую позицию письма и дневники, подвергали себя опасности быть обвиненными в предательстве и могли по окончании войны быть привлечены к ответственности.

Ведение личных дневников разрешалось только там, где они не могли попасть в руки противника. За надёжное хранение дневника отвечал автор. И надо сказать, что эти предостережения не были лишними. Во время одной из операций английской разведки в Иране в руки спецслужб союзников попал дневник офицера СД (SD – Sicherheitsdienst, службы безопасности) Франца Майера. Результаты хорошо известны: в Иране были проведены массовые аресты агентов абвера и СД и просто сочувствующих третьему рейху.

Эффективным методом для сохранения секретов в абвер-3 считали конспирацию. Сотрудники контрразведки исходили из того, что чем меньше разведывательная служба противника узнает о германской военной мощи, тем эффективнее будет ведение войны. Отсюда требование молчания относительно служебных дел и предосторожность во всех высказываниях, чертежах и записях. Всегда и всюду, также и на родине немцам внушалась мысль:

«Враг подслушивает!» Враг подслушивает, и на фронте существует угроза подслушивания не только телефонных разговоров, но и во время отдачи команд, совещаний, бесед.

В такой обстановке на отдыхе и дома немцы считались с тем, что подслушивают другие, а те намеренно передадут услышанное дальше. Согласно методике абвер-3, письменные сообщения (письма и открытки) не должны были содержать никаких сведений о германских войсковых частях. Например, информация о вооружении и обмундировании, имена военачальников, сведения о потерях, местах расположения, подробности позиций и т.д. Строго запрещено было передавать сведения о военных намерениях, переводе войск, о военном хозяйстве, призыве определённых возрастов. Также запрещалось сообщать что-то о настроении, питании, состоянии здоровья, т.к. корреспонденция всегда обсуждается дома, а там могут быть шпионы.

Вполне резонно в абвер-3 допускали, что письма к друзьям в армию могут попасть в руки неприятеля. Поэтому и на них распространялись вышеперечисленные запреты.

Конспирация охватывала множество объектов. Здесь тоже все регламентировалось. На квартирах, железнодорожных вагонах и другом транспорте запрещалось указывать нумерацию войсковых частей. Существовала особая осторожность в оформлении документов. Ничего такого, что может быть использовано противником, не должно попасть к нему в руки. Так, служебные записки (прежде всего приказы, карты, чертежи, ведомости) не должны были лежать на виду у всех; документы не текущего порядка нельзя брать с собой на передовую линию. В случае угрозы плена – уничтожать. Не менее тщательно охранялись и кабинеты. От их хозяев требовали проявлять осторожность в присутствии чужих людей: запирать всё, что имеет секретный характер.

В абвер-3 была разработана подробная инструкция о хранении секретных документов. Секретными документами признавались написанные и печатные бумаги, телеграммы, чертежи, карты, акты, планы и фотоснимки, знать о которых должен, в интересах обороны страны, только узко ограниченный круг лиц. Поэтому они подлежат засекречиванию. Отличительным знаком секретных документов служили литеры «VS» (Verschlusssache). По возможности они печатались красным шрифтом.

В вермахте были приняты следующие обозначения, исходя из степени важности документов:

а) «Только для служебного пользования»: гриф ставился на печатных текстах, чертежах, планах, картах, фотоснимках и других материалах. Эти материалы были доступны каждому лицу, работающему в военном учреждении, если в нём есть служебная необходимость;

б) «Секретно»: хранились и использовались только высшим и старшим командным составом;

в) «Секретное штабное дело» / совершенно секретно»: хранились и использовались только офицерами и чиновниками высших служб.

При ограничениях во времени и пространстве, также и солдатам, могли быть предоставлены документы с грифом, указанным в пунктах «б», «в». Эти солдаты привлекались к работе с секретными документами в качестве писарей, регистраторов, если они по возрасту, солидности и другим данным внушали доверие.

Самые секретные документы помечались грифом «g. Kdos». Они могли быть использованы только высшими штабами.

Контрразведка следовала правилу: чем меньше количество секретных документов, тем больше возможностей их хранения. Поэтому нужно брать с собой только самые необходимые секретные документы. По мере возможности ничего не брать с собой на передовую позицию, также никаких личных заметок, могущих быть полезными противнику. Секретные документы, которые берутся в виде исключения на передовую позицию, должны быть в случае угрозы опасности немедленно уничтожены.

В полёт, поездку или для военно-морских операций солдаты и офицеры могли брать только документы, необходимые для технических и тактических мероприятий. Доставка секретных документов только шофёром или лётчиком считалась абсолютно недопустимой.

Были разработаны правила хранения секретных документов. Их надлежало носить лично при себе или помещать в специальные футляры (желательно в железных ящиках, которые должны находиться под постоянной охраной). Складывать секретные документы в коробки из-под бумаг категорически запрещалось. Если помещения, в которых хранились секретные документы, оставлялись даже на короткий срок, то их надлежало запираить или поставить к ним охрану. Весь подсобный материал (записки, наброски, копировальная бумага) немедленно сжигался. Акт уничтожения документов фиксировался в специально заведенной для этой цели книге.

Согласно абверовской инструкции, уборка рабочих документов производилась только в присутствии ответственного лица; карты и чертежи прикрывались. Ключи не должны даже временно оказаться у посторонних лиц.

Важные документы, которые, по мнению абвер-3, следовало сохранить для написания в будущем истории войны, время от времени отправлялись в одном экземпляре начальнику военного архива в Потсдаме. В архив также направлялись личные дневники или другие важные для будущего времени бумаги; на секретной обложке записывалось имя, фамилия и год рождения.

На некоторых немецких документах проставлялся гриф «g. Kdos», что означало «секретное штабное дело». Если такой документ копировался, то на новых экземплярах указывался тот же номер. Подлинность этих документов мог удостоверить только старший и высший офицерский состав.

Выдача и передача секретных документов подлежала обязательной регистрации. Пересылались секретные документы в плотном конверте, по возможности в запечатанном виде. Для этой цели привлекались исключительно доверенные лица. Через полевую почту секретные документы посылались заказными, а совершенно секретные – ценными пакетами. При отправлении выдавались квитанции красного цвета.

Потеря секретных документов и секретно хранящегося оружия давало повод к подозрению в шпионаже, после чего проводился тщательный обыск, результаты которого немедленно сообщались вышестоящей служебной инстанции. Степень виновности устанавливалась офицером контрразведки, он же решал вопрос о прекращении дела.

Офицеры абвер-3 выполняли роль цензоров. Цензуре подлежали письма и посылки, телефонная и телеграфная связь, фототелеграммы, радиосвязь, голубиная почта, а также всякие другие средства связи. Офицеры контрразведки могли, по своему усмотрению на определенное время прекращать или ограничивать телефонную и телеграфную связь. Для конспирирования предстоящих операций все командиры могли временно выключать связь в казармах и вообще прекратить всякую связь с казармами.

Полевая цензура проверяла почту у контрразведывательных офицеров частично. Если офицеры контрразведки в районе военных операций временно устанавливали блокаду, то это распространялось также и на полевую почту.

Для борьбы против шпионов и диверсантов офицеры контрразведки могли предпринимать в районе боевых операций следующие контрмеры:

- а) ограничение и запрещение связи между отдельными лицами;
- б) устранение подозрительных лиц;
- в) запрещение въезда и выезда из прифронтовых районов;
- г) запрещение населению распространения сведений военного характера;
- д) охрана проволочных средств связи от присоединений и включений;
- е) обнаружение неофициально работающих радиостанций, конфискация частных почтовых голубятен, перехват иностранных почтовых голубей;

ж) объявление больших денежных наград населению за выдачу агентов и лиц, высадившихся из самолётов или приземлившихся парашютистов и за выдачу агитационного материала неприятеля. Установление штрафов за скрывание найденных листовок;

з) применение особых мер предосторожности в отношении перебежчиков, которые могут быть использованы лишь после тщательной проверки [16, л. 175-176].

Подводя итоги исследования, можно говорить о том, что работа абвер-3 была организована в полном соответствии с присущей немецкому народу пунктуальностью, доведенной до педантизма. И в этом плане непрофессионализм его отдельных сотрудников компенсировался хорошо организованным порядком. Противостоять этой машине было непросто. И все же это удалось советским спецслужбам, которые на полях тайной войны противопоставили противнику не меньший профессионализм и любовь к родине. И как результат – деятельность НКВД и партизан в тылу германских войск так и не была нейтрализована.

Список источников и литературы

1. Бунес, С. (2020). *Абвер и операции советской разведки в Восточном Финнмарке: охота за «партизанами»* // Заполярье. 1944-1945: война, повседневность, память. Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию освобождения Советского Заполярья, Северной Норвегии (Восточного Финнмарка) и выхода Финляндии из войны. Москва: Политическая энциклопедия. С. 134-142.

2. Веригин, С. Г. (2019). *Сотрудничество финской и немецкой разведок (1941-1944)* // Исторические чтения на ул. Андропова, 5. История органов безопасности. Материалы VII международной конференции. Научный редактор К. Ф. Белоусов. Петрозаводск: ПГУ. С. 163-172.

3. Греков, Н. В. (2019). *Перевербовка и использование агентуры противника контрразведкой Красной Армии в 1941-1945 гг.* // Вопросы истории. № 1. С. 43-67.

4. Калинина, Е. А. (2022). *Борьба с вражеским десантом на территории Казахстана в годы Великой Отечественной войны* // Сибирский архив. № 2 (12). С. 73-80.

5. Кашин, В. В. (2020). *Борьба с агентурой нацистских спецслужб на Урале* // Великий подвиг народа по защите Отечества: вехи истории. Сборник научных статей. Под общей редакцией С. А. Минюровой, Ю. И. Биктуганова, М. В. Богинского. С. 275-280.

6. Козлов, А. В. (2019). *Подготовка украинских националистов к войне Германии против СССР* // Военно-исторический журнал. № 9. С. 67-74.

7. Котляр, Н. И., Дзюбан, В. В. (2020). *Абвер и Смерш: история двух разведок* // Россия и мир: развитие цивилизаций. Уроки прошлого, угрозы будущего. Материалы X международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Часть 2. Москва: Институт мировых цивилизаций. С. 306-308.

8. Котюков, К. Л. (2019). *Привлечение представителей российской военной эмиграции к боевым операциям в составе войсковых и полицейских частей вермахта и войск сс в период великой отечественной войны на территории СССР* // Russian Colonial Studies. № 1. С. 67-99.

9. Кулинок, С. В. (2019). *Система подготовки немецкой разведывательно-диверсионной агентуры на территории Беларуси в годы Великой отечественной войны* // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Сборник материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции с международным участием. Редколлегия: Т. И. Морозова, И. С. Чернова [и др.]. С. 347-355.

10. Кулинок, С. В., Халяпина, Л. П. (2019). *Немецкие разведывательно-диверсионные школы и курсы на территории Советского Союза в 1941-1944 гг.: количественные и региональные характеристики* // Вопросы истории. № 12-3. С. 215-219.

11. Литвиненко, В. В. (2022). *Людские потери Красной Армии в Московской битве* // Военная мысль. № 2. С. 117-133.
12. Лукьянов, С. А. (2020). *Деятельность органов и подразделений НКВД СССР по контрразведывательному обеспечению партизанского движения в годы великой отечественной войны* // Актуальные вопросы противодействия фальсификациям истории Великой Отечественной войны (к 75-летию Победы). Материалы межведомственного круглого стола. Саратов: ООО «Амирит». С. 75-87.
13. Надтачаев, В. Н. (2020). *Деятельность абвернебенителле «Минск» на оккупированной территории Беларуси: историография* // Известия Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук. Т. 65. № 1. С. 52-60.
14. Оришев, А. Б., Ряполов, В. В. (2019). *Абвер-3 и тайная полевая полиция: принципы и методы работы контрразведки вермахта* // История: факты и символы. № 2 (19). С. 59-67.
15. Суржик, Д. В., Синицын, М. В. (2019). *Война спецслужб в Испании* // Электронный научно-образовательный журнал "История". Т. 10. № 2 (76). С. 11.
16. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 500. Оп. 12480. Д. 216.
17. ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12480. Д. 317.

References

1. Bunes, S. (2020). *Abver i operatsii sovetskoj razvedki v Vostochnom Finnmarke: okhoty za «partizanami»* [Abwehr and Soviet intelligence operations in Eastern Finnmark: the hunt for "partisans"] in Zapolyar'e. 1944-1945: vojna, povsednevnost', pamyat'. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii, posvyashchennoj 75-letiyu osvobozhdeniya Sovetskogo Zapolyar'ya, Severnoy Norvegii (Vostochnogo Finnmarka) i vykhoda Finlyandii iz vojny. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 134-142. (in Russian).
2. Verigin, S. G. (2019). *Sotrudnichestvo finskoj i nemetskoj razvedok (1941-1944)* [Cooperation between Finnish and German intelligence services (1941-1944)] in Istoricheskie chteniya na ul. Andropova, 5. Istoriya organov bezopasnosti. Materialy VII mezhdunarodnoj konferentsii. Nauchnyy redaktor K. F. Belousov. Petrozavodsk, PGU, 163-172. (in Russian).
3. Grekov, N. V. (2019). *Pereverbovka i ispol'zovanie agentury protivnika kontrrazvedkoj Krasnoj Armii v 1941-1945 gg.* [Rerecruitment and the use of enemy agents by counterintelligence of the Red Army in 1941-1945] in Voprosy istorii, 1, 43-67. (in Russian).
4. Kalinina, E. A. (2022). *Bor'ba s vrazheskim desantom na territorii Kazakhstana v gody Velikoy Otechestvennoy vojny* [Fighting an enemy landing on the territory of Kazakhstan during the Great Patriotic War] in Sibirskiy arkhiv, 2 (12), 73-80. (in Russian).
5. Kashin, V. V. (2020). *Bor'ba s agenturoy natsistskikh spetssluzhb na Urale* [The fight against the agents of the Nazi special services in the Urals] in Velikiy podvig naroda po zashchite Otechestva: vekhi istorii. Sbornik nauchnykh statej. Pod obshchey redaktsiej S. A. Minyurovoy, Yu. I. Biktuganova, M. V. Boginskogo, 275-280. (in Russian).
6. Kozlov, A. V. (2019) *Podgotovka ukrainskikh natsionalistov k voyne Germanii protiv SSSR* [Preparing Ukrainian nationalists for the German war against the USSR] in Voennistoricheskij zhurnal, 9, 67-74. (in Russian).
7. Kotlyar, N. I., Dzyuban, V. V. (2020). *Abver i Smersh: istoriya dvukh razvedok* [Abwehr and Smersh: the history of two intelligence agencies] in Rossiya i mir: razvitie tsivilizatsiy. Uroki proshlogo, ugrozy budushchego. Materialy X mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. V 2-kh chastyakh. Chast' 2. Moscow, Institut mirovykh tsivilizatsiy, 306-308. (in Russian).
8. Kotyukov, K. L. (2019) *Privlechenie predstaviteley rossiyskoj voennoy emigratsii k boevym operatsiyam v sostave voyskovykh i politseyskikh chastey vermakhta i voysk ss v period ve-*

likoy otechestvennoy voyny na territorii SSSR [Involvement of representatives of the Russian military emigration in combat operations as part of military and police units of the Wehrmacht and SS troops during the Great Patriotic War on the territory of the USSR] in *Russian Colonial Studies*, 1, 67-99. (in Russian).

9. Kulinok, S. V. (2019). *Sistema podgotovki nemetskoj razvedyvatel'no-diversionnoj agentury na territorii Belarusi v gody Velikoy otechestvennoy voyny* [The system of training German reconnaissance and sabotage agents on the territory of Belarus during the Great Patriotic War] in *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh. Sbornik materialov Vserossiyskoj molodezhnoy nauchnoy shkoly-konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Redkollegiya T. I. Morozova, I. S. Chernova [i dr.]*, 347-355 (in Russian).

10. Kulinok, S. V., Khalyapina, L. P. (2019). *Nemetskie razvedyvatel'no-diversionnye shkoly i kursy na territorii Sovetskogo Soyuzha v 1941-1944 gg.: kolichestvennye i regional'nye kharakteristiki* [German reconnaissance and sabotage schools and courses on the territory of the Soviet Union in 1941-1944: quantitative and regional characteristics] in *Voprosy istorii*, 12-3, 215-219. (in Russian).

11. Litvinenko, V. V. (2022). *Lyudskie poteri Krasnoy Armii v Moskovskoy bitve* [Human losses of the Red Army in the Moscow battle] in *Voennaya mysl'*, 2, 117-133. (in Russian).

12. Luk'yanov, S. A. (2020). *Deyatel'nost' organov i podrazdeleniy NKVD SSSR po kontrrazvedyvatel'nomu obespecheniyu partizanskogo dvizheniya v gody velikoy otechestvennoy voyny* [Activities of bodies and divisions of the NKVD of the USSR on counterintelligence support of the partisan movement during the Great Patriotic War] in *Aktual'nye voprosy protivodeystviya fal'sifikatsiyam istorii Velikoy Otechestvennoy voyny (k 75-letiyu Pobedy). Materialy mezhdovedomstvennogo kruglogo stola. Saratov, OOO «Amirit»*, 75-87. (in Russian).

13. Nadtachaev, V. N. (2020). *Deyatel'nost' abvernebenshtelle «Minsk» na okkupirovannoy territorii Belarusi: istoriografiya* [The activities of the abvernebenstelle "Minsk" in the occupied territory of Belarus: historiography] in *Izvestiya Natsional'noy akademii nauk Belarusi. Seriya gumanitarnykh nauk*, 65, 1, 52-60. (in Russian).

14. Orishev, A. B., Ryapolov, V. V. (2019). *Abver-3 i taynaya polevaya politsiya: printsipy i metody raboty kontrrazvedki vermakhta* [Abwehr-3 and the Secret Field Police: Principles and Methods of Wehrmacht Counterintelligence] in *Istoriya: fakty i simvolyy*, 2 (19), 59-67. (in Russian).

15. Surzhik, D. V., Sinitsyn, M. V. (2019). *Voyna spetssluzhb v Ispanii* [War of special services in Spain] in *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya"*, 10, 2 (76), 11. (in Russian).

16. Tsentral'nyy arkhiv Ministerstva oborony (TsAMO) [Central Archive of the Ministry of Defense], f. 500, op. 12480, d. 216.

17. TsAMO [CAMD], f. 500, op. 12480, d. 317.

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

Орлов А. С.
(Орёл)

УДК 94(470) "19": 821.161.1

**ТВОРЧЕСТВО Л. Н. ТОЛСТОГО В ОЦЕНКАХ
М. О. МЕНЬШИКОВА РАННЕГО ПЕРИОДА
(ФРАГМЕНТЫ ДНЕВНИКОВ)**

Впервые в статье публикуются фрагменты записной книжки и дневников известного публициста, одного из идеологов российского государственного национализма рубежа XIX - начала XX веков М. О. Меньшикова, посвященные анализу творчества писателя Л. Н. Толстого. Сохранившиеся записи содержат в себе размышления публициста над работами Л. Н. Толстого: «О пределах счастья», «Царство Божие внутри нас», а также черновик письма писателю. Публикуемые фрагменты являются ценным историческим источником, раскрывающим взаимоотношения М. О. Меньшикова в период работы в газете «Неделя» и Л. Н. Толстого. В этот период между ними завязывается переписка с откликами на работы друг друга. С 1901 года после закрытия «Недели» Меньшиков становится сотрудником газеты А. С. Суворина «Новое время». Традиционно считается, что это стало переломным моментом для взглядов Меньшикова. И относительно оценок Л. Н. Толстого и его творчества Меньшиков-нововременец действительно изменил позицию на диаметрально противоположную. Методология данного исследования основана на основополагающих принципах исторического познания: принципе историзма, объективности и системности. В процессе подготовки публикации использовались методы контент-анализа и идеографический.

Ключевые слова: М. О. Меньшиков, Л. Н. Толстой, фрагменты дневников, черновик письма, «Неделя».

The article publishes fragments of the diaries of the famous publicist, one of the ideologists of Russian state nationalism at the turn of the XIX-early XX centuries, M. O. Menshikov, devoted to the analysis of the work of L. N. Tolstoy. The surviving recordings contain reflections of the publicist on the works of Leo Tolstoy: "On the limits of happiness", "The Kingdom of God is within us", as well as a draft letter to the writer. The published fragments are a valuable historical source that reveals the relationship between M. O. Menshikov, during his work in the newspaper "Week" and L. N. Tolstoy. During this period, correspondence is established between them with responses to each other's work. Since 1901, after the closing of the "Week" Menshikov became an employee of A. S. Suvorin's newspaper "Novoye Vremya". Traditionally, it is believed that this was a turning point for Menshikov's views. And regarding the assessments of Leo Tolstoy and his work, Menshikov, the Modernist, really changed his position to the diametrically opposite. The research methodology is based on the fundamental principles of historical cognition: the principle of historicism, objectivity and consistency. In the process of preparing the publication, content analysis and ideographic methods were used.

Keywords: M. O. Menshikov, L. N. Tolstoy, fragments of diaries, draft letter, «Week»

DOI: 10.24888/2410-4205-2023-34-1-140-150

Имя некогда известного публициста Михаила Осиповича Меньшикова сейчас активно возрождается. Он интересен современным историкам в первую очередь как ведущий сотрудник крупнейшей газеты начала XX в. «Новое время» и как идейный вдохновитель умеренно-консервативной простопыпинской партии «Всероссийский национальный союз». В связи с этим из огромного наследия публициста переиздаются и изучаются его работы общественно-политической направленности [2,3,5,6,7,8,9,10,11,12,13,14,15,16,17,22,31]. Однако в качестве незаурядного писателя и литературного критика Меньшиков известен мало. Между тем, с ранней юности он мечтал стать писателем. Началом литературной деятельности Меньшикова можно по праву считать время его обучения в Кронштадтском морском техническом училище, а именно 1873 год, когда он стал редактором ученической газеты «Неделя». В период учебы в записных книжках Меньшикова постоянно встречаются первые «нескладные» стихотворения, описания происходящих вокруг событий, товарищей, начальства училища. Во время кругосветного плавания после выпуска из училища Меньшиков записывает размышления о достопримечательностях тех мест, где он бывал, – позже они публикуются в «Кронштадтском Вестнике» и «Голосе». С 1884 года, по рекомендации поэта Надсона, Меньшиков начинает «робкое» сотрудничество с народнической газетой «Неделя», где сначала публикует свои фельетоны, рассказы и очерки даже без собственной подписи. В октябре 1891 года Меньшиков впервые за весь период сотрудничества с газетой начинает подписывать свои статьи. Но это были уже не «неказистые» сочинения, а вполне глубокие и осмысленные критические произведения. И к Меньшикову начинают постепенно приходить заслуженные слава и любовь, как рядовых читателей, так и маститых писателей: А. П. Чехова, Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова. В этот период Меньшиков знакомится с Л. Н. Толстым, и между ними завязывается переписка. В дневнике публициста за 1883 год встречается показательная запись: «Если бы мне суждено было сделаться писателем, я сердечно желал бы сделаться или критиком, или сатириком. Художником слова я не хочу быть: художник – кокотка. Черт ли в том, что я напишу какую-нибудь "Войну и мир", "Анну Каренину" или [в тексте не разборчиво]? Нет, – художника прогнать – точно поболтать с женщиной, с хорошенькой бабенкой, которая позволяет себя пощупать. После художника – улыбка. Нет! Я хочу не улыбки, а или слез горячих, или негодования, или злобы. У Гончарова, у Толстого я нигде не плакал и нигде не злился, нигде не хохотал злым смехом насмешки...». По поводу этой записи сохранились два более поздних замечания самого же Меньшикова. Одно относится к 1891 году, когда он впервые увидел «свое имя под статьей» в газете «Неделя»: «любопытно прочесть это теперь, 29.10.1891, когда мне "суждено" уже...». Видимо, имелось в виду, что его писательское поприще уже решено. Перечитывая эти строки незадолго до смерти, в 1918 году, Меньшиков заметил: «Краснею, читая эти глупые строки через 35 лет. Только бездарный человек не мог подметить в искусстве великих мастеров великого поучения, правды жизни, какая она есть. Тебе хотелось плакать, злиться и т. д., потому что ты был циник, продукт очень плохой и недобрый культуры, и притом неудачник» [18].

Это упоминание о произведениях Толстого далеко не единственное.

Среди черновиков, рассказов, статей, стихов, переписки встречаются и критические опыты на произведения Л. Н. Толстого. Первые подобные заметки в дневнике датированы 1882 годом, Меньшиков пишет о своих впечатлениях о «Войне и мире» и некоторых рассказах. В 1887 году встречаются размышления «О пределах счастья» (публикуются приложением к данной статье) по поводу философских взглядов Л. Н. Толстого. Также есть черновики писем, написанных известному писателю. Меньшиков неоднократно признавался в том, что ему близки многие идеи Толстого: «Л. Толстой говорит великую, святую правду о счастье человека: для меня его мысли – мои мысли, и тем яснее понимаю я их глубину. Те же элементы счастья у него, что у меня: приближение к природе, труд, здоровье, любовь к жене и детям, любовь к людям. В его снисходительных, осторожных строках читаешь пол-

нейшее осуждение теперешней цивилизации, полнейшее к ней презрение» [19]. Меньшиков периода сотрудничества в «Неделе» воспринимался читающей публикой как последовательный толстовец, что дало позднее повод советскому литературоведу Д. И. Заславскому написать, что публицист занимался «приспособлением нравственно-религиозного учения Л. Толстого к запросам крепостнической реакции» [1].

Летом 1893 года, после прочтения статьи Толстого «Царство Божие внутри нас», Меньшиков решил написать ему письмо. Оригинал письма Толстым был утерян. В первом ответе Меньшикову он признавался: «Простите, что пишу без обращения: я затерял ваше письмо, давая его читать, и не знаю ни имени-отчества, ни адреса. Напишу в другой раз. Теперь только хотел откликнуться на ваши добрые слова» [25 с.375]. В начале следующего года Меньшиков вместе с Волкенштейном лично знакомится с Толстым, и последний так характеризует новых знакомых: «Оба внешние, хорошие, добрые, умные последователи – особенно Меньшиков» [23 с.109].

Между Меньшиковым и Толстым завязывается переписка с откликами на работы друг друга и обсуждением нравственно-философских проблем. В частности, Толстой хвалил серию очерков Меньшикова «О земле». Однако Толстой не всегда соглашался с трактовками Меньшиковым его произведений. Так, к примеру, вышло с рассказом Толстого «Хозяин и работник», на который Меньшиков отозвался статьей «Сбились с дороги» [4]. По поводу этой статьи Толстой писал Меньшикову: «Из вашего письма я увидел, что разномыслие наше гораздо больше, чем я думал. Очень сожалею об этом, но не отчаиваюсь уничтожить его» [26 с.161]. Несмотря на подобные расхождения, общение между публицистом и писателем продолжалось, и в августе 1895 года Меньшиков вновь гостил в Ясной поляне (в последующем посещает ее неоднократно). Толстой поддержал серию статей Меньшикова. В них развенчивалась легенда о некоем князе В. В. Вяземском, помещике Серпуховского уезда Московской губернии, как о великом подвижнике, который якобы раздал все свое имение крестьянам, жил отшельником на берегу реки Нары, питаясь добровольными приношениями крестьян, и умер в глубокой старости, никем незамеченный и неоцененный [26 с. 204]. Лев Николаевич писал: «Слежу за той ложью посредством легких искажений, умолчаний и намеков, которая распускается против вас по случаю вашей статьи о Вяземском, и всей душой сочувствую вам. Мое первое впечатление, когда я читал Дознание, было то, что оно справедливо, распутывает паутину лжи, но жалко, что для этого приходится говорить дурное о мертвом. Но Пушкин не прав, и одна истина дороже тьмы возвышающих нас будто бы обманов» [26 с.204]. Вообще, Толстой достаточно высоко ценил публицистический талант Меньшикова, полагая, что он еще будет развиваться. В письме по поводу покушения на Меньшикова¹ он писал ему: «По той опасности, в которой вы были, я вижу, как вы мне, так же, как и очень многим, дороги. Впрочем, мне трудно представить себе, чтобы вы умерли скоро. Мне представляется, что вам предстоит еще впереди сделать очень много хорошего сверх того, которое вы уже сделали» [24 с.75]. В другой раз, узнав о болезни Меньшикова, Толстой пишет ему: «Я вас люблю и общаюсь с вами душою, читал ваши прекрасные, совсем не похожие на то, что и как пишется теперь, особенные статьи и радуюсь» [27 с.160].

Меньшиков в свою очередь поддерживал усилия Толстого по оказанию помощи духоборам. Он даже хотел, по словам князя И. П. Накашидзе, написать проект помощи духоборам и представить его царю. Также Меньшиков помогает Толстому с публикацией его статей в других повременных изданиях. Об этом, в частности, свидетельствует письмо Тол-

---

¹ 20 марта 1895 года в редакцию газеты «Неделя» явился бывший земский начальник Камышинского уезда Саратовской губернии Н. И. Жердев и заявил, что считает себя оскорбленным помещенной в № 10 «Недели» корреспонденцией под заглавием «Красноярский бунт». Мужчина вызвал заведовавшего редакцией Меньшикова на дуэль. Меньшиков отказался от дуэли и предложил ему написать опровержение. Тогда тот выстрелил в него в упор из револьвера и ранил руку.

стого от 25 мая 1898 года: «Дорогой Михаил Осипович. Я написал статью о том, каким я, распределяя порученные мне пожертвования, нашел положение народа. Вероятно, встретятся цензурные затруднения. Если вы в Петербурге, возьмите на себя труд поместить ее – выпустить, что найдете нужным. Вообще, позвольте вам вполне поручить это дело. Известите поскорее, могу ли рассчитывать на вас» [28 с.240]. После смерти издателя и редактора «Недели» Гайдебурова наследники последнего фактически поручили Меньшикову заведывание газетой. В этой связи Меньшиков обращается к Толстому с просьбой о поддержке и сотрудничестве в газете: «Не скрою, дорогой Лев Николаевич, что мне очень хочется вашей поддержки. Нуждаюсь в ней, но просить не смею. Хотелось бы, чтобы ваше невидимое присутствие чувствовалось заметнее, чем теперь. «Неделя» должна остаться общелитературным журналом, на все отзывчивым, но со зрением и слухом христианина. Но я недостаточно тверд в христианстве, чтобы добиться этого. Вы и близкие вам по духу могли бы восполнить эту слабость... Так как очень хочется иметь что-нибудь ваше, и ничего нет, то я придумал, не разрешите ли вы напечатать довольно большие два письма ваши о разуме, писанные мне в 1897 г.? Посылаю тщательно сверенную копию этих писем для просмотра. И не разрешите ли вы «Неделе» печатать те ваши письма и заметки, которые часто цензурны и только напрасно погибают в заграничных изданиях без читателей? Многие из этих мелочей драгоценны. (Гонорар, который вы не берете, издатели могли бы обращать на сочувственные вам добрые цели.) Конечно, «Неделя» была бы страшно рада помещать все, что вы напишите, т. е. и беллетристическое, но это – мечта. Не заподозривайте меня в корыстных целях (я не издатель, и не о материальной выгоде хлопочу). Мне просто хотелось бы быть к вам поближе» [29 с.484].

В 1901 г. в результате закрытия «Недели» Меньшиков становится сотрудником газеты А. С. Суворина «Новое время». Традиционно считается, что такой шаг стал переломным для взглядов Меньшикова. Не останавливаясь отдельно на этом вопросе, заметим, что применительно к оценкам Л. Н. Толстого и его учения Меньшиков-нововременец действительно изменил позицию на диаметрально противоположную. Сколь горячо он хвалил Толстого в «Неделе», столь же яростно он стал его критиковать на страницах «Нового времени». Всего творчеству Толстого Меньшиков посвятил более 50 статей. Показательно, что даже в статье, посвященной 80-летнему юбилею великого писателя, публицист выступил с критикой своего бывшего кумира. Основным пунктом расхождения явился национальный вопрос. Как отмечает исследователь С. М. Санькова, «по Толстому, одной из главных причин народных бедствий являлось "соединение многих народов, называемое Россией", и "в этом соединении великий грех". Националист Меньшиков подобные рассуждения считал наименее вреднейшими для государства, которое должно остаться единым и неделимым» [13, с. 36]. В то же время Меньшиков отрицательно относился к восхвалениям Толстым величия русского народа. Он полагал, что за подобными восхвалениями очень удобно укрываться лени и праздности, бездеятельности части народа. Именно этой части Толстой, по мнению Меньшикова, подавал дурной пример своими «исканиями». Не принимал Меньшиков и критики официальной русской православной веры. Сам неоднократно допуская критические замечания в адрес отдельных служителей церкви, Меньшиков никогда публично не позволял себе выступать с критикой самой религии в печати (хотя в дневниках Меньшикова встречается множество указаний на то, что он, подобно Толстому, имел свое субъективное понимание христианства, весьма далекое от ортодоксального).

Казалось бы, взгляды Толстого и Меньшикова на основные проблемы человека и общества разошлись диаметрально. Однако изучение дневников Меньшикова и его личной жизни периода сотрудничества в «Новом времени» показывает, что ряд идей Толстого, относящихся к вопросам любви и семейных отношений, Меньшиков исповедовал по-прежнему. Общение Меньшикова и Толстого прервалось не сразу. Последний раз лично виделись в Ясной Поляне 11 августа 1906 года, но после этого Толстой еще несколько раз пи-

сал публицисту. Последнее сохранившееся письмо написано по поводу статьи Меньшикова «Толстой и власть». В этом письме, которое по просьбе самого Толстого было скрыто секретарем Н. Н. Гусевым от семьи и друзей писателя, Толстой писал, что испытывает к Меньшикову «то чувство, которое лежит в душе каждого человека и только потому, что оно лежит в душе каждого человека, как высшая истина, открыто, предписано учением Христа, – чувство это – любви без возможности всяких исключений, любви к ненавидящим, обижающим, гонящим, есть то же самое, как и то, которое вызвало во мне не только доброжелательство, но и любовь к вам. Не знаю, почему: по-прежнему ли нашему общению или по особенностям вашей личности, по отношению к вам мне не нужно было даже вызывать это чувство в себе: оно само собой естественно возникло и побуждает меня сообщить вам о нем и просить вас постараться вызвать в себе тоже чувство» [30 с.207].

Мы хотим познакомить читателей с рядом заметок Меньшикова о Толстом из дневников разных лет, отложившихся в отделе хранения документов личных собраний Москвы. Март 1887 года.

О пределах счастья

(по поводу учения Л. Н. Толстого)

I

Государства падали от избытка богатства и от избытка слов...

Арабская пословица

Как бы ни была могуча жизненная сила зерна, но сама по себе она не дает хлеба. Необходимо участие почвы – ее ответных, животворных сил. Как бы ни было правдиво великое слово мыслителя, оно требует живого сочувствия к себе общества, сочувствия питающего, если можно так выразиться: сочувствия в виде самостоятельной разработки обществом той области идей, к которой принадлежит брошенное в общество слово. Общество должно принять в свои недра этот «зачаток жизни», должно сберечь его теплотой сочувствия, дать ему возможность развиться и окрепнуть, пустить ростки... Иначе упадет зерно на голый камень и птицы небесные поклюют его... В истории литературы запада и нашей подобным образом расклевано множество благородных истин, прежде чем они успели окрепнуть и пустить корни. В небольшой период последнего десятилетия русское общество имело нескольких замечательных мыслителей, в немногих трудах которых сквозь рабские формы изложения чуется дивная глубина разума, яркая оригинальность и зачатки истинно-благотворных мировоззрений. Но эти писатели имели в обществе лишь формальный успех, минутный, успех моды. Немногие поклонники великого человека понимали его – и красоту свежей мысли, и горечь чувства невозможности взрастить ее в обществе, – понимали не то, что сказано учителями, а то, что он сказал бы, что он непременно должен бы был сказать...

Не семени, а почвы не достает для развития в обществе прочных, долговечных учений.

Последней из доктрин, волнующих общество, является учение Л. Н. Толстого. Никогда еще так глубоко не затрагивались самые корни земной юдоли, основные, элементарные, стихийные начала жизни, входящие во все мелочи существования и регулирующие все. Если нас не обманывает – в прочем, вполне законное увлечение величайшей русской славою нашего времени – Л. Н. Толстым нащупан и приподнят затоптанный в грязи великий принцип, сто раз попадавший под ноги каждого из человеческого стада, сто раз увлекаемый из грязи и вновь теряемый: не под силу даже богатырю поднять тягу земную! Великое тяжело, и несть его на своих плечах может не отдельный человек, а только народ.

Это был бы удел, достойный великого народа, – взять на свои плечи приподнятую Толстым ношу, и, может быть, она-то, ноша, и есть то заветное «Слово», спасающее людей, о котором грезил славянофилы...

Я хочу сказать всем этим, что в обществе много говорят о Толстом, но он заслуживает большего, он заслуживает, чтобы над ним много думали, чтобы работали над ним и его неясными, иногда спутанными, разбросанными идеями в часе трудового отдыха, в тишине ночей, чтобы брали не только то, что есть в нем, а и то, что в собственном вашем сердце и мозге рождает он. Не с критикой недоумения и опасливой враждебностью следует отнестись к учителю, а с горячим желанием научиться, потрудиться: поучиться не у Толстого, а с Толстым... Тогда его слово будет действовать на вас не как буква, а как дух, – все, что есть живого в слове, – прибавится вам, все, что мертво в нем, – вы откинете, и зерно истины взойдет, окрепнет, расцветет...

II

Не о Толстом, а лишь по поводу одного существенного в его учении вопроса мы хотим сказать несколько слов. В одном журнале («Неделя», № 33) один из собеседников Л. Н. Толстого сообщает, что понимать графа бывает иногда очень трудно: он выражается как-то догматически, готовыми итогами долгой внутренней работы, логический ход которой для слушающих обыкновенно бывает скрыт. Несомненно – это недостаток учения, хотя он до известной степени объясним и извинителен. Вопрос о счастье (в чем счастье?), как и все учения, носит на себе печать этой неполноты, и да будет простительна наша смелость – попробовать не отнять от Толстого нечто, как делают его противники, а прибавить нечто его учению: прибавить объясняющих данных на его основные положения.

Говоря об эфемерных целях буржуазного благополучия, о растлевающей обстановке быта городов, о необходимости вернуться к простым и основным условиям жизни в природе, а не вне ее – граф Л. Н. Толстой приводит множество иллюстраций того, к чему ведет тот и другой образ существования.

Он доказывает неизбежность истощения и вырождения как душевных, так и физических способностей человека, общее омертвление его вдали от источника жизни – природы и ее повелительного закона – хозяйского труда. (Этим, может быть, недостаточным словом я хотел отличить труд рабский от свободного. Труд нашей культуры – по преимуществу рабской и потому не дает возможного счастья. Труд благотворен тогда лишь, когда он свободен – а свобода труда достижима лишь в обществе земледельцев – трудового склада). Толстой, как мне кажется, философски не обосновывает своего учения [20].

7.07.1893 г.

Вчера был Хирьяков, привез новое сочинение Толстого «Царство Божие внутри вас». Читаю с меньшим, несравненно меньшим интересом, нежели ожидал. Согласен во всем, что касается церковности, духовенства и пр., но основную суть: что такое Бог, – не понимаю, хоть убей, как и различия между идеалами и заповедями (т. е. закона нравственного движения). Бог будто бы любовь, вечное начало, присущее всему миру, но в человека, облаченное в животную оболочку. Не понимаю. Уже пора бы перестать говорить о животной оболочке. Если любовь только состояние человека, а не реальная сущность, то она не Бог, а лишь состояние, вроде полового, вроде гнева, злобы и т. д., почему я должен любить любовь? «Отец», «Любовь» – все это странно. Существует ли что-нибудь? Да, не впадая в будущее, это нужно признать. Мир существует. Надо признать, что он разнообразен, так как иначе не было бы и сознания, – что он чувствует (по той же причине); но и только. Утверждать, что он вечен, нет основания, а тем более, что он бесконечен. Бесконечны формы познания времени и пространства, но они могут существовать и без мира, как ничто. В бесконечном пространстве может быть абсолютная полнота или относительная, и вернее второй случай. Мир может рассеяться в пустом и случайно снова собраться как бы из ничего. Вечное начало – атом, движущийся, бессознательный. Комбинация атомов, делаясь все сложнее и сложнее, становится как бы сознательнее и сознательнее. Момент сознания – переход комбинации атомов в другую. Идея о Боге, о любви, истине, красоте и т. д. исключительно че-

ловеческая, возможны идеи собачья, человечья, дерева, минерала в момент изменения их системы, возможна мировая мысль в момент механического изменения мира, но не имеющая ничего общего с человеческой и другого порядка. Едва ли существует мировая воля – она продукт бесконечно малых случайных стремлений. Ничто не вечно, кроме самого ничто. Человек живет в условном, искусственном мирке и в природе выше 10 сажень от земной поверхности никому нет дела до судьбы людей.

[черновик письма Толстому]

Глубокоуважаемый Лев Николаевич. Чувствую неодолимую потребность, переступая все приличия, выразить Вам мою искреннюю благодарность за написание «Царствия Божия», на днях прочитанного мною благодаря любезному А. М. Хирьякову. Не могу отделаться от душевной тревоги и раздумья, навеванных этою мужественною прекрасною книгой. Вся она, а в особенности ее выводы и заключения, производит захватывающее впечатление, будит стыд и совесть и желание быть лучшим. Трудно и выразить, до чего своевременной является Ваша проповедь, до чего она нужна людям, изнемогающим в собственной лжи. Почти все то, что вы пишете, я признаю, как бы за свое родное, мерцающее бледно и мимолетно и в моей душе; все это общечеловеческое, первозданное, и тем-то и велик Ваш подвиг, что прямо берете основную правду, центральную, вечную, вне которой не может быть никаких иных побочных правд. Нет сомнений, что эта книга вызовет против Вас же новые взрывы ненависти, но она же вызовет и искренние слезы раскаяния, сердечного возмущения чувств и глубокой признательности к единственному человеку, самоотверженно ставшему на защиту общечеловеческой, божеской правды. Ваш великий душевный подъем не пропадет в мире и сделает свое благое дело, он уже делает его. Да хранит Вас Бог на долгие годы.

М. Меньшиков 20.07.1893

Такое письмо я, к собственному великому удивлению, отважился написать Толстому, побуждаемый к тому чувством искренним, желанием, что называется, пожать руку честному человеку и сказать спасибо от души. Книга Толстого с большими внешними недостатками, в ней есть длинноты и даже наивности, но то, что в ней хорошо, то превосходно и своим сиянием покрывает остальное [21].

Список источников и литературы

1. Заславский, Д. И. (1934) // Литературная энциклопедия: В 11 т. Т. 7. Москва, С. 190.
2. Иванов, А. А. (2019) *Православный консерватизм архиепископа Никона (Рождественского) против "язычествующего" национализма М. О. Меньшикова* // Христианское чтение. № 4. С. 193-206.
3. Иванов, А. А. (2021) *Православное духовенство и правые политические движения в России начала XX века (по материалам церковной прессы)* // Научный диалог. № 1. С. 286-305.
4. *Книжки «Недели»*. (1895). № 5. С. 172-207.
5. Крижановский, Н. И. (2019) *Публицистика М. О. Меньшикова (1859-1918): проблемно-тематический спектр, эволюция миропонимания, критико-философские диалоги с современниками: К 100-летию трагической гибели публициста*. Армавир: ИП Ершова О. А, 164 с.
6. Крижановский, Н. И. (2020) *Основные тенденции современного изучения творческого наследия русского публициста М. О. Меньшикова / Н. И. Крижановский* // VI Селезневские чтения. Актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории : материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 23 ноября 2019 года. Краснодар: Кубанский государственный университет. С. 61-71.

7. Крижановский, Н. И. (2021) *Влияние детства М. О. Меньшикова на формирование его публицистических интересов* // Genesis: исторические исследования. № 9. С. 133-150.
8. Начапкин, М. Н. (2020) *"Письма к близким" консервативного публициста М. О. Меньшикова как источник по истории российской повседневности начала XX века* // Научный диалог. № 5. С. 450-464.
9. Орлов, А. С. (2012) *От национализма к социализму: несостоявшееся перерождение М. О. Меньшикова* // Историческая и социально-образовательная мысль. № 5. С. 37-40.
10. Орлов, А. С. (2012) *Государственно-конфессиональные аспекты во взглядах М. О. Меньшикова на будущее России после февраля 1917 г* // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. № 4(19). С. 56-62.
11. Орлов, А. С. (2012) *Черно-белый портрет М. О. Меньшикова* // Клио. № 11(71). С. 110-113.
12. Орлов, А. С. (2012) *"Христианство не удалось". "Путь спасения". Фрагменты дневников М. О. Меньшикова* // Вестник архивиста. № 3. С. 289-298.
13. Орлов, А. С. (2013) *"Нравственный опыт человечества в области брака" в осмыслении М. О. Меньшикова* // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. № 1(51). С. 116-120.
14. Орлов, А. С. (2014) *Особенности социально-философских взглядов М. О. Меньшикова* // Общество. Гендер. История : сборник статей и тезисов докладов VI международной научной конференции, Липецк, 31 декабря 2014 года / Центр по проблемам гендера и прав человека НИИ Липецкого государственного технического университета; Липецкое региональное отделение Российского общества интеллектуальной истории. Липецк: Общество с ограниченной ответственностью "Гравис". С. 86-88.
15. Орлов, А. С. (2015) *Интеллектуальная биография, социально-философские взгляды и публицистическая деятельность М. О. Меньшикова до начала работы в "Новом времени"*: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02. Воронеж.
16. Орлов, А. С. (2019) *Экономические взгляды М. О. Меньшикова раннего периода* // Ученые записки Орловского государственного университета. № 4(85). С. 44-46.
17. Орлов, А. С. (2020) *М. О. Меньшиков в поисках идеального государства: последним взгляд* // Ученые записки Орловского государственного университета. № 1(86). С. 60-62.
18. Отдел хранения документов личных собраний Москвы (ОХДЛСМ). Ф. 202. Оп. 1. Д. 16. Л. 15 об
19. ОХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 16. Л. 113 об.
20. ОХДЛСМ, Ф.202, ОП.1, Д.20. Л. 23-24.
21. ОХДЛСМ, Ф.202, ОП.1, Д.23, Л. 59об - 60, 61об - 62
22. Подчасов, С. А. (2020) *Эволюция политических взглядов М. О. Меньшикова в 1917-1918 гг. (по материалам источников личного происхождения)* // Россия и мир в прошлом и настоящем. Материалы II Межвузовской научной конференции студентов и школьников, Москва, 10 апреля 2020 г. Москва: ООО "Издательство "Спутник+". С. 131-136.
23. *Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого* (1952). Государственное издательство художественной литературы. Т. 52. С. 109.
24. *Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого* (1952). Государственное издательство художественной литературы. Т. 61. С. 75.
25. *Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого* (1952). Государственное издательство художественной литературы. Т. 66. С. 375.
26. *Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого* (1952). Государственное издательство художественной литературы. Т. 68. С. 161.

27. *Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого* (1952). Государственное издательство художественной литературы. Т. 70. С. 160.
28. *Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого* (1952). Государственное издательство художественной литературы. Т. 71. С. 240.
29. *Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого* (1952). Государственное издательство художественной литературы. Т. 72. С. 484.
30. *Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого* (1952). Государственное издательство художественной литературы. Т. 78. С. 207.
31. Санькова, С. М. (2019) *В. В. Розанов и М. О. Меньшиков: опыт сравнительного жизнеописания* // Тетради по консерватизму. № 4. С. 171-185.

References

- Zaslavskiy, D. I. (1934) // *Literaturnaya entsiklopediya*, v 11 t., t. 7. Moscow. (in Russian).
- Ivanov, A. A. (2019) *Pravoslavnyy konservatizm arkhiepiskopa Nikona (Rozhdestvenskogo) protiv "yazychestvuyushchego" natsionalizma M. O. Men'shikova* [Orthodox conservatism of Archbishop Nikon (Rozhdestvensky) against the "pagan" nationalism of M. O. Menshikov] in *Khristianskoye chteniye*, 4, 193-206. (in Russian).
- Ivanov, A. A. (2021) *Pravoslavnoye dukhovenstvo i pravyye politicheskiye dvizheniya v Rossii nachala KHKH veka (po materialam tserkovnoy pressy)* [Orthodox clergy and right-wing political movement in Russia of the early twentieth century (on materials of the Church press)] in *Nauchnyy dialog*, 1, 286-305. (in Russian).
- Knizhki «Nedeli»*. (1895). [Books "Of The Week"]. 5, 172-207. (in Russian).
- Krizhanovskiy, N. I. (2019) *Publitsistika M. O. Men'shikova (1859-1918): problemno-tematicheskiy spektr, evolyutsiya miroponimaniya, kritiko-filosofskiy dialogi s sovremennikami : K 100-letiyu tragicheskoy gibeli publitsista* [Journalism of M. O. Menshikov (1859-1918): the problem-thematic spectrum, the evolution of the worldview, critical and philosophical dialogues with contemporaries: To the 100th anniversary of the tragic death of the publicist] in Armavir, IP Yershova O. A. (in Russian).
- Krizhanovskiy, N. I. (2020) *Osnovnyye tendentsii sovremennogo izucheniya tvorcheskogo naslediya russkogo publitsista M. O. Men'shikova* [The main trends of modern study of the creative heritage of the Russian publicist M. O. Menshikov] in VI Seleznevskiy chteniye. Aktual'nyye problemy zhurnalistiki, kritiki, literaturovedeniya, istorii, materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Krasnodar, 23 noyabrya 2019 g. Krasnodar, Kubanskiy gosudarstvennyy universitet, 61-71. (in Russian).
- Krizhanovskiy, N. I. (2021) *Vliyaniye detstva M. O. Men'shikova na formirovaniye yego publitsisticheskikh interesov* [The influence of M. O. Menshikov's childhood on the formation of his journalistic interests] in *Genesis: istoricheskiye issledovaniya*, 9, 133-150. (in Russian).
- Nachapkin, M. N. (2020) *"Pis'ma k blizhnim" konservativnogo publitsista M. O. Men'shikova kak istochnik po istorii rossiyskoy povsednevnosti nachala XX veka* ["Letters to neighbors" conservative journalist M. O. Menshikov as a source on the history of Russian everyday life of the early XX century] in *Nauchnyy dialog*, 5, 450-464. (in Russian).
- Orlov, A. S. (2012) *Ot natsionalizma k sotsializmu: nesostoyavsheyesya pererozhdeniye M.O. Men'shikova* [From nationalism to socialism: the failed rebirth of M.O. Menshikov] in *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, 5, 37-40. (in Russian).
- Orlov, A. S. (2012) *Gosudarstvenno-konfessional'nyye aspekty vo vzglyadakh M.O. Men'shikova na budushchnost' Rossii posle fevralya 1917 g* [State-confessional aspects in M.O. Menshikov's views on the future of Russia after February 1917] in *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 4(19), 56-62. (in Russian).

11. Orlov, A. S. (2012) *Cherno-belyy portret M. O. Men'shikova* [Black-and-white portrait of M. O. Menshikov] in *Klio*, 11(71), 110-113. (in Russian).
12. Orlov, A. S. (2012) *"Khristianstvo ne udalos'". "put' spaseniya". fragmenty dnevnikov M. O. Men'shikova* ["Christianity failed." "the way of salvation." fragments of the diaries of M. O. Menshikov] in *Vestnik arkhivista*, 3, 289-298. (in Russian).
13. Orlov, A. S. (2013) *"Nravstvennyy opyt chelovechestva v oblasti braka" v osmyslenii M. O. Men'shikova* ["The moral experience of mankind in the field of marriage" in the understanding of M. O. Menshikov] in *Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki*, 1(51), 116-120. (in Russian).
14. Orlov, A. S. (2014) *Osobennosti sotsial'no-filosofskikh vzglyadov M. O. Men'shikova* [Features of the socio-philosophical views of M. O. Menshikov] in *Obshchestvo. Gender. Istoriya, sbornik statey i tezisov dokladov VI mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*, Lipetsk, 31 dekabrya 2014 goda (Tsentr po problemam gendera i prav cheloveka) NII Lipetskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta; Lipetskoye regional'noye otdeleniye Rossiyskogo obshchestva intellektual'noy istorii. Lipetsk, Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu "Gravis", 86-88. (in Russian).
15. Orlov, A. S. (2015) *Intellektual'naya biografiya, sotsial'no-filosofskie vzglyady i publitsisticheskaya deyatelnost' M. O. Men'shikova do nachala raboty v "Novom vremeni"* [Intellectual biography, socio-philosophical views and journalistic activity of M. O. Menshikov before starting work in *Novoye Vremya*] (doctoral dissertation abstract). Voronezh. (in Russian).
16. Orlov, A. S. (2019) *Ekonomicheskiye vzglyady M. O. Men'shikova rannego perioda* [Economic views of M. O. Menshikov of the early period] in *Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4(85), 44-46. (in Russian).
17. Orlov, A. S. (2020). *M. O. Men'shikov v poiskakh ideal'nogo gosudarstva: poslednim vzglyad* [Menshikov in search of an ideal state: the last view] in *Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1(86), 60-62. (in Russian).
18. Otdel khraneniya dokumentov lichnykh sobraniy Moskvyy (OKHDLSM), f. 202, op. 1, d. 16, l. 15 ob.
19. OKHDLSM, f. 202, op. 1, d. 16, l. 113 ob.
20. OKHDLSM, f. 202, op. 1, d. 20, l. 23-24.
21. OKHDLSM, f. 202, op. 1, d. 23, l. 59ob - 60, 61ob - 62.
22. Podchasov, S. A. (2020) *Evolutsiya politicheskikh vzglyadov M. O. Men'shikova v 1917-1918 gg. (po materialam istochnikov lichnogo proiskhozhdeniya)* [The evolution of M.O. Menshikov's political views in 1917-1918 (based on sources of personal origin)] in *Rossiya i mir v proshlom i nastoyashchem. Materialy II Mezhvuzovskoy nauchnoy konferentsii studentov i shkol'nikov*, Moscow, 10 aprelya 2020 g. Moscow, OOO "Izdatel'stvo "Sputnik+", 131-136 (in Russian).
23. *Polnoye sobraniy sochineniy L. N. Tolstogo* (1952). [The complete works of L. N. Tolstoy]. Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 52. (in Russian).
24. *Polnoye sobraniy sochineniy L. N. Tolstogo* (1952). [The complete works of L. N. Tolstoy]. Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 61. (in Russian).
25. *Polnoye sobraniy sochineniy L. N. Tolstogo* (1952). [The complete works of L. N. Tolstoy]. Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 66. (in Russian).
26. *Polnoye sobraniy sochineniy L. N. Tolstogo* (1952). [The complete works of L. N. Tolstoy]. Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 68. (in Russian).
27. *Polnoye sobraniy sochineniy L. N. Tolstogo* (1952). [The complete works of L. N. Tolstoy]. Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 70. (in Russian).
28. *Polnoye sobraniy sochineniy L. N. Tolstogo* (1952). [The complete works of L. N. Tolstoy]. Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 71. (in Russian).

29. Polnoye sobraniy sochineniy L. N. Tolstogo (1952). [The complete works of L. N. Tolstoy]. Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 72. (in Russian).
30. Polnoye sobraniy sochineniy L. N. Tolstogo (1952). [The complete works of L. N. Tolstoy]. Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 78. (in Russian).
31. San'kova, S. M. (2019) *V. V. Rozanov i M. O. Men'shikov: opyt sravnitel'nogo zhizneopisaniya* [Rozanov and M. O. Menshikov: the experience of comparative biograph] in *Tetrady po konservatizmu*, 4, 171-185 (in Russian).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Кулачков В. В.
(Брянск)

УДК 394

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ СОВЕТСКОГО ТРАДИЦИОНАЛИЗМА. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ГРАНИЦЫ СОВЕТСКОГО ТРАДИЦИОНАЛИЗМА (ИЗ ОПЫТА РУССКОГО НАРОДА В XX ВЕКЕ). ЭТНОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ / О. В. КИРИЧЕНКО, Т. А. ЛИСТОВА, С. С. КРЮКОВА, Т. А. ВОРОНИНА, Н. В. ШЛЯХТИНА; Отв. ред. и сост. О. В. КИРИЧЕНКО. СПб.: Алетейя, 2021. 688 с.: ил.

Рецензия посвящена рассмотрению содержания коллективной монографии, написанной сотрудниками отдела русского народа Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. В данной работе рассмотрены различные аспекты советского традиционализма, к которым относятся: «Феномен советского традиционализма»: верующие коммунисты в советское время; влияние советского строя на иерархов и духовенство в 1960-е – 1980-е годы; Евразийство как идея и идеология», «Особенности религиозной жизни русских в советское и постсоветское время»: категории православной антропологии и мистического мира христианства в мировоззрении и поведении русских XIX-XXI вв.; факторы сохранения и функционирования православной культуры в обрядово-праздничной жизни; приходское священство: традиционные практики и поиски новых путей служения (XX-XXI вв.)», «Обычное право русской деревни в XX - начале XXI в.», «Советский общепит и народная традиция»: перемены в пище русского народа в свете новых политических и экономических установок; питание русского народа в период Великой Отечественной войны; питание русского народа в период восстановления народного хозяйства», «Отдельные группы в советском обществе»: старики, вдовы, нищие». Не подлежит сомнению, что содержание рецензируемой коллективной монографии сыграет важную роль в изучении русских традиций в XX веке.

Ключевые слова: традиционализм, русский народ, этнология, крестьянство, обычное право.

The review is devoted to the content of the collective monograph written by the staff of the Department of the Russian People of the Institute of Ethnology and Anthropology named after N. N. Miklukho-Maklay of the Russian Academy of Sciences. This paper examines various aspects of Soviet traditionalism, which include: "The phenomenon of Soviet traditionalism": believing communists in Soviet times; the influence of the Soviet system on hierarchs and clergy in the 1960s - 1980s; Eurasianism as an idea and ideology", "Peculiarities of the Religious life of Russians in Soviet and post-Soviet times": categories of Orthodox anthropology and the mystical world of Christianity in the worldview and behavior of Russians of the XIX-XXI centuries; factors of preservation and functioning of Orthodox culture in ceremonial and festive life; parish priesthood: traditional practices and the search for new ways of service (XX-XXI centuries)", "The customary law of the Russian village in the XX-the beginning of the XXI century.", "Soviet catering and folk tradition": changes in the food of the Russian people in the light of new political and economic attitudes; Russian Russian people's nutrition during the Great Patriotic War; nutrition of the Russian people during the restoration of the national economy", "Individual groups in Soviet society": old people, widows, beggars." There is no doubt that the content of the peer-reviewed collective monograph will play an important role in the study of Russian traditions in the XX century.

Keywords: traditionalism, Russian people, ethnology, peasantry, customary law.

Рецензируемая коллективная монография была написана исследователями, которые принадлежат к отделу русского народа Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН - давно известному в научном академическом мире учреждению. Ответственным редактором и составителем данной работы стал Олег Викторович Кириченко, плодотворно и успешно занимающийся изучением этнографии русского народа. Итогом его многолетней работы стала публикация содержательной и объемной монографии в 2020 г. [2]. Одновременно с ним авторами рецензируемой коллективной монографии стали Т. А. Листова, С. С. Крюкова, Т. А. Воронина, Н. В. Шляхтина, чьи научные заслуги также не подвергаются сомнению.

К сожалению, один из авторов книги, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела русского народа Татьяна Андреевна Воронина не дожидая ее публикации, т.к. умерла 12 августа 2020 г. В книге указывается, что она «...несмотря на тяжкий недуг, до последних дней своей жизни работала по запланированным научным проектам. Она была замечательным ученым, ответственным, компетентным, неутомимым человеком в труде, организационной деятельности, щедрой на общение и на доброту» [1, с. 12].

В данной работе рассмотрены различные аспекты советского традиционализма, что выражается в названиях ее частей. Структура коллективной монографии состоит из введения, пяти взаимосвязанных между собой частей, заключения и списка сокращений. Во введении книги обоснована актуальность исследования, которая выражается в том, что «советский традиционализм все больше и больше привлекает внимание этнологов и историков» [1, с. 6].

В принципе, названия пяти частей книги говорят сами за себя: «Феномен советского традиционализма»: верующие коммунисты в советское время; влияние советского строя на иерархов и духовенство в 1960-е – 1980-е годы; Евразийство как идея и идеология (О. В. Кириченко); «Особенности религиозной жизни русских в советское и постсоветское время»: категории православной антропологии и мистического мира христианства в мировоззрении и поведении русских XIX-XXI вв.; факторы сохранения и функционирования православной культуры в обрядово-праздничной жизни; приходское священство: традиционные практики и поиски новых путей служения (XX-XXI вв.) (Т. А. Листова); «Обычное право русской деревни в XX - начале XXI в.» (С. С. Крюкова); «Советский общепит и народная традиция»: перемены в пище русского народа в свете новых политических и экономических установок; питание русского народа в период Великой Отечественной войны; питание русского народа в период восстановления народного хозяйства (Т. А. Воронина); «Отдельные группы в советском обществе»: старики, вдовы, нищие (Н. В. Шляхтина).

Рассматривая более подробно содержание рецензируемой монографии, можно согласиться с мнением авторов, что «советский традиционализм — это практика советского государства по созданию границ лояльности для традиционности» [1, с. 15]. Действительно, планы у советской власти были долговременными, и для укрепления государственности просто необходимо было использовать традиции как основу для дальнейшего развития вперед. Однако даже борьба с религией, которая проводилась практически весь период существования советской власти, не привела к желаемым результатам. Авторы верно отмечают, что «антирелигиозная кампания, имеющая целью исключение религиозного компонента из социализации подрастающего поколения, несмотря на явные успехи, не достигла и не могла достигнуть окончательной цели» [1, с. 216]. При этом «советская власть использовала самые разные средства для уничтожения традиции: репрессии, гонения на веру, аборт, сословную сегрегацию, — и весь этот натиск в том или ином виде не ослабевал вплоть до 1991 г.» [1, с. 682].

Аналогичный вывод можно сделать и по отношению к сфере обычного двора, которое было основным регулятором отношений в дореволюционной деревне. Официальное со-

ветское законодательство в 1920-е гг. не смогло стать фундаментальной основой для регулирования внутريدеревенских отношений. Один из авторов рецензируемой монографии, известный исследователь обычного права С. С. Крюкова верно считает, что «для крестьян традиционный уклад в решении повседневных деревенских нужд в условиях революционных потрясений и становления нового права оставался залогом хоть какой-то стабильности, своего рода платформой для адаптации к изменившимся условиям жизни. Советское официальное право, несмотря на всю противоречивость законодательных норм этого периода, также продолжало ориентироваться на обычай как один из источников социального, экономического и политического регулирования в деревне, инструментализировало его» [1, с. 369]. Даже в русской постсоветской деревне, по обоснованному мнению С. С. Крюковой, «...соблюдение взаимных обязательств подкрепляется не буквой закона, а прежде всего комбинацией межличностных и коллективных механизмов регулирования отношений. Собственно юридические способы обеспечения исполнения подобных соглашений используются редко и лишь в ситуации крайне острого конфликта» [1, с. 404].

Рассмотрение содержания четвертой и пятой частей «Советский общепит и народная традиция» и «Отдельные группы в советском обществе» также позволяют говорить о сохранении традиционных элементов в изучаемых сферах жизни советского общества. Думается, что авторы смогли решить свою главную задачу, которая заключалась в «...описании пограничья невооруженного противостояния «традиции» и «революции», чтобы зафиксировать важный момент невозможности единовременного, силового уничтожения традиции революцией» [1, с.681].

В презентации рецензируемой монографии О. В. Кириченко обоснованно отмечает, что «границы традиционализма» оказывались как границами силы, так и границами слабости. Смотри с какой стороны смотреть на процесс воздействия на традицию. Допустим, церковное диссидентство, как и «верующие коммунисты» – проявление слабости со стороны Церкви и со стороны власти. То есть границы были весьма разного качества, разного содержания, но они были нужны и удобны всем. Хотя и не всем полезны. Для одних это была иллюзия победы и захвата территории «врага», для других – демонстрация «свободы», для третьих – возможность сохраниться» [3, с. 136].

Заслуживает уважения и внимания авторский вывод о том, что «...об одном можно говорить с уверенностью: всё самое великое, самое значительное советская власть построила не на песке, не на иллюзиях, не на обмане народа, а на использовании энергии и жизни традиции, но при этом убивая традицию. Победа была там, куда включалась традиция, отдавая добровольно свою силу даже не революции, а России и традиционным ценностям, осознавая, что понятия «Родина», «вера», «Церковь», «долг и честь», «справедливость», «истина» выше всего сиюминутного и мелкого. Это главное, что нам удалось выяснить [1, с.683]. В итоге, можно сделать вывод, что рецензируемая коллективная монография вносит большой вклад в изучение русских традиций в XX веке и становится важной вехой в научном изучении данной темы.

Список источников и литературы

1. *Границы советского традиционализма (из опыта русского народа в XX веке). Этнологическое исследование* (2021) / О. В. Кириченко, Т. А. Листова, С. С. Крюкова, Т. А. Воронина, Н. В. Шляхтина; Отв. ред. и сост. О. В. Кириченко. СПб.: Алетейя. 688 с.
2. Кириченко, О. В. (2020) *Общие вопросы этнографии русского народа. Традиция. Этнос. Религия*. СПб.: Алетейя. 958 с.
3. *Презентация монографии: Границы советского традиционализма (из опыта русского народа в XX веке). Этнологическое исследование* / О. В. Кириченко, Т. А. Листова, С.

С. Крюкова, Т. А. Воронина, Н. В. Шляхтина; Отв. ред. и сост. О. В. Кириченко. СПб.: Алетейя, 2021. 688 с. (2021) // Традиции и современность. № 27. С. 133-136.

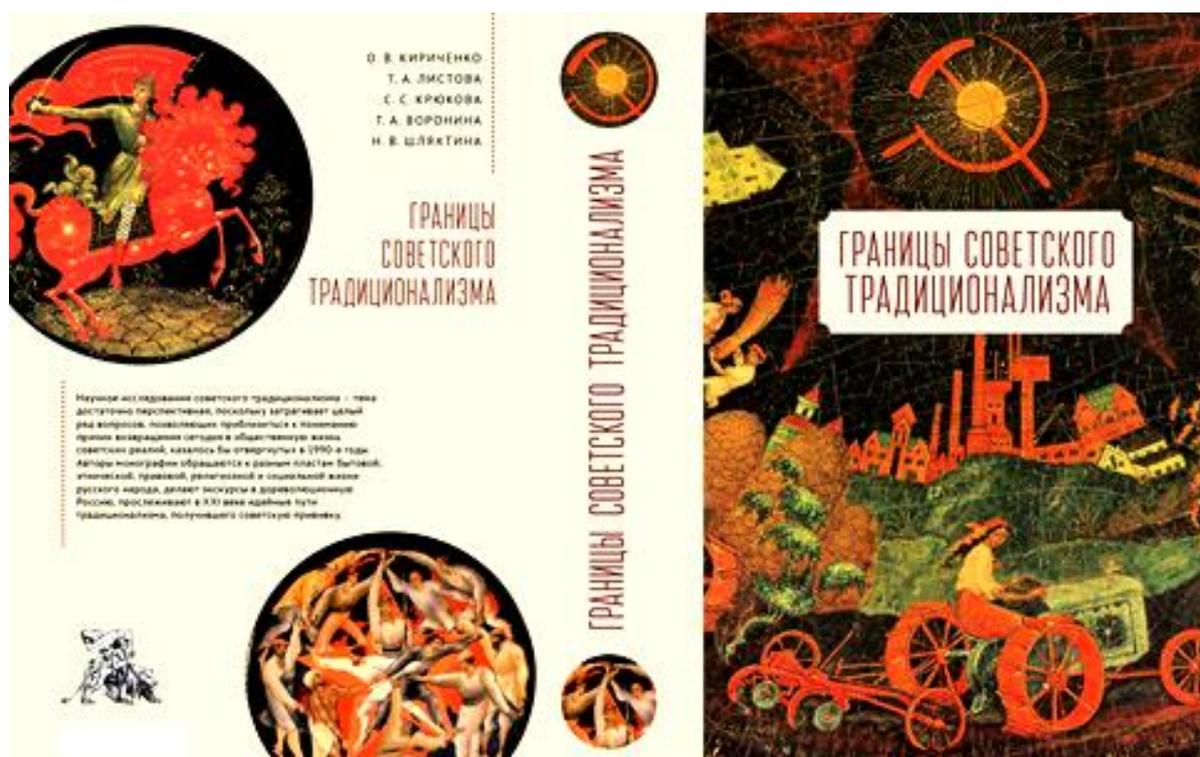
References

1. *Granicy sovetskogo tradicionalizma (iz opyta russkogo naroda v XX veke). Etnologicheskoe issledovanie* (2021) [The boundaries of Soviet traditionalism (from the experience of the Russian people in the XX century). Ethnological research] / O. V. Kirichenko, T. A. Listova, S. S. Kryukova, T. A. Voronina, N. V. Shlyahatina; Otv. red. i sost. O. V. Kirichenko, St. Petersburg, Aletejya Publ. (in Russian).

2. Kirichenko, O. V. (2020) *Obshchie voprosy etnografii russkogo naroda. Tradiciya. Etnos. Religiya* [General questions of the ethnography of the Russian people. Tradition. Ethnic group. Religion]. St. Petersburg, Aletejya Publ. (in Russian).

3. *Prezentaciya monografii: Granicy sovetskogo tradicionalizma (iz opyta russkogo naroda v XX veke). Etnologicheskoe issledovanie* (2021) [The boundaries of Soviet traditionalism (from the experience of the Russian people in the XX century). Ethnological research] / O. V. Kirichenko, T. A. Listova, S. S. Kryukova, T. A. Voronina, N. V. SHlyahatina; otv. red. i sost. O. V. Kirichenko. St. Petersburg, Aletejya Publ. in Tradicii i sovremennost', 27, 134-136. (in Russian).

Приложение

*Ляпин Д. А.
Жиров Н. А.
Мельникова А. Р.
(Елец)*

УДК 94(47)

БЕЛГОРОДСКАЯ ЧЕРТА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЮГА ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ¹

Белгородская черта представляла собой крупнейшее военно-оборонительное сооружение, протянувшееся на несколько сотен километров по территории современных Белгородской, Воронежской, Липецкой и Тамбовской областей. Она была возведена усилиями тысяч людей в середине XVII в., когда стало ясно, что политика мирного сдерживания Крымского ханства и Османской империи не может дать результатов и необходимо перейти к активной обороне. Строительство укрепленной линии происходило на протяжении 30 лет и было связано с массовыми переселениями людей, военными действиями и организацией нового хозяйственного развития обширного степного региона. Ценой жизни сотен людей, погибших или уведённых в плен, удалось построить черту как единый комплекс и перейти к наступлению на юг, достигнув уже к концу XVII в. берегов Черного моря.

В рамках реализации проекта Российского научного фонда (№ 21-18-00024) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина» исследовательской группой был собран богатый материал по истории Белгородской черты, который позволил изучить ее историю в различных аспектах. Отдельного внимания в этой связи заслуживает значение черты как инструмента, оказавшего важнейшее значение для образования локальной идентичности населения современного Центрального Черноземья [2].

Исторически формирование зоны Белгородской черты происходило в постоянном взаимодействии с несколько ранее освоенными территориями современных Орловской, Тульской и Рязанской областей, иными словами региона Поочья. Поэтому важно рассматривать эту зону в более широком контексте истории всего юга Центральной России, который многие специалисты называли центральной земледельческой полосой России [3].

Белгородская черта являлась не просто системой обороны южнорусских рубежей, но и зоной формирования специфического сообщества. Здесь слились пришедшие из коренной Московской Руси военно-служилые люди, великорусские пахари, посадское население старорусских городов, представители казацкой вольницы, мирных охотников, рыболовов, бортников из мордовских сел и деревень, представителей казачьего мира Малороссии. В зоне Белгородской черты сложились основы южного варианта великорусской культуры, заметные черты которой сохраняются и продолжают работать на укрепление русской национальной идентичности в наше время. Историческая территория Белгородской черты уже с конца XVII в. стала продовольственной житницей Российского государства. Благодаря ее строительству со временем получили развитие такие крупные сегодня административные, экономические и культурные центры, как Воронеж, Липецк, Белгород и Тамбов [1].

Реализация проекта предполагает создание геоинформационной системы Белгородской черты. Таким образом, мы сможем представить ее масштаб и значение. Полагаем, что в создании Белгородской черты отразились главные особенности социальной организации и формы поведения русского общества. Именно здесь мы можем наглядно увидеть менталитет и самосознание населения, слаженность действий власти и «миров» – как специфиче-

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00024) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина».

скую особенность механизма функционирования российской государственности. В процессе строительства оборонительных сооружений обозначились основные формы поведения русского населения того времени: приоритет общественного интереса над частным, самоорганизация и коллективизм, общинное начало и патернализм. Все это позволило в совокупности создать условия для выработки интегративной деятельности, с помощью которой местное общество успешно осваивало новое природное пространство степных пространств юга Центральной России в условиях постоянных военных действий. Важность изучения форм поведенческих моделей и структуры повседневности определяется тем, что именно эти понятия наполняют реальную историческую действительность. Именно поэтому создание геоинформационной системы Белгородской черты сопровождалось комплексным исследованием социально-повседневной и поведенческой структуры русского общества в широких хронологических рамках [4].

Многоаспектное изучение Белгородской черты привело нас к пониманию того, что ее история и наследие могут выступить в качестве важного продукта, отражающего особенности формирования локальной идентичности Российского государства, в котором проявились его отличительные признаки. И в этой связи результаты исследования можно использовать как технологии визуализации и взаимодействия с прошлым в научном пространстве.

Список источников и литературы

1. Жиров, Н. А. (2022) *Социально-экономическое развитие территории бывшей Белгородской черты по материалам "экономических примечаний" к планам генерального межевания елецкого уезда орловской губернии* // Вопросы истории. № 9-1. С. 76-84.
2. Жиров, Н. А., Ляпин, Д. А., Мельникова, А. Р. (2022). *К вопросу об изучении демографического развития региона Центрального Черноземья во второй половине XVIII – первой половине XIX в.* // История: факты и символы. № 2 (31). С. 135-136.
3. Ляпин, Д. А. (2022). *Социальный состав и динамика численности сельского населения региона Белгородской черты во второй половине XVII века* // Filo Ariadne. № 2. С. 136-150.
4. Ляпин, Д. А., Мизис, Ю. А. (2021). *Поведенческие модели населения крепостей юга России в XVII в. (по материалам Воронежского, Козловского и Тамбовского уездов)* // Журнал Фронтирных Исследований. № 3. С. 11-28.

References

1. Zhiron, N. A. (2022) *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie territorii byvshey Belgorodskoy cherty po materialam "ekonomicheskikh primechaniy" k planam general'nogo mezhevaniya eletskego uezda orlovskoy gubernii* [Socio-economic development of the territory of the former Belgorod line based on the materials of "economic notes" to the plans for the general land surveying of the Yelets district of the Oryol province] in Voprosy istorii, 9-1, 76-84. (in Russian).
2. Zhiron, N. A., Lyapin, D. A., Mel'nikova, A. R. (2022). *K voprosu ob izuchenii demografi-cheskogo razvitiya regiona Tsentral'nogo Chernozem'ya vo vtoroy polovine XVIII – pervoy po-lovine XIX v.* [On the issue of studying the demographic development of the Central Black Earth region in the second half of the 18th - the first half of the 19th century] in Istoriya: fakty i simvoly, 2 (31), 135-136. (in Russian).
3. Lyapin, D. A. (2022). *Sotsial'nyy sostav i dinamika chislennosti sel'skogo naseleniya regiona Belgorodskoy cherty vo vtoroy polovine XVII veka* [Social composition and dynamics of the rural population of the Belgorod line region in the second half of the 17th century] in Filo Ariadne, 2, 136-150. (in Russian).
4. Lyapin, D. A., Mizis, Yu. A. (2021). *Povedencheskie modeli naseleniya krepostey yu-*

ga Ros-sii v XVII v. (po materialam Voronezhskogo, Kozlovskogo i Tambovskogo uezdov) [Behavioral models of the population of fortresses in the south of Russia in the 17th century. (Based on the materials of the Voronezh, Kozlovsky and Tambov counties)] in Zhurnal Frontirnykh Issledovaniy, 3, 11-28. (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Артёмов Сергей Николаевич - доктор исторических наук, профессор Московского государственного лингвистического университета, ar7emov.ser@yandex.ru

Ботова Вера Ивановна – кандидат химических наук, Дюссельдорф, Германия, vera@rheinol.de

Гаврилова Екатерина Игоревна – аспирантка кафедры истории России Воронежского государственного университета, Воронеж, gavrilova198901@mail.ru

Горлов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор Московского государственного лингвистического университета, Москва, gorlov812@mail.ru

Ермакова Ольга Константиновна - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского института русской культуры Уральского федерального университета, Екатеринбург, ermakovaok@mail.ru

Жилов Николай Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, Елец, zhirov-nikolai@mail.ru

Коробицына Луиза Владимировна – кандидат исторических наук, магистр юриспруденции, доцент Департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Россия, Москва, LVKorobitsyna@fa.ru

Кулачков Вадим Витальевич – кандидат исторических наук, доцент Брянского государственного инженерно-технологического университета, Брянск, Россия, vad2517@yandex.ru

Лаптев Василий Алексеевич – аспирант Центра военной истории России Института российской истории Российской академии наук, Москва, Vasilylap1996@gmail.com

Лямин Сергей Константинович – кандидат исторических наук, доцент Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина, Тамбов, laomin@mail.ru

Ляпин Денис Александрович – доктор исторических наук, доцент Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, Елец, Россия, lyapin-denis@yandex.ru

Мельникова Алена Романовна - научный сотрудник Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, Елец, Россия, alna.melnikova.2000@list.ru

Олейникова Светлана Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина, Тамбов, mgk68@mail.ru

Оришев Александр Борисович – доктор исторических наук, профессор Российского государственного аграрного университета – Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева, Москва, orishev71@mail.ru

Ряполов Владимир Васильевич – кандидат исторических наук, доцент Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, Елец, ryapol_77.ist@mail.ru

Топильский Алексей Геннадьевич - кандидат исторических наук, доцент Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, Тамбов, a-topil@yandex.ru

Хамицаева Альбина Ахметовна – кандидат исторических наук, доцент Северо-Осетинского государственного университета им. Коста Левановича Хетагурова, Владикавказ, bzarty@mail.ru

Шалак Максим Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент Южного федерального университета, Таганрог, shemjchich@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey N. Artyomov - Doctor of Historical Sciences, Professor of Moscow State Linguistic University, artemov.ser@yandex.ru

Vera I. Botova – Candidate of Chemical Sciences, Dusserdolph, Germany, vera@rheinol.de

Ekaterina I. Gavrilova – Postgraduate Student, Department of Russian History, Voronezh State University, Voronezh, gavrilo198901@mail.ru

Vladimir N. Gorlov – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Moscow State Linguistic University, Moscow, gorlov812@mail.ru

Olga K. Ermakova - Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Research Institute of Russian Culture, Ural Federal University, Yekaterinburg, ermakovaok@mail.ru

Nikolai A. Zhiron – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Bunin Yelets State University, Yelets, zhiron-nikolai@mail.ru

Vadim V. Kulachkov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Bryansk State Engineering and Technology University, Bryansk, Russia, vad2517@yandex.ru

Luiza V. Korobitsyna – PhD in History, Master in Law, Associate-Professor, Department of humanitarian studies, Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia, Moscow, LVKorobitsyna@fa.ru

Vasily A. Laptev – post-graduate student of the Center for Military History of Russia, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Vasilylap1996@gmail.com

Sergey K. Lyamin – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Derzhavin Tambov State University, Tambov, laomin@mail.ru

Denis A. Lyapin – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of Bunin Yelets State University, Yelets, Russia, lyapin-denis@yandex.ru

Alena R. Melnykova – Researcher, Bunin Yelets State University, Yelets, alna.melnikova.2000@list.ru

Svetlana D. Oleinikova – Candidate of Philology, Associate Professor, Derzhavin Tambov State University, Tambov, mgk68@mail.ru

Alexander B. Orishev - Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian State Agrarian University - Moscow Agricultural Timiryazev Academy, Moscow, orishev71@mail.ru

Vladimir V. Ryapolov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Bunin Yelets State University, Yelets, Russia, ryapol_77.ist@mail.ru

Aleksey G. Topilsky - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Derzhavin Tambov State University, Tambov, a-topil@yandex.ru

Albina A. Khamitsaeva – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Kosta Levanovich Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz, bzarty@mail.ru

Maxim E. Shalak – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Taganrog, shemjchich@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Объем статьи не должен быть меньше 15 страниц А4, с текстом, набранным 14 шрифтом. Библиографический список статьи должен содержать не менее 10 позиций (не считая ссылок на архивные фонды).

ТЕКСТ научной статьи следует строго оформлять согласно следующим требованиям:

Текстовый редактор – Microsoft Word.

Формат – А4.

Поля – 2 см со всех сторон.

Шрифт – Times New Roman (при необходимости – другой; если шрифт не входит в список общепринятых, его нужно прислать отдельным файлом).

Размер шрифта – 14.

Межстрочный интервал – 1,5.

Абзац (отступ) – 1,25.

Ориентация – книжная, без простановки страниц, без переносов.

Редактор формул – пакет Microsoft Office (MathType).

Графики, таблицы и рисунки – черно-белые, без цветной заливки, допускается штриховка.

УДК (см., например: <http://teacode.com/online/udc/> или <http://udkcodes.net>).

Краткая аннотация статьи на русском языке (курсивом). Объем аннотации **не менее 200 слов**. Аннотация должна содержать: актуальность работы, новизну, методы, источниковую базу, результаты (выводы).

Ключевые слова (курсивом, не менее 5-7).

Краткая аннотация статьи на английском языке (курсивом).

Ключевые слова на английском языке.

Фамилия, имя, отчество автора(ов) (жирным шрифтом, курсивом, имя и отчество сокращенно), ниже – город, который представляет автор (курсивом), – по левому краю, строчными буквами.

Название статьи – по центру, без отступа, прописными буквами.

Текст статьи – выравнивание по ширине.

ССЫЛКИ в тексте оформляются по следующему образцу: [1, с. 195], [4], [3, с. 20; 7, с. 68], [8, д. 143, л. 8]. Библиография оформляется в соответствии с образцом, который прилагается к данным требованиям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ приводится в алфавитном порядке в виде нумерованного списка. В списке источников и литературы указывается издательство и количество страниц. После списка источников и литературы обязательно следует References.

REFERENCES

Список литературы на английском языке (References) – комбинация транслитерированной и англоязычной частей русскоязычных ссылок.

Дополнительно

Уважаемые авторы! Заявки на публикацию принимаются только по указанному выше адресу электронной почты. Рецензирование научной работы осуществляется редакционной коллегией журнала, которая принимает решение о публикации статьи, внешние рецензии не учитываются. Редакция оставляет за собой право не принимать к рассмотрению статьи авторов, материалы которых неоднократно отклонялись редакционной коллегией. Публикуются только одобренные редакционной коллегией статьи. Оформить подписку можно в любом отделении «Почты России».

Редакция отдает предпочтение статьям, связанным с историей повседневной жизни, работам, посвященным историко-антропологическим проблемам, микроистории и исторической культурологии.

Научное издание

**ИСТОРИЯ:
ФАКТЫ И СИМВОЛЫ**

№ 1 (34) / Елец, 2023

*Литературный редактор, корректор – В. В. Ряполов
Технический редактор – Н. П. Безногих
Техническое исполнение – В. М. Гришин
Дизайн обложки – П. А. Фрольцова (ИАИ РГГУ)*

Знак информационной продукции 12+

Подписано в печать 09.03.2023
Дата выхода в свет 10.03.2023
Бумага 80,5 п.л. формат А-4. Гарнитура Times. Печать трафаретная
Тираж 1000 экз. Заказ № 2
Свободная цена

Адрес редакции и издателя:
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1
E-mail: nauka@elsu.ru
Сайт журнала: <http://historic-journal.ru>

Подписной индекс журнала № **64989** в каталоге периодических изданий
органов научно-технической информации агентства «Роспечать»

Подписной индекс журнала № **43281** в объединенном каталоге «Пресса России»

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии
Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина»
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1